

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Н.Е. Антонова, Л.В. Волков,
Н.В. Ломакина, Г.И. Сухомиров**

**РЕСУРСНЫЕ ОТРАСЛИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ
И ВНЕШНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2017

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**N.E. Antonova, L.V. Volkov,
N.V. Lomakina, G.I. Sukhomirov**

**RESOURCE BRANCHES
OF THE FAR EAST:
DYNAMICS OF DEVELOPMENT
AND EXTERNAL INTERACTIONS**

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2017

УДК 332.142.4.+638.1.+332.14 + 330.15 (571.6)

Антонова Н.Е., Л.В. Волков, Ломакина Н.В., Сухомиров Г.И.

Ресурсные отрасли Дальнего Востока: динамика развития и внешние взаимодействия [Электронный ресурс] / отв. ред. Н.Е. Антонова, Н.В. Ломакина ; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 181 с.

ISBN 978-5-906118-27-1

В монографии рассмотрены вопросы развития основных ресурсных отраслей Дальнего Востока: минерально-сырьевого, рыбохозяйственного, лесного комплексов и сельского хозяйства. Дан анализ их обеспеченности сырьевой базой, показаны проблемы воспроизводства ресурсов в каждом из обозначенных комплексов. Выявлены тенденции в системе природопользования Дальнего Востока, характерные для современного периода, включая кризисные явления в российской экономике и их проявление в природно-ресурсном секторе. Проанализирована динамика использования природных ресурсов Дальнего Востока, рассмотрен инвестиционный потенциал ресурсных отраслей. Показано воздействие на ресурсные отрасли региона институциональных изменений, в том числе реализации механизмов новой модели развития Дальнего Востока (территорий опережающего социально-экономического развития, введение особого налогового режима, поддержка инвестиционных проектов). Исследовано влияние на природно-ресурсный сектор внешнего фактора, рассмотрены вопросы конкуренции, существующие и новые формы кооперации между российским Дальним Востоком и странами Северо-Восточной Азии. Особое внимание уделено активизации российско-китайского сотрудничества в ресурсных отраслях Дальнего Востока. Получены оценки, характеризующие изменения в природопользовании в части сырьевых, технологических, институциональных, организационных аспектов, международной составляющей природно-ресурсного сектора Дальнего Востока.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами природопользования, ученых, бизнесменов, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: природные ресурсы, воспроизводство ресурсной базы, ресурсные отрасли, минерально-сырьевой комплекс, рыбохозяйственный комплекс, лесной комплекс, сельское хозяйство, институциональный фактор, внешние взаимодействия, Дальний Восток.

Ответственные редакторы: Н.Е. Антонова, Н.В. Ломакина

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-27-1

© Антонова Н.Е., Л.В. Волков,
Ломакина Н.В., Сухомиров Г.И., 2017
© Институт экономических
исследований ДВО РАН, 2017

Antonova N.E., Volkov L.V., Lomakina N.V., Sukhomirov G.I.

Resource Branches of the Far East: Dynamics of Development and External Interactions / ed. by N.E. Antonova, N.V. Lomakina; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2017. – 181 p.

In the monograph questions of development of primary resource branches of the Far East are considered: mineral and raw, fishery, forest complexes and agriculture. The analysis of their provision with raw materials is given, problems of reproduction of resources in each of the designated complexes are shown. Tendencies in the natural resource use system of the Far East, characteristic of the modern period, including the crisis phenomena in the Russian economy and their manifestation in the natural resource sector are revealed. Dynamics of use of natural resources of the Far East is analysed, the investment potential of resource branches is considered. Impact on resource branches of the region of institutional changes, including realization of mechanisms of new model of development of the Far East is shown (territories of the advancing social and economic development, introduction of particular tax regime, support of investment projects). Influence on the natural resource sector of an external factor is investigated, the questions of the competition, existing and new forms of cooperation between the Russian Far East and the countries of Northeast Asia are considered. Special attention is paid to activization of the Russian-Chinese cooperation in the resource branches of the Far East. The estimates characterizing changes in the natural resource use regarding raw, technological, institutional, organizational aspects, the international component of the natural resource sector of the Far East are received.

The book is intended for a wide range of the readers who are interested in problems of the natural resource use, scientists, businessmen, teachers, graduate students and students.

Keywords: natural resources, reproduction of resource base, resource branches, mineral and raw complex, fishery complex, forest complex, agriculture, institutional factor, external interactions, Far East.

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ КОМПЛЕКС.	8
1.1	Структурно-динамические и воспроизводственные характеристики развития комплекса в 2010-2016 гг.	8
1.2	Институциональные изменения и инвестиционный потенциал минерального сектора экономики Дальнего Востока	19
1.3	Новые тенденции минеральной политики Китая и сотрудничество в минеральном секторе Дальнего Востока	27
Глава 2	РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС	37
2.1	Становление рыбной промышленности Дальнего Востока: исторические аспекты	38
2.2	Развитие рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока в реформенный период	47
2.3	Влияние институциональных изменений на развитие рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока на современном этапе	51
2.4	Влияние внешнего спроса на конкурентоспособность использования водно-биологических ресурсов и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока	61
Глава 3	ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС	70
3.1.	Лесные ресурсы Дальнего Востока: потенциал, динамика, проблемы воспроизводства	70
3.2.	Национальная лесная политика: отраслевой и территориальный аспекты	79
3.3	Динамика и проблемы промышленного использования лесных ресурсов Дальнего Востока	85
3.3.	Влияние внешнего спроса на лесной комплекс российского Дальнего Востока: современные тенденции, возможности инвестиционного сотрудничества	94
Глава 4	СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	107
4.1	Природные ресурсы сельского хозяйства	107
4.2	Сельское хозяйство Дальнего Востока в дореформенный период и в условиях рынка	113
4.3	Проблема самообеспечения населения Дальнего Востока сельскохозяйственными продуктами	137
4.4	Особенности развития сельского хозяйства в условиях ВТО и импортозамещения.	143
4.5	Перспективы развития сельского хозяйства Дальнего Востока	151
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Природные ресурсы и природопользование многие десятилетия являются системообразующим ядром экономики Дальнего Востока. Богатый природно-ресурсный потенциал, развитие ресурсных секторов в качестве отраслей национальной специализации Дальневосточного макрорегиона, активное участие государства в его развитии – этот набор факторов и их сочетание вполне справедливо признаны фундаментальными, определяющими перспективы его развития, а государственная политика по отношению к Дальнему Востоку была и остается экспортоориентированной¹.

Оставаясь «сердцевиной» экономической системы Дальнего Востока, природно-ресурсный сектор в последнее десятилетие стал еще более значим в региональной экономике – существенной остается его доля и в объеме ВРП территории, и в структуре промышленного производства.

В последнее время со стороны федерального центра усилилось внимание к Дальнему Востоку как к региону, обеспечивающему геополитические и национальные стратегические приоритеты России. Это выражается в принятии целого пула нормативно-правовых актов, содержащих инструменты экономической политики и направленных на формирование инвестиционно привлекательного имиджа региона. При этом ресурсные отрасли остаются наиболее привлекательными точками приложения инвестиций (в том числе государственных), особенно минерально-сырьевой сектор.

Но на фоне растущих экономических позиций ресурсных отраслей теряется их освоенческая функция, которая всегда была важной в районах пионерного освоения на Дальнем Востоке. Последствия кризисных явлений в экономике 1990-х и начала 2000-х гг., падение производственно-экономических показателей в ресурсных отраслях привели к сокращению занятых и оттоку трудовых ресурсов из поселений, создаваемых в местах освоения природных ресурсов, потере их роли как опорных пунктов освоения территории. Оживление экономической активности в ресурсных отраслях в последние десять лет не привело к усилению их освоенческих функций.

Все выше сказанное побудило авторов к написанию данной монографии, базируясь на многолетних собственных исследованиях и привлекая оценки и суждения других ученых и специалистов, чьи научные интересы находятся в поле или пересекаются с полем научных интересов авторов этой

¹ Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.

книги. Исследование также основывалось на большом количестве нормативно-правовых документов в сфере природопользования и регионального развития, данных официальной статистики, аналитических отраслевых обзорах, исторических материалах.

Монография состоит из четырех глав и построена по «отраслевому принципу»: каждая глава посвящена одному ресурсному комплексу. В качестве объекта исследования выбраны четыре отрасли природно-ресурсного сектора Дальнего Востока: минерально-сырьевой, рыбохозяйственный и лесной комплексы, которые являются отраслями народнохозяйственной специализации Дальнего Востока, а также сельское хозяйство. Структура работы определяется значимостью каждой отрасли в экономике Дальнего Востока. Наибольший вклад в макропоказатели региона (ВРП, налоговые доходы, инвестиции, объем экспорта) приходится на минерально-сырьевой комплекс. На втором и третьем местах по этим показателям рыбохозяйственный и лесной комплекс, замыкает четверку сельское хозяйство.

В монографии исследованы новые явления и выявлены тенденции в отраслях природно-ресурсного сектора Дальнего Востока, характерные для периода 2005-2015 гг., включая кризисные явления в российской экономике и их проявление в природно-ресурсном секторе. Тем не менее, для обеспечения сравнительной базы применялось обращение к предыдущим периодам в развитии отраслей.

Показано влияние на ресурсные отрасли региона институциональных изменений, в том числе реализации механизмов новой модели развития Дальнего Востока. Исследовано влияние на природно-ресурсный сектор внешнего фактора, рассмотрены вопросы конкуренции, существующие и новые формы кооперации между Российским Дальним Востоком и странами Северо-Восточной Азии. Особое внимание уделено активизации российско-китайского сотрудничества в ресурсных отраслях Дальнего Востока. Получены оценки, характеризующие изменения в природопользовании в части сырьевых, технологических, институциональных, организационных аспектов, международной составляющей ресурсных отраслей Дальнего Востока.

Монография подготовлена авторским коллективом в составе:

д-р экон. наук *Антонова Н.Е.* (предисловие, заключение, глава 3)

канд. экон. наук *Волков Л.В.* (глава 2)

д-р экон. наук *Ломакина Н.В.* (предисловие, заключение, глава 1)

канд. с.-х. наук *Сухомиров Г.И.* (глава 4)

Каждая глава отражает авторское видение материала для наилучшей характеристики исследуемой ресурсной отрасли.

ГЛАВА 1. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока

1.1. Структурно-динамические и воспроизводственные характеристики развития комплекса в 2010–2016 гг.

В рассматриваемый период динамика основных показателей развития минерально-сырьевого комплекса (МСК) Дальнего Востока¹ была в целом позитивной (при имевшейся все же разнонаправленности тенденций для различных подотраслей комплекса и территорий). И это несмотря на кризисные явления в экономике России в целом, и региона, в частности. В целом по Дальневосточному федеральному округу за пять лет объем отгруженной продукции по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»² вырос практически в два раза (в фактических ценах) (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Динамика и территориальная структура добычи полезных ископаемых на Дальнем Востоке

Территория	Объем отгруженной продукции, млн руб.		Динамика объема производства, 2014–2010	Территориальная структура производства по ВЭД «Добыча полезных ископаемых», %	
	2010	2014		2010	2014
ДФО*	348 403	669 783	1,92	100	100
Республика Саха (Якутия)	214 206	418 618	1,95	61,48	62,5
Камчатский край	6326	8190	1,29	1,82	1,22

¹ Достаточно подробно структурно-динамические характеристики и воспроизводственные проблемы развития минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока в предшествующий период (1990–2010 гг.) рассмотрены в работах автора: Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск, 2009. 242 с.; Ломакина Н.В., Антонова Н.Е. Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 89–107.

² Из этой оценки исключена информация по Сахалинской области, где добыча углеводородных ресурсов обеспечивает практически такой же объем производства по ВЭД «Добыча полезных ископаемых», что и все остальные территории Дальнего Востока вместе взятые – 353 836 млн руб. в 2010 г. и 809 378 млн руб. в 2014 г.

Территория	Объем отгруженной продукции, млн руб.		Динамика объема производства, 2014–2010	Территориальная структура производства по ВЭД «Добыча полезных ископаемых», %	
	2010	2014		2010	2014
Приморский край	10 656	10 982	1,03	3,06	1,64
Хабаровский край	25291	49980	1,98	7,26	7,46
Амурская область	26599	55690	2,09	7,63	8,31
Магаданская область	29546	61790	2,09	8,48	9,23
ЕАО	286	720	2,52	0,08	0,11
ЧАО	35494	63813	1,79	10,19	9,53

Примечание. * Без Сахалинской области.

Источник: Промышленное производство в Амурской области в 2014 году / Амурстат. Благовещенск, 2015.

Территориальная структура отрасли в разрезе субъектов РФ в рассматриваемый период осталась практически неизменной: по-прежнему примерно половина стоимости продукции минерального сектора Дальнего Востока обеспечивается добычей алмазов и драгоценных металлов в Якутии, остальная часть формируется добычей драгоценных металлов в Чукотском автономном округе, Магаданской и Амурской областях, в Хабаровском крае. Роль и значение минерального сектора для экономики этих субъектов РФ не изменились, по-прежнему оставаясь существенными (*табл. 1.2*).

Добыча полезных ископаемых формирует практически весь объем промышленного производства в Магаданской области и Чукотском автономном округе (ЧАО), почти половину – в Якутии. Существенно выросла в рассматриваемом периоде доля горнодобычи в промышленности Амурской области, прежде всего за счет инвестиционной активности и реализации проектов крупной компанией «Петропавловск». Возрастает вклад отраслей по добыче полезных ископаемых и в структуре диверсифицированной промышленности Хабаровского края. Уровень заработной платы в минеральном секторе превышает среднюю по экономике в рассматриваемых субъектах РФ на 30–80% (*табл. 1.2*). Отрасли по добыче полезных ископаемых и в кризисный период продолжали демонстрировать свою инвестиционную привлекательность.

Все эти оценки, прежде всего, характерны для отрасли по добыче драгоценных металлов, которая формирует значительную часть объемов продукции по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических» на Дальнем Востоке. Что касается

тенденций и динамики добычи драгоценных металлов, то для российской золотодобычи эксперты¹ выделяют три ключевых этапа:

– 1990-е гг. прошлого века со снижающимся уровнем добычи золота (включая рекордно низкий уровень добычи и производства золота в 114,9 т в 1998 г.);

– период восстановления объемов добычи, а также активный ее рост за счет высоких темпов роста цен на золото (с 2008 по 2012 гг.);

– нынешний период высоких темпов роста объемов добычи и увеличения цены на золото в руб. из-за девальвации руб. на фоне сохраняющихся низких мировых (долларовых) цен на золото.

Таблица 1.2

Вклад ВЭД «Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических» (ДПИ кроме ТЭ) в экономику отдельных субъектов РФ в Дальневосточном федеральном округе

Территория	Доля в объеме промышленного производства, %		Отношение среднемесячной зарплаты по ВЭД ДПИ кроме ТЭ к среднемесячной зарплате по экономике		Доля инвестиций в ДПИ кроме ТЭ в общем объеме инвестиций в основной капитал промышленности, %	
	2010	2014	2010	2014	2010	2014
Республика Саха (Якутия)	46,8	49,4	1,8	1,8	9,9	18,4
Хабаровский край	14,8	15,4	1,7	1,7	17,2	15,9
Амурская область	34,5	48,8	1,5	1,5	50,7	21,7
Магаданская область	81,2	79,6	1,4	1,3	41,9	74,2
ЧАО	74,9	81,2	1,1	1,1	38,9	46,4

Источники: Республика Саха (Якутия) в цифрах. 2015 / Якутстат. Якутск, 2015; Промышленное производство в Амурской области в 2014 году / Амурстат. Благовещенск, 2015; Промышленное производство в Хабаровском крае / Хабаровкстат. Хабаровск, 2015; Промышленное производство в Хабаровском крае / Хабаровкстат. Хабаровск, 2011. 84 с.; Промышленное производство Магаданской области в 2015 году / Магаданстат. Магадан, 2015. 67 с.; Труд и занятость в Магаданской области. 2015/ Магаданстат. Магадан, 2015; Хабаровский край в цифрах. 2015 / Хабаровкстат. Хабаровск, 2015. 136 с.; Чукотка в цифрах. 2014 год / Чукотстат. Анадырь, 2015. 92 с.

В целом за период 1995–2015 гг. объемы добычи и производства золота в России выросли более чем в два раза – с 131,9 т до 289,5 т. (добыча зо-

¹ Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. № 2. С. 20.

лота ведется в 22 регионах). Существенный вклад в эти объемы вносит добыча золота на Дальнем Востоке (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Динамика добычи золота в основных золотодобывающих регионах ДФО, т

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЧАО	24,9	20,1	18,0	21,4	30,3	33,6
Амурская область	19,8	29,1	28,7	30,7	29,3	27,7
Магаданская область	15,6	15,4	19,6	21,1	23,9	28,6
Республика Саха (Якутия)	18,6	19,4	20,8	22,0	23,1	27,2
Хабаровский край	15,0	14,5	18,1	20,6	20,4	21,3

Источник: Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. №2. С. 21; Комплексная региональная программа «Развитие горнодобывающей промышленности в Хабаровском крае на период до 2017 года»: распоряжение Правительства Хабаровского края от 19 декабря 2014 г. № 968-рп.; О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2015 году / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Москва, 2016. С. 210.

Для развития минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока в 2010–2016 гг. стали характерны не только сохранение ведущей роли золотодобывающей отрасли в традиционных регионах ее развития, но и появление отдельных структурных изменений (пространственно-отраслевых) в комплексе в целом.

Видимо, можно говорить о восстановлении отрасли по добыче олова в структуре МСК Дальнего Востока. Хабаровский край стал единственным российским регионом, где ведется добыча олова, объемы которой существенно выросли – с 130,0 т в 2009 г. до 577,5 т в 2015 г.

Такие результаты достигнуты не только благодаря инвестиционной политике компании «Русские Фонды» по освоению Правоурмийского месторождения олова (Верхнебуреинский район), но и активным действиям Правительства Хабаровского края. По инициативе регионального министерства природных ресурсов Правительством РФ была введена нулевая ставка НДС при добыче кондиционных руд олова в Дальневосточном федеральном округе на 5 лет (2013–2017 гг.). В перспективе в Хабаровском крае ожидается строительство новой обогатительной фабрики на Правоурмийском оловорудном месторождении (Верхнебуреинский район) мощностью 400 тыс. т руды в год и хвостохранилища объемом 4500 тыс. м³. Идет подготовка к освоению Соболиного оловорудного месторождения (Солнечный

район). Реализация этих проектов обеспечит увеличение объема добычи олова в Хабаровском крае до 3 тыс. т в год (рост в 23 раза в сравнении с 2009 г.)¹.

Еще одним проектом, меняющим перспективную структуру минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока, может стать освоение Малмыжского золото-меднопорфирового месторождения в Хабаровском крае. Предварительно оцененные запасы меди на этом месторождении приближаются к 6 млн т, а прогнозные – оценены более чем в 16 млн т, что на порядок превышает оценки уже имеющихся в Хабаровском крае запасов меди. Кроме того, на месторождении утверждены запасы золота в объеме более 270 т. Инвестор проекта компания «Амур Минералс» (совместное предприятие канадских компаний IG Cooper и Freeport McMoRan) высоко оценивает перспективы геологического изучения Малмыжского месторождения (вплоть до формирования месторождения мирового масштаба, сравнимого с монгольским Ою-Толгой), а также хорошо развитую логистику и инфраструктуру месторождения². Реализация этого проекта даст возможность сформировать еще одну отрасль национальной специализации на Дальнем Востоке – добычу и переработку меди.

В рассматриваемый период ожидаемым и не единожды отодвигаемым по срокам запуска стал проект Кимкано-Сутарского ГОКа в Еврейской автономной области. Кимкано-Сутарский ГОК (КСГОК) состоит из карьеров, обогатительной фабрики, вахтового поселка, хвостохранилища, водозабора и объектов инфраструктуры. Производственная мощность первой очереди составляет 10 млн т руды и 3,15 млн т железорудного концентрата с 65% содержания железа. На первом этапе намечается вывоз продукции в Китай. На комбинате планируется создать более 1,5 тысяч рабочих мест. Налоговые и другие отчисления во все уровни бюджетной системы РФ за 10 лет составят не менее 21 млрд руб. Предполагалось, что с 2015 по 2019 гг. Кимкано-Сутарский ГОК даст более 6 млрд руб. налоговых поступлений во все уровни бюджетов. При этом бюджет Еврейской автономной области должен получить более 2 млрд руб.³

¹ Комплексная региональная программа «Развитие горнодобывающей промышленности в Хабаровском крае на период до 2017 года»: распоряжение Правительства Хабаровского края от 19 декабря 2014 г. № 968-рп.

² Боуэнс Т.Э. Открытие золото-медно-порфирового месторождения «Малмыжское» в Хабаровском крае // Материалы 11-го Российского горнопромышленного форума «МАЙНЕКС Россия 2015» (Москва, 7–8 октября 2015 г.). <http://www.minexrussia.com/>

³ Власти: Кимкано-Сутарский ГОК принесет бюджету Еврейской АО более 2 млрд руб. до 2019 года // Planet-today.ru. 2015. 31 августа.

Ввод в действие этого проекта внесет изменения не только в продуктовую структуру минерального сектора экономики Дальнего Востока, но и изменит его пространственную структуру – Еврейская автономная область приобретет специализацию добывающей территории. После 2015 г. в связи с запланированным выходом на проектную мощность Кимкано-Сутарского ГОКа в экономике ЕАО ожидаются существенные количественные и структурные изменения¹:

- рост ВРП на 23,8% в сопоставимых ценах к уровню 2014 г.;
- структурные сдвиги в экономике области в сторону промышленного производства за счет роста доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в ВРП до 13,7% (против 0,8% в 2013-2014 гг.);
- в промышленном производстве области произойдут структурные сдвиги – ожидается, что на долю добывающей промышленности будет приходиться 50,7% от всего объема отгруженных товаров собственного производства;
- существенный рост экспортных поставок из ЕАО: ожидаемые показатели экспорта к 2017 г. увеличатся в 4–5 раз к уровню 2015 г.

Следует, однако, учесть и возможные проблемы/риски, связанные с реализацией проекта строительства Кимкано-Сутарского ГОКа:

- формирование сырьевой моноспециализации промышленности ЕАО;
- зависимость роста социально-экономических показателей и бюджетной обеспеченности ЕАО от деятельности одного крупного предприятия сырьевой специализации;
- вероятность снижения ожидаемых в ЕАО от деятельности КСГОК доходов бюджета по отдельным видам налогов (налог на прибыль, НДФЛ и др.) в связи с существенными изменениями структуры собственников предприятия².

Еще одним субъектом РФ на Дальнем Востоке, имеющим шансы стать территорией с горнодобывающей специализацией, является Камчатский край. Активную работу по формированию золотодобывающей отрасли и освоению месторождений драгоценных металлов ведет группа компаний (ГК) «Золото Камчатки», созданная в 2002 г. Группа владеет девятью лицензиями на право пользования недрами золоторудных объектов с общей ресурсной базой более 500 т.

¹ По оценке Правительства ЕАО.

² К настоящему времени доля золотодобывающего альянса Petropavlovsk в IRC составила 35,83% (к началу сделки в 2013 г. она составляла 63,1%), китайской компании General Nice Development Ltd принадлежит 23,2% (Запущена первая очередь Кимкано-Сутарского ГОКа // Metaltorg.ru. 2015. 31 августа).

Стратегия компании предполагает комплексное освоение территорий с выполнением геологоразведочных работ, строительством горнодобывающих и перерабатывающих предприятий и созданием объектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Инвестиции в 2010–2015 гг. составили более 400 млн долл. США, по планам компании до 2020 г. ожидаемые инвестиции составят более 270 млн долл. Количество сотрудников составляет более 1200 человек¹. Проекты компании поддерживаются не только администрацией Камчатского края, но и Фондом развития Дальнего Востока² в рамках новых институциональных и финансовых механизмов развития региона.

В Камчатском крае за 2016 г. зафиксирован рост объёма добычи драгоценных металлов – добыто 373 кг платины, 6,329 т золота и 11,794 т серебра. Увеличение объёмов добычи драгоценных металлов связано с вводом в промышленную эксплуатацию горно-обогатительного комбината на Аметистовом золоторудном месторождении. В целом на территории Камчатского края государственным балансом запасов полезных ископаемых учитывается 64 месторождения золота с общими балансовыми запасами почти в 199 т, прогнозные ресурсы золота оцениваются в 1,319 тыс. т³.

Безусловно, позитивная динамика развития минерально-сырьевого комплекса, его перспективные структурные изменения (отраслевые и пространственные) должны быть обеспечены соответствующим уровнем (количественным и качественным) минерально-сырьевой базы, особенно ее прогнозной части.

Общеизвестна оценка ситуации с геологоразведкой в России – в 1990-е гг. образовался мощный «провал» в воспроизводстве ресурсов. После 2005 г. ситуация начала меняться: была утверждена долгосрочная государственная программа воспроизводства минерально-сырьевой базы (МСБ) России до 2020 г. и, судя по ее ключевым задачам, была предпринята попытка восстановления непрерывности воспроизводственного цикла и ликвидации потерь ресурсов и кадров, находящихся на грани необратимых.

¹ Патлач А.И. ГК «Золото Камчатки». Крупнейший производитель золота в Камчатском крае // Материалы 11-го Российского горнопромышленного форума «МАЙНЕКС Россия 2015» (Москва, 7–8 октября 2015 г.).

² Чекунков А. Выступление в дискуссии «Восточный вектор развития российской горнорудной отрасли» // Материалы 11-го Российского горнопромышленного форума «МАЙНЕКС Россия 2015» (Москва, 7–8 октября 2015 г.).

³ Новости. Обзор СМИ // POLPRED.ru. 2017. Июнь.

Дальневосточный регион оценивается в этой программе как обладающий значительными прогнозными ресурсами многих видов твердых полезных ископаемых, что позволяет рассматривать его как высоко перспективный для прироста запасов. Программой (в первой ее редакции) предусматривалась концентрация в Дальневосточном регионе около 50% средств, планируемых на опережающие работы в России (регионально-минерагеническое картирование и целевые поиски на золото, платиноиды, медь, олово, борные руды), при этом доля федерального бюджета в опережающих работах превышает 95%¹.

В последние годы в Дальневосточном федеральном округе действительно отмечается положительная тенденция финансирования геологоразведочных работ, однако вопросы воспроизводства минерально-сырьевой базы по-прежнему остаются проблемными. Так, даже при состоявшихся приростах МСБ по отдельным видам ресурсов, «свободные» (нераспределенные) эффективные ресурсы для динамичного перспективного развития недропользования в регионе в долгосрочной перспективе не столь велики (табл. 1.4).

Таблица 1.4

**Доля ключевых видов полезных ископаемых, находящихся в распределенном фонде, по регионам Дальнего Востока на 01.01.2014 г.
(в % от величины балансовых запасов и прогнозных ресурсов, включенных в государственный баланс)**

Территория	Доля в балансовых запасах	Доля в прогнозных ресурсах
<i>Золото рудное</i>		
Республика Саха (Якутия)	82,4	53,6
Камчатский край	100,0	49,4
Хабаровский край	96,9	21,4
Амурская область	98,0	100,0
Магаданская область	85,1	100,0
ЧАО	98,5	100,0
<i>Серебро</i>		
Республика Саха (Якутия)	90,9	20,5
Хабаровский край	90,3	–
Магаданская область	89,2	44,5
ЧАО	98,9	70,0

¹ Мигачев И.Ф. Система программных мероприятий по развитию минерально-сырьевой базы Дальневосточного региона // Дальневосточный международный экономический конгресс. В 8 т. Т.1. Природные ресурсы в экономике регионов Востока России: материалы конференции (Хабаровск, 28 сентября 2005 г.). Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. С. 108–110.

Территория	Доля в балансовых запасах	Доля в прогнозных ресурсах
<i>Платина</i>		
Республика Саха (Якутия)	33,3	100,0
Камчатский край	100,0	–
Хабаровский край	99,8	–
<i>Железная руда</i>		
Республика Саха (Якутия)	85,5	45,1
Амурская область	100,0	100,0
ЕАО	100,0	0
<i>Никель и кобальт</i>		
Камчатский край	100,0	100,0

Источник: рассчитано с использованием материалов Департамента по недропользованию по Дальневосточному федеральному округу (Дальнедра).

Поэтому, если не удастся восстановить непрерывность воспроизводственного цикла минерально-сырьевой базы, концентрацию достаточных финансовых средств для освоения месторождений, то развитие МСК Дальнего Востока на базе только современных запасов может пойти и по минимальному варианту – со значительным сокращением добычи, прежде всего драгоценных металлов¹.

Дальневосточный федеральный округ является лидером по добыче золота в России. В течение предыдущих пяти лет она постоянно увеличивалась с 88,7 т до 130,5 т, и лишь в 2015 г. произошёл спад до 117,8 т за счёт уменьшения количества добытого золота из коренных месторождений на 12 т. В настоящее время, учитывая специализацию горнодобывающего комплекса Дальневосточного федерального округа, важнейшим является состояние МСБ золота и серебра. Что касается восполнения текущих запасов золота, то ситуация в 2010–2015 гг. выглядит вполне позитивной (*табл. 1.5*).

Таблица 1.5

Соотношение добычи и прироста запасов золота по ДФО в 2010–2015 гг., т

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Добыча	88,7	97,8	111,2	121,7	130,5	117,8
Прирост запасов	294,8	133,9	398,3	298,2	254,5	554,8

Источник: Вологин В.Г., Лазарев А.В. Состояние и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса Дальневосточного федерального округа // Материалы Форума Майнекс-ДВ. Магадан, 2016.

¹ Более подробно прогнозные оценки возможных вариантов долгосрочного развития минерально-сырьевого комплекса на период до 2050 г. представлены в работе: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток : Дальнаука, 2011. 912 с.

Крупнейший по объемам добываемого золота на Дальнем Востоке рудник находится на месторождении Купол (Чукотский АО), где в 2015 г. добыто 14,5 т золота. В рассматриваемый период была начата добыча на новых месторождениях – Албазино (Хабаровский край, добыча в 2015 г. 8,2 т), Албын и Пионер (Амурская область, 10,9 т), Павлик (Магаданская область, 3,1 т) и некоторых других. Большую часть добычи коренного золота в регионе осуществляют компании KinrossGoldCorp., Petropavlovskplc. и ОАО «Полиметалл». На долю добычи из россыпей округа приходится около 30 т.

Утвержденный прирост запасов золота в 2015 г. составил 554,8 т. Основной прирост запасов рудного золота – 478,6 т (87% от прироста по Дальневосточному федеральному округу) получен в Хабаровском крае, в том числе: 278 т – на месторождении Малмыж (ООО «Амур Минералс»), более 145 т – на месторождении Албазино (ООО «Ресурсы Албазино»), 19,8 т – на месторождении Перевальное (ООО «Амур Золото»), 12,4 т – на месторождении Полянка (ООО «НГК Ресурс»). Более 60 т (11% прироста по округу) составил прирост рудного золота в Амурской области, в том числе 57 т получено ООО «Амурмедь» на Иканском медно-порфировом месторождении¹.

В 2016 г. Группа Петропавловск открыла Эльгинское золоторудное месторождение (Амурская обл.), запасы которого составляют 56,2 млн т руды (с содержанием 72 т золота и 14 т серебра по категориям C1+C2) и ожидается их удвоение. Месторождение находится рядом с месторождением Албын, и руда с него может перерабатываться на Албынской фабрике².

Таким образом, уже на протяжении нескольких лет наблюдается устойчивое превышение прироста запасов золота по результатам ГРП над погашением его запасов в результате добычи.

За прошедшее десятилетие (2005–2015 гг.) ключевые показатели развития минерально-сырьевого комплекса ДФО по важнейшим видам полезных ископаемых, имеющих федеральное значение, практически не изменили своих позиций в общероссийских показателях (табл. 1.6).

Тем не менее, «освоение сырьевой базы золота в России ведется интенсивно. Реализация всех локализованных в стране прогнозных ресурсов сможет обеспечить прирост промышленных запасов в объеме не более 2–2,5 тыс. т, что позволит продлить работу золотодобывающей промышленности страны при уровне добычи 2015 г. всего на 7–9 лет. Для устойчивого развития отрасли необходимо проведение геологоразведочных работ по

¹ Вологин В.Г., Лазарев А.В. Состояние и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса Дальневосточного федерального округа // Материалы Форума Майнекс-ДВ. Магадан, 2016.

² Новости. Обзор СМИ // POLPRED.ru. 2017. Август.

воспроизводству МСБ золота страны как за счет средств федерального бюджета, так и внебюджетных источников финансирования. Одним из ведущих направлений ГРР на золото в России следует считать выявление новых золото-сульфидно-кварцевых месторождений в терригенных толщах в пределах Верхояно-Колымской золотоносной провинции, охватывающей части Магаданской области и Республики Саха (Якутия)»¹.

Таблица 1.6.

**Значение ключевых видов минеральных ресурсов Дальнего Востока
в минерально-сырьевом комплексе России, %**

Виды минеральных ресурсов	Доля в МСК РФ (2005/2015)		
	Добыча	Разведанные запасы	Прогнозные ресурсы
Золото	40,0/44,0	32,9/33,0	45,0/45,0
Серебро	60,0/65,0	32,9/35,0	45,0/100,0
Олово	100,0/99,0	95,2/92,0	100,0/100,0
Вольфрам	67,6/79,0	23,9/23,0	60,0/60,0

Источники: Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск, РИОТИП, 2009. 240 с.; Вологин В.Г., Лазарев А.В. Состояние и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса Дальневосточного федерального округа // Материалы Форума Майнекс-ДВ. Магадан, 2016.

Как уже указывалось, ключевым документом, определяющим источники и механизмы воспроизводства перспективной минерально-сырьевой базы в РФ, и прежде всего ее прогнозной части, является государственная программа, принятая в 2014 г. и актуализированная в 2017 г.². Важные изменения в Госпрограмме касаются выделения в ней с 2017 г. специального подраздела «Реализация Программы в Дальневосточном федеральном округе»³. До 2020 г. Дальнему Востоку будет выделено 16,2 млрд руб. на воспроизводство МСБ и геологоразведку в рамках госпрограммы РФ «Воспроизводство и использование природных ресурсов». При этом практически половина ресурсов (8,0 млрд руб.) предназначена на воспроизводство угле-

¹ О состоянии и использование минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2015 году / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Москва. 2016. С. 214.

² Государственная программа Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 322 (в ред. от 31.03.2017 № 384).

³ Отраслевые государственные программы берут курс на Дальний Восток // Экономика Дальнего Востока. Официальный бюллетень Минвостокразвития России. 2017. № 5. Апрель. С. 13.

водородного сырья, 7,8 млрд руб. (48%) – твердых полезных ископаемых, остальные средства – на общераспространенные полезные ископаемые. Т. е. к настоящему времени в Госпрограмме Дальневосточный федеральный округ обозначен не только в качестве приоритетной территории для формирования ресурсной базы и динамичного перспективного развития МСК страны (как это было и в предыдущих редакциях), но и явным образом заданы ресурсное обеспечение опережающего развития ДФО (по объемам и источникам) и целевые показатели (ожидаемые результаты) такого развития на период до 2020 г.

1.2. Институциональные изменения и инвестиционный потенциал минерального сектора экономики Дальнего Востока

Для последних лет характерен целый ряд институциональных изменений, которые не могли не отразиться на перспективах и конкурентных возможностях минерально-сырьевого комплекса (МСК) Дальнего Востока. К таким важным изменениям следует отнести, во-первых, совершенствование на федеральном уровне правил доступа к недрам (их можно условно обозначить как «отраслевые» изменения) и, во-вторых, формирование ключевых механизмов новой модели развития Дальнего Востока (или «специальных региональных режимов»).

Что касается первой группы изменений (т. н. «отраслевых»), то в последние годы на национальном уровне принят ряд мер¹, улучшающих инвестиционный климат в горно-геологической отрасли. К наиболее существенным из них по оценкам экспертов компании «Эрнст энд Янг»² относятся следующие:

- введение заявочного принципа получения лицензий на геологоразведочные работы на ранних стадиях вместо действовавшего ранее аукционного;
- совершенствование действующего законодательства, направленного на снижение административных барьеров, повышение оперативности и качества принимаемых государственными органами решений при предоставлении предприятиям горно-геологической отрасли различных разрешений и согласовании вопросов;

¹ О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2015 году / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Москва, 2016. 344 с.

² Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. № 2. С. 20–24.

- разработка новых кодексов подсчета запасов и ресурсов, в большей степени адаптированных к системе аналогичных международных кодексов;
- разработка кодексов стоимостной оценки объектов недропользования в целях раскрытия такой информации для бирж и иных источников финансирования;
- упрощение процедур получения согласований на проекты горных предприятий.

Что касается формирования ключевых механизмов «новой модели» развития Дальнего Востока (или «специальных региональных режимов»), то в качестве важнейших инструментов привлечения инвестиций было предложено создание на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОР)¹, в рамках которых устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности. Этот режим включает: приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, созданной на бюджетные деньги; установление льготных ставок арендной платы за пользование землей; особое налогообложение резидентов; сокращение числа проверок и снижения административной нагрузки; применение процедур свободной таможенной зоны; льготный размер страховых взносов на фонд заработной платы; ускоренные процедуры получения разрешения на строительство.

В настоящее время на Дальнем Востоке создано уже около двадцати территорий опережающего социально-экономического развития, среди которых и ТОР «Беринговский» на Чукотке с добывающей специализацией: разведка, добыча и экспорт коксующегося угля (до 1 млн т). «Якорный» инвестор – австралийская компания Tigers Realm Coal Ltd (TRC) (которая с 2012 г. уже работает на Чукотке). В реестр резидентов дальневосточных ТОР включено уже порядка сотни инвесторов, реализующих на этих территориях проекты в различных отраслях экономики. Анализ отраслевой принадлежности резидентов ТОР² показал, что одна треть инвесторов реализуют проекты в природно-ресурсном секторе Дальнего Востока, при этом наибольшие объемы инвестиций заявлены в добыче и переработке полезных ископаемых.

В качестве механизмов, стимулирующих реализацию крупных инвестиционных проектов, в том числе и по освоению минеральных ресурсов

¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 23.12.2014 № 473-ФЗ.

² Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Новые механизмы государственного стимулирования инвестиционной активности и их результаты в ресурсном секторе Дальнего Востока // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 23–32.

Дальнего Востока, предусмотрен¹ особый налоговый режим, ряд налоговых льгот и новаций:

– снижение налога на прибыль: в федеральной части обнуление ставки на период 10 лет с момента получения прибыли, в региональной части – не более 10% в первые пять лет и не менее 10% в следующие пять лет. При этом для субъектов РФ предусмотрена возможность максимального снижения этих ставок;

– введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на 10 лет: от 0 в первые два года до 0,8 в последние два года десятилетних налоговых каникул (с шагом 0,2 каждые 2 года).

При этом вводится новая категория налогоплательщиков, которые смогут воспользоваться такими льготами – «участник регионального инвестиционного проекта». Получение такого статуса требует соблюдения определенных условий: регистрация на территории субъекта РФ, в котором реализуется инвестиционный проект; отсутствие обособленных подразделений на иных территориях; определенная организационно-правовая форма и т. д.

Если учесть, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в регионе распределена между недропользователями (*табл. 1.4*), в основном между крупными компаниями², то шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков – «участников регионального инвестиционного проекта» – весьма невелики. Видимо, следует оценивать эту стимулирующую меру в новой модели развития Дальнего Востока ограниченной для воздействия на минерально-сырьевой сектор. Естественно, что инвестиционным сообществом в минерально-сырьевой сфере ставятся вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 года)»³.

¹ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ.

² И такова ситуация не только на Дальнем Востоке, но и на других территориях макрорегиона, например, в Забайкальском крае. Подробно в работе: Глазырина И.П., Лавлинский С.М., Калгина И.С. Государственно-частное партнерство в минерально-сырьевом комплексе Забайкальского края: проблемы и перспективы // География и природные ресурсы. 2014. № 4. С. 99–105.

³ Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока / ЦЭФИР по заказу Корпорации КинроссГолд. Москва, 2013. С. 45.

Тем не менее, появляется информация о включении компаний по добыче полезных ископаемых в Реестр участников региональных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе. Так в марте 2015 г. ОАО «СиГМА» в Камчатском крае включено в такой реестр с проектом освоения Озерновского золоторудного месторождения¹. Есть уже и примеры в других субъектах РФ в ДФО.

Еще одним важным механизмом реализации «новой модели» развития региона является государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых способна дать значимый для Дальнего Востока эффект. К настоящему времени эта процедура не только нормативно проработана, но уже получены и первые ее результаты. Правительством РФ утверждена методика отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона, при этом с момента принятия нормативного документа (декабрь 2014 г.) и до настоящего времени уже внесен ряд корректировок².

В данной «Методике...» объектами оценки, отбора и дальнейшей государственной поддержки в различных формах являются инвестиционные проекты, планируемые к реализации:

- с привлечением средств из федерального бюджета;
- за счет финансирования из средств «Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона»;
- для включения их в государственную программу РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

Ключевыми требованиями при отборе инвестпроектов, реализуемых с привлечением средств из федерального бюджета, являются:

- соответствие целям стратегических документов, определяющих направления социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона;
- уровень частных инвестиций не менее 1 млрд руб.;
- необходимость государственной поддержки в форме бюджетных инвестиций для создания или модернизации объектов инфраструктуры.

Количественными критериями отбора инвестпроектов обозначены:

- а) отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств (удельный вес критерия 15%);

¹ Приказ министерства экономического развития, предпринимательства и торговли Камчатского края от 19.03.2015 г. № 154-П.

² Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона: постановление Правительства РФ от 16.10.2014 г. № 1055.

б) отношение объема осуществленных частных инвестиций к объему планируемых частных инвестиций (удельный вес критерия 15%);

в) отношение объема поступлений в бюджеты (в течение 10 лет после проведения отбора) к объему их расходов на реализацию инвестпроекта (удельный вес критерия 35%);

г) добавленная стоимость, которая будет создана за второй год после выхода инвестиционного проекта на проектную мощность (удельный вес критерия 35%).

Согласование проранжированного в соответствии с критериями списка инвестпроектов проводит подкомиссия по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, работающая в рамках Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. При оценке проектов могут быть применены дополнительные поправочные коэффициенты, отражающие приоритетность отрасли и территории. Перечень отобранных инвестиционных проектов утверждается распоряжением Правительства РФ.

В 2015–2017 гг. в соответствии с этими целевыми задачами и критериями проведено уже несколько этапов отбора инвестпроектов для прямой государственной поддержки в виде субсидий на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках реализации инвестиционных проектов¹. В ходе отбора было рассмотрено более полусотни проектов в различных отраслях и к настоящему времени для господдержки отобрано 13 инвестпроектов, при этом 8 из них – в добыче полезных ископаемых. Основная часть проектов, реализация которых поддержана прямыми субсидиями из федерального бюджета для решения инфраструктурных проблем, по-прежнему ориентируется на добычу сырьевых ресурсов. При этом в 2015 г. на эти цели направлено чуть более 80% государственных субсидий, в целом же предполагаемая поддержка ожидается на уровне более 90% всех бюджетных средств, предназначенных на эти цели (30,3 из 34,0 млрд руб.). Т. е. де-факто ресурсные проекты по-прежнему признаны соответствующими стратегическим целям развития региона и создающими в регионе максимальный социально-экономический эффект.

Следует отметить, что выбранные для господдержки инвестпроекты, на мой взгляд, мало чем отличаются от «оставшихся за бортом» минерально-сырьевых проектов – ни степенью переработки сырья, ни внедрением высоких технологий и получением новых продуктов из минерального сырья Дальнего Востока. Таких, собственно, в предварительном списке и не было.

¹ О государственной поддержке инвестиционных проектов, планируемых к реализации на Дальнем Востоке: распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2017 года № 718-р.

Таблица 1.7

Характеристики инвестиционных проектов и объемов прямой государственной поддержки на создание и реконструкцию инфраструктуры в рамках их реализации на Дальнем Востоке

Наименование проекта, сроки реализации, субъект РФ	Цель проекта, мощность	Объект инфраструктуры, на создание (реконструкцию) которого предоставляется субсидия	Предельный общий объем субсидии, предоставляемой инвестору, млн руб.
Строительство горно-обогательного комплекса «Инаглинский», 2011–2017 гг., Республика Саха (Якутия)	Добыча коксующегося угля и производство высококачественного коксующегося концентрата	Подстанция 110 кВ «Инаглинский угольный комплекс» с заходами линии электропередачи 110 кВ	560,0
Комплексный инвестиционный проект развития угледобычи и углеобогащения АО «Ургалуголь», 2011–2021 гг., Хабаровский край	Увеличение добычи угля (в т. ч. экспортного качества), производство обогащенного угля (концентрата)	Автомобильные мосты через р. Чегдомын и р. Ургал; железнодорожные пути обогащательной фабрики «Чегдомын»; линия электропередачи 110 кВ	1548,9
Горно-металлургический комбинат (ГМК) по добыче и переработке руды Озерновского золоторудного месторождения, 2009–2017 гг., Камчатский край	Комплексная разведка Озерновского рудного поля и развертывание ГМК мощностью до 10 т золота в год	Подъездная автодорога к Озерновскому месторождению, участок Лызык-Озерновское	758,4
Строительство Таежного горно-обогащательного комбината (1-й этап), 2014–2017 гг., Республика Саха (Якутия)	Создание ГОКа на месторождении Таежное для добычи и переработки железной руды (3 млн т в год)	Железнодорожная станция «Таежная»; энергетический комплекс Таежного ГОКа	1620,0
Развитие золотодобычи в Селемджинском районе, 2011–2019 гг., Амурская область	Разработка золоторудных месторождений Селемджинского района	Линия электропередачи 220 кВ «Февральская – Рудная» с подстанцией 220 кВ «Рудная»	5490,9

Наименование проекта, сроки реализации, субъект РФ	Цель проекта, мощность	Объект инфраструктуры, на создание (реконструкцию) которого предоставляется субсидия	Предельный общий объем субсидии, предоставляемой инвестору, млн руб.
Строительство горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Наталкинского золоторудного месторождения, 2009–2018 гг., Магаданская область	Развитие золотодобычи в Тенькинском районе (Наталкинское месторождение, 8,6 млн т руды в год)	Линия электропередачи 220 кВ «Усть-Омчуг – Омчак Новая» с распределительным пунктом 220 кВ и подстанцией 220 кВ «Омчак Новая»	9947,0
Алмазодобывающее предприятие на базе Верхне-Мунского рудного поля, 2015–2020 гг., Республика Саха (Якутия)	Разработка нового месторождения алмазов Верхне-Мунское	Временный технологический проезд до Верхне-Мунского месторождения (от г. Удачный, 150 км)	8525,8
Строительство и эксплуатация горнообогатительного комбината «Тарын» на месторождении «Дражное», 2016–2018 гг., Республика Саха (Якутия)	Освоение месторождения «Дражное» открытым способом со строительством ГОКа (мощность 700 тыс. т руды, производство золота 2130 кг в год)	Автодорога (уч. Нелькан – уч. Дражный, 103,5 км); линия электропередачи 35 кВ (10 км) с подстанцией 35/6 кВ	978,0
Организация производства строганных и профилированных пиломатериалов в пос. Березовый Солнечного района, 2012–2020 гг., Хабаровский край	Создание комплексного лесопильно-деревообрабатывающего предприятия с годовым объемом лесозаготовок 973 тыс. м ³ и переработки пиловочного сырья 750 тыс. м ³	Участки лесовозных и подъездных автомобильных дорог; цех генерации электроэнергии лесопильно-деревообрабатывающего предприятия	847,0
Итого по ресурсным проектам			30276,0

Источники: О государственной поддержке инвестиционных проектов, планируемых к реализации на Дальнем Востоке: распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2017 года № 718-р.

Тем не менее, именно проекты в минеральной сфере оказались наиболее конкурентоспособными, готовыми к реализации и в наибольшей степени отвечающими целям развития региона, обозначенным в стратегических документах. И это, собственно, не нарушает сложившиеся тенденции. В последние годы преимущественно минерально-сырьевой комплекс обеспечивает инвестиционную активность в регионах сырьевой специализации (табл. 1.8) и связанный с этим рост экономики.

Таблица 1.8.

Доля инвестиций в добычу полезных ископаемых в структуре инвестиций в основной капитал в регионах Дальнего Востока, %

Территория	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Саха (Якутия)	22,9	39,9	36,1	33,4	46,1
Камчатский край	8,9	3,3	4,7	13,8	7,7
Приморский край	0,8	0,7	0,5	1,0	1,5
Хабаровский край	4,8	4,2	4,7	6,7	10,7
Амурская область	12,6	11,6	16,2	16,6	10,1
Магаданская область	27,0	24,0	30,9	43,0	51,0
Сахалинская область	63,4	67,4	69,6	57,6	67,3
ЕАО	11,8	9,1	11,0	7,5	17,5
ЧАО	64,7	38,9	36,3	61,1	56,4

Источник: рассчитано на основе: Строительная и инвестиционная деятельность предприятий и организаций регионов Дальневосточного федерального округа (2009-2013 гг.) / Сахалинстат. Южно-Сахалинск, 2014.

Так, например, в 2014 г. в Чукотском автономном округе благодаря реализации новых инвестиционных проектов промышленное производство дало самый высокий рост в России – 147% (прежде всего за счёт ввода в конце 2013 г. в эксплуатацию двух горно-обогатительных комбинатов на месторождениях «Майское» и «Двойное»). Кроме того, благодаря промышленному росту и созданным новым рабочим местам в Чукотском автономном округе в 2014 г. был достигнут миграционный приток населения. В Сахалинской и Магаданской областях промышленный рост выше среднего по Дальневосточному федеральному округу также достигнут за счёт реализации новых инвестиционных проектов¹.

Эти и все другие приведенные выше иллюстрации и рассуждения настойчиво возвращают к оценке значения минерального сектора Дальнего

¹ Итоги развития Дальнего Востока в 2014 году / Государственное собрание Республики Саха (Якутия). 05.01.2015.

Востока как к одной из фундаментальных констант развития региона. Попытки на вербальном уровне обозначить «другие» цели и «новые модели» развития пока не приводят к «сердцевинным» изменениям. Минеральный сектор по-прежнему остается и перспективным направлением, и источником регионального развития. Поэтому вопросы «встроенности» этого сектора в структуру региональной экономики не перестают быть актуальными.

Анализ показывает, что новая целевая задача развития Дальнего Востока – уход от сырьевой экономики – не обеспечивается предложенными механизмами ее реализации. По крайней мере, в части применения инструмента прямых государственных субсидий из федерального бюджета для решения инфраструктурных проблем при реализации инвестпроектов на Дальнем Востоке. Результаты применения в 2015–2016 гг. этого инструмента показали, что ресурсные проекты (и прежде всего минерально-сырьевые) остаются конкурентоспособными – и не только для частных инвесторов, но и для государства. Такая ситуация – следствие применения выбранных критериев и индикаторов оценки. Ориентация на не измеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов...» и вполне количественно измеримый показатель «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» еще долго будет обеспечивать «победу» капиталоемким минерально-сырьевым проектам в борьбе за государственные средства.

1.3. Новые тенденции минеральной политики Китая и сотрудничество в минеральном секторе Дальнего Востока

При всех структурных и динамических изменениях современной экономической системы минеральные ресурсы не потеряли своего значения как один из фундаментальных факторов экономического развития. Ограничения и возможности использования этого фактора одинаково важны как для ресурсозависимых экономик, так и для стран и регионов, хорошо обеспеченных минеральными ресурсами.

Китай, при общей достаточно высокой наделенности минеральными ресурсами, входит в число стран с самым низким уровнем обеспеченности собственными природными ресурсами на душу населения, при этом спрос на ресурсы в Китае постоянно растет. Для Китая по многим видам минеральных ресурсов преимущественным на современном этапе является использование внешних источников для обеспеченности своей экономики сырьем. Для Дальнего Востока России характерны не только богатый минерально-сырьевой потенциал территории, развитие горнодобывающей промышленности в качестве отрасли специализации региона, но и преимущест-

венно экспортная направленность минерально-сырьевых потоков. Кроме того, все более активным становится российско-китайское сотрудничество, в том числе и в минеральном секторе экономики. В этих условиях очень важны понимание и оценка складывающихся тенденций минеральной политики Китая, определяющих её факторов и механизмов, формирующих перспективы сотрудничества. В последние годы в этой области происходят существенные изменения.

По оценке Китайской Академии наук «предположительно в период с 2025 по 2040 гг. спрос на ресурсы будет расти умеренно, а не стремительно, как сегодня, но, тем не менее, он будет выше по сравнению с нынешним уровнем. Например, потребность в сырьевых продуктах, таких, как сталь, алюминий, медь достигнет к 2025 г., соответственно, 700, 15 и 7 млн т, т. е. вырастет по сравнению с 2008 г. на 40, 45 и 70%»¹. Сегодняшние изменения темпов экономического роста внесут, конечно, коррективы и в темпы роста потребностей экономики Китая в минеральных ресурсах. Но кроме количественных оценок при прогнозировании возможных направлений и масштабов сотрудничества в минеральном секторе экономики нельзя не учитывать ожидаемые качественные изменения структуры потребности в них экономики Китая.

Как показывает анализ некоторых документов, связанных с долгосрочным прогнозом научно-технологического развития Китая², в области перспектив использования минерального сырья (*табл. 1.9*) поставлена следующая триединая задача:

– во-первых, это снижение зависимости экономики Китая от импорта базовых видов минеральных ресурсов через существенные прорывы и достижения в технологиях и оборудовании для геологоразведки и добычи полезных ископаемых на собственной территории;

– во-вторых, снижение абсолютных объемов использования первичных ресурсов через формирование цикличности использования минерального сырья;

– в-третьих, принципиальная замена многих видов полезных ископаемых за счет изменения структуры экономики на более высокотехнологичную и формирования качественно иной структуры потребностей в минеральных ресурсах.

¹ Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года. Фундаментальный сводный доклад Академии наук Китая / гл. ред. Юнсян Лу. Пекин, 2010. С. 36.

² И прежде всего, фундаментального сводного доклада Академии наук Китая «Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года», Пекин, 2010.

Перспективные задачи трансформации ресурсной сферы в Китае

Ключевые направления	Индикаторы		
	2020	2030	2050
Разведка полезных ископаемых, залегающих на большой глубине	Прорыв в области высокоэффективных и высокоточных методов разведки, обеспечивающих обнаружение аномалий на глубине 2 тыс. м в восточном Китае	Прорыв в области высокоэффективных и высокоточных методов разведки, обеспечивающих обнаружение аномалий на глубине 2 тыс. м в западном Китае	Разработка методов разведки, обеспечивающих обнаружение аномалий на глубине 3–4 тыс. м
Разработка высокоэффективных и экологически чистых технологий добычи и переработки руд, в т. ч. сложных и низкосортных	Снижение (на единицу продукции) энергопотребления на 20%, загрязнений на 30%, рост темпа добычи до 50% и уровня утилизации до 45%	Снижение (на единицу продукции) энергопотребления на 30%, загрязнений на 50%, рост темпа добычи до 70% и уровня утилизации до 60%	Снижение (на единицу продукции) энергопотребления на 50%, загрязнений на 80%, рост темпа добычи до 80% и уровня утилизации до 80%
Замена основных ископаемых ресурсов и переработка отходов	Уровень замены ПИ и переработки отходов ПИ 20–40%	Уровень замены ПИ и переработки отходов ПИ 30–50%	Уровень замены ПИ и переработки отходов ПИ 40–60%
Создание новых высокоэффективных материалов, снижение сырьевой зависимости	Коэффициент зависимости от внешней торговли и сырьевых ресурсов менее 10%. Уровень использования новых высокоэффективных материалов 60%	Мировое лидерство в производстве базового сырья. Самодостаточность. Уровень использования новых высокоэффективных материалов 90%	Уровень самодостаточности соответствует уровню потребности страны в высокоэффективных новых материалах

Источник: составлено по: Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года. Фундаментальный сводный доклад Академии наук Китая / гл. ред. Юнсян Лу. Пекин, 2010.

Такие подходы безусловно изменяют не только масштабы, но и направления сотрудничества Китая с другими странами и регионами в минеральном секторе экономики. Одно из таких изменений может коснуться «видовой» структуры сотрудничества – «сдвиг интереса» от базовых видов мине-

рального сырья к высокотехнологичным, обеспечивающим формирование новых отраслей для новых технологических укладов.

Что касается Дальнего Востока России, то этот регион неплохо обеспечен не только многими видами «базовых» полезных ископаемых¹, но и целым рядом тех, что обеспечивают научно-технологическую революцию. И такие возможности были подтверждены в фундаментальной программе «Тихоокеанская Россия – 2050», реализованной в Дальневосточном отделении РАН в 2009–2011 гг.², в рамках подпрограммы «Минеральное сырье: ресурсы и технологии». Кроме прогнозных оценок обеспеченности и развития традиционных для региона видов минеральных ресурсов была поставлена задача выявить возможности формирования инновационно-технологических цепочек «добыча новых видов минерального сырья – создание новых продуктов – формирование новых отраслей минерально-сырьевого комплекса (МСК)» в Дальневосточном регионе.

Дальний Восток России обладает высоким ресурсным потенциалом редких, в том числе редкоземельных элементов, который необходимо доизучить и создать благоприятные инвестиционные условия для добычи и переработки их руд. Так, в Магаданской области известен целый ряд объектов с высокими концентрациями редкоземельных и радиоактивных элементов (месторождения Арангас, Брус, Печальное, Белая Ночь). Они вполне могут, по оценкам специалистов СВКНИИ ДВО РАН, оказаться базой для новой отрасли горнодобывающей промышленности и к 2050 г. могут быть вовлечены в эксплуатацию. Курильская островная дуга и отчасти о. Сахалин по явственно выраженной специализации на руды различных породных комплексов, по оценке специалистов ИМГиГ ДВО РАН, не имеют аналогов не только на Дальнем Востоке, но и в АТР. В связи со строительством железной дороги до Эльгинского угольного месторождения становится доступным редкометалльное месторождение Арбарастах в Якутии. Достаточно перспективным выглядит комплексное освоение медно-никелевых (с платиноидами и золотом), апатит-титаномагнетитовых и апатит-рутиловых руд Джугджуро-Станового пояса с редкометалльно-редкоземельными, бериллиевыми и урановыми месторождениями Улканского прогиба (Хабаровский

¹ Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск, 2009. 242 с.

² Результаты Программы фундаментальных исследований Дальневосточного отделения РАН «Тихоокеанская Россия – 2050» представлены в коллективной монографии: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.

край). По масштабам оруденения эти территории могут занять достойное место в ряду известных мировых эталонов (подобно платиновому поясу Стиллиуотер в Канаде или КМА на юге России)¹.

Концентрация финансовых и материальных средств на исследовательских, геологоразведочных и проектно-технологических работах по оценке и включению в состав минерально-сырьевой базы потенциальных ресурсов редких и редкоземельных элементов может обеспечить к 2050 г. формирование новых подотраслей минерально-сырьевого комплекса на Дальнем Востоке, в том числе и для развития высокотехнологичных производств.

Однако и сегодня уже есть примеры проявленного интереса китайских компаний к геологоразведке и к освоению минеральных ресурсов на Дальнем Востоке под «другие потребности» («Китай 2.0»). Одним из регионов активного внимания и участия китайских компаний в геологоразведке, в том числе и на ранних стадиях, в последние годы стала Магаданская область. Один из успешных примеров – это долгосрочная программа (2012–2021 гг.) геологического изучения недр в Магаданской области с объемом затрат около 3 млрд руб. В рамках этого проекта предполагается геологическое изучение и освоение месторождений рудного серебра и золота Сенон и Серебряное, месторождения сурьмы и серебра Утро, месторождений коренного золота Юго-Восточной части Бурхалинского рудного поля. Лицензии на проведение работ приобретены горнодобывающими предприятиями, созданными с участием капитала ООО «Горнопромышленная компания «Тонхуа-Минбан» (КНР). В ближайшее время горнопромышленники КНР обещают поставить на баланс и начать переработку запасов месторождения Утро.

Ещё один китайский инвестор – государственная корпорация «Тянь-Хэ» – в начале 2015 г. получил лицензию на месторождение полиметаллических руд Кунарёвское в Среднеканском районе, содержащее ресурсы серебра, меди, свинца, цинка, железа – многокомпонентную руду². Эта же компания приобрела ООО «Геоцветмет», которому принадлежит лицензия на разработку месторождения рудного золота на участке Древний Приднепровской площади в Магаданской области. По оценке магаданского филиала ФБУ «Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых» запасы золота на данном участке по категории С₂ составляют 13,7 т. Руда на Приднепровской площади относится к категории упорных, извлечение золота из

¹ Ханчук А.И., Ломакина Н.В., Иванов В.В. Научно-технологическое обеспечение долгосрочного развития минерального сектора дальневосточной экономики // Вестник ДВО РАН. 2012. № 5. С. 113–121.

² В 2015 году на геологоразведочные работы в Магаданской области выделяют более 300 млн руб. / Правительство Магаданской области. 04.08.2015.

которых более трудоемко и требует специальных технологических мощностей¹.

В 2013 г. китайская компания Jilin HOROC Nonferrous Metal Group Co Ltd. приобрела 25% акций компании «НПК Геотехнология», ключевым активом которой является медно-никелевое месторождение Шануч (Камчатский край). Запасы руды на нем, по данным ГКЗ, составляют около 71 тыс. т никеля, 11 тыс. т меди, 1,9 тыс. т кобальта, 301 кг золота, 254 кг платины, 621 кг палладия. Имеется геологический потенциал для увеличения запасов по руде до 5 млн т. Построенный на месторождении ГОК рассчитан на производство 100 тыс. т никелевого концентрата в год. Совсем недавно правительственная комиссия по иностранным инвестициям одобрила еще одно ходатайство – швейцарской Molumin AG о приобретении остальных 75% камчатского ЗАО «НПК Геотехнология». В 2016 г. на месторождении Шануч было добыто 3,9 тыс. т никеля, в январе-июне 2017 г. – 3,76 тыс. т никеля, по году в целом ожидается добыча 7,4 тыс. т никеля. В планах на 2018 г. добыча 200–250 тыс. т медно-никелевой руды. Увеличение станет возможным благодаря наращиванию запасов и расширению мощностей рудника².

Кроме структурных изменений потребностей китайской экономики в минеральных ресурсах, существенные изменения происходят и в целевой области политики «выхода за рубеж»³. В качестве приоритетного направления государственной политики Китая в сфере международного сотрудничества обозначено стимулирование стратегии «выхода за границу» в сферах оборудования, технологий, услуг и т. д. Ключевыми направлениями такого сотрудничества названы ряд индустриальных отраслей и прежде всего черная и цветная металлургия, производство строительных материалов, строительство железных дорог, электроэнергетика, химическая промышленность и другие. На уровне предприятий и компаний для реализации финансовых и технических преимуществ поставлены задачи, наряду с непрерывным развитием традиционных форм, развивать новые модели сотрудничества, такие как: «строительный подряд (подряд на сооружение объекта) + финансиру-

¹ Колыма, «золотое сердце России» и бесценный регион для сотрудничества. 13.11.2017. URL: https://www.49gov.ru/press/smi/?id_4=29914 (дата обращения: 15.11.2017).

² Более подробная информация представлена в работе: Ломакина Н.В. Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 56–68.

³ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 167 с. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> (дата обращения: 20.11.2017).

ние», «строительный подряд (подряд на сооружение объекта) + финансирование + эксплуатация».

Безусловно, этот документ изменяет акценты сотрудничества и в сырьевой сфере, в том числе и в минерально-сырьевом комплексе. Если раньше Китай шел в богатые минеральными ресурсами страны и регионы исключительно за сырьем, то сейчас он «подтягивает» в ресурсные проекты свою технологию и оборудование (а по возможности и трудовые ресурсы).

Примеры такого сотрудничества российских и китайских компаний имеются уже в минеральном секторе экономики Дальнего Востока: это и элементы технологического взаимодействия (например, поставка из Китая части оборудования для автоклавных процессов компаниям «Полиметалл» и «Петропавловск»), и прямое участие китайских компаний в освоении минеральных ресурсов в самых различных формах.

Некоторой иллюстрацией изменения во времени отдельных акцентов китайской политики «выхода за рубеж» в ресурсной сфере можно считать не единожды уже приводившийся (в т. ч. и в статьях автора) пример проекта формирования Приамурского горно-металлургического кластера и, в частности, строительства Кимкано-Сутарского ГОКа в Еврейской автономной области. Генезис развития проекта и фиксация его отдельных этапов достаточно четко показывают, что интересы участия Китая в нем вышли уже за пределы только снабжения своей экономики сырьевыми ресурсами:

– на этапе формирования проекта (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) компания «Петропавловск» позиционировала его как проект-лидер «второй индустриализации» Дальнего Востока с планами строительства современного металлургического завода, среди потребителей конечной продукции которого могут быть и китайские компании;

– строительство ГОКа началось в 2007 г., были построены дороги, общежития, вспомогательные сооружения, начата отработка карьера. Контракт на проектирование и строительство «под ключ» обогатительной фабрики был заключен в конце 2010 г. с китайской компанией China National Electric Engineering Corporation (CNEEC), имеющей необходимый опыт строительства промышленных предприятий такого масштаба¹;

– на этапе строительства Кимкано-Сутарского ГОКа (КСГОК) возникла необходимость привлечения «сторонних» инвестиций, и такими инвести-

¹ Кимкано-Сутарский ГОК. URL: <http://www.petropavlovskio.ru/rus/projects/ks/> (дата обращения: 08.04.2016).

циями стали китайские. Условиями привлечения инвестиций¹ стали участие китайских компаний в собственности (инвестиции китайских компаний в размере 238 млн долл. в развитие IRC – железорудной «дочки» «Петропавловска» через подписку на новые акции) и обязательность поставки будущей продукции КСГОК в Китай (долгосрочный договор поставки на 15 лет продукции Кимкано-Сутарского, Гаринского и иных будущих проектов). В августе 2015 г. компания IRC, единственный производитель железной руды на Дальнем Востоке РФ, запустила первую очередь Кимкано-Сутарского ГОКа. К этому времени доля золотодобывающего альянса Petropavlovsk в IRC составила 35,83% (к началу сделки в 2013 г. она составляла 63,1%²), китайской компании General Nice Development Ltd принадлежит 23,2%³;

– часть оборудования, применяемого в технологическом процессе на Кимкано-Сутарском ГОКе, поставляется из Китая. Так, среди причин, вызвавших задержку срока пуска комбината в 2014 г., была названа невозможность поставки оборудования из Китая в связи с наводнением 2013 г. и затоплением пунктов пропуска.

– на строительстве Кимкано-Сутарского ГОКа были заняты, в том числе, и китайские рабочие.

Таким образом, пример реализации проекта по освоению железорудных ресурсов на Дальнем Востоке демонстрирует изменение механизмов (в разной степени их использования) участия китайских компаний в освоении минеральных ресурсов на Дальнем Востоке. По сути, рекомендуемые директивным документом Госсовета КНР новые модели сотрудничества, такие как «строительный подряд (подряд на сооружение объекта) + финансирование + эксплуатация», в случае с освоением железорудных месторождений в Еврейской автономной области уже проходят «апробацию».

Если оценивать в целом условия вхождения в минеральный сектор, то идеальными китайцы считают: «получение ими активов в полную собственность, либо владение не менее 51%; обеспечение прав на полный или не менее 50% вывоз сырья для дальнейшей переработки у себя на территории; комплектование российско-китайских предприятий за счет привлечения ки-

¹ ГК «Петропавловск» привлекает инвесторов из Китая для развития железорудной IRC. 2013. URL: <http://www.biztass.ru/articles/id/655> (дата обращения: 15.10.2014).

² IRC перенесла на апрель закрытие сделки с китайскими инвесторами // Прайм. 2014. 30 января. URL: <http://1prime.ru/metals/20140130/776687254.html> (дата обращения: 15.10.2014).

³ Запущена первая очередь Кимкано-Сутарского ГОКа // MetalTorg.ru. 2015. 31 августа. URL: <http://www.metaltorg.ru/n/9A63BA> (дата обращения: 05.04.2014).

тайской рабочей силы; использование в процессе добычи китайской горной техники и оборудования»¹.

Такой подход был продемонстрирован, например, при переговорах в 2015 г. по золотым проектам «Полюса», прежде всего по разработке Наталкинского месторождения на Колыме (с запасами 16 млн унций золота). Китайская сторона в лице China Gold обозначила себя как «стратегический игрок, которому нужен контроль в капитале и в управлении». На этом переговоры по проекту закончились².

Как уже указывалось, китайские компании проявляют большой интерес к сотрудничеству в минеральном секторе в Магаданской области. В июле 2017 г. власти Магаданской области и представители Всекитайской ассоциации по золоту (China National Gold Corp) подписали соглашение, которое подразумевает обоюдные намерения по развитию сотрудничества и содействию инвестициям в сфере разведки и добычи полезных ископаемых. Рассмотрен ряд проектов по добыче различных полезных ископаемых на территории Магаданской области, в том числе и золота³.

Упомянутая ранее Директива Госсовета КНР от 16 мая 2015 г. является обязательной для всех уровней управления, указанный документ направлен народным правительствам провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, всем министерствам и комитетам Госсовета КНР и непосредственно подчинённым ему организациям. В соответствии с этим документом выстраивается сегодня политика международного сотрудничества, в т. ч. и в горнодобывающем секторе.

Сегодня Китай позиционирует себя как один из лидеров в производстве оборудования для геологоразведки и добычи минеральных ресурсов. В докладе Министерства науки и технологий КНР «Resources and Environment»⁴, подготовленном в конце 2015 г., представлены такие техно-

¹ Эксперт: надеемся, что яму 2014 года на рынке золота сменит бык 2015 года // Прайм. 2014. 09 декабря. URL: <https://www.1prime.ru/experts/20141209/797619443-print.html> (дата обращения: 05.04.2016).

² Джумайло А. «Русская платина» с китайским акцентом // Коммерсантъ. 2017. № 146. С. 7. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380368> (дата обращения: 11.08.2017).

³ China National Gold поможет золотодобыче на Колыме 10.07.2017. URL: http://www.eruda.ru/news/4614_China_National_Gold_pomozhet_zolotodobyche_na_Kolyme.htm (дата обращения: 27.08.2017).

⁴ Resources and Environment / Department of International Cooperation Ministry of Science and Technology the People's Republic of China. 2016. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/> (дата обращения: 02.04.2016).

логии, а также образцы оборудования и примеры его применения в геологоразведке и добыче различных видов полезных ископаемых. Как указано в этом документе, многие виды созданного и произведенного в Китае оборудования для металлургии и техники для освоения минеральных ресурсов достигли мирового уровня, значительно увеличив эффективность освоения и использования полезных ископаемых. Таким образом, новой и актуальной задачей современной минеральной политики Китая становится продвижение созданных в стране технологий и оборудования для геологоразведки и горнодобывающей промышленности за рубеж.

Минеральный сектор Дальнего Востока по-прежнему является интересной площадкой для российско-китайского сотрудничества. Так, в 2017 г. Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона (ФРДВ) и частный китайский холдинг Metropolis подписали меморандумы о создании двух фондов инвестиций – в добычу полезных ископаемых, а также в инфраструктуру и строительство. Целевой объем фондов в 2017 г. составит \$1 млрд каждый. Доля участия ФРДВ – 10%, партнеров из Азии – до 80%, еще около 10% намерены вложить российские инвесторы. Потенциальными объектами инвестиций являются 15 проектов в золотодобыче с ресурсами 1,5 тыс. т золота, два крупнейших медно-золотых проекта Дальнего Востока и ряд других минеральных проектов¹.

Таким образом, что касается «веера» используемых механизмов сотрудничества, целей реализации китайской политики «выхода за рубеж» в части горнодобывающего сектора, то они существенно меняются. Ключевыми становятся задачи экспорта китайских технологий и оборудования для геологоразведки и горнодобычи, создания на этой основе производственных мощностей и зон за рубежом. Примеры реализации таких подходов можно наблюдать уже и в минеральном секторе экономики Дальнего Востока России.

¹ Заксобранье Приморья ограничит экспорт металлолома? 2017. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2336564 (дата обращения: 16.08.2017).

ГЛАВА 2. Рыбохозяйственный комплекс

Рыбохозяйственный комплекс (РХК) занимает вторую после минерально-сырьевого сектора позицию по вкладу в экономику ДФО. РХК за 2006–2015 гг. нарастил свой вклад в показатели ВДС, уплаченных налогов в бюджеты всех уровней, экспортных доходов, что объясняется стабильным развитием комплекса в этот период¹.

Но такое стабильное развитие РХК отмечается лишь в последнее время. На этапе перехода к рыночным отношениям процесс трансформации рыбохозяйственного комплекса происходил в значительной степени стихийно. Изменение целевого вектора развития в направлении получения максимальной прибыли хозяйствующими субъектами без соответствующей корректировки институционального поля стало, на наш взгляд, основной причиной существенного падения эффективности использования доступных водно-биологических ресурсов

Последовавшие изменения институциональной среды, которые проводились в экстренном порядке, преследовали цель устранить возникшие в результате рыночных преобразований проблемы, тормозящие развитие РХК. При этом данные изменения осуществлялись, на наш взгляд, без достаточного учета взаимосвязи экономических, социальных и геополитических аспектов, что для Дальнего Востока является крайне важным. Тот факт, что Дальний Восток обладает наиболее крупной сырьевой базой и здесь сосредоточено более половины рыбодобывающих организаций России, вообще не был учтен.

Хотя в результате принятых мер ситуация в рыбохозяйственном комплексе, в том числе Дальнего Востока, была относительно стабилизирована, угроза нового развития негативных тенденций продолжает сохраняться. Устранение отдельных проблем может несколько замедлить данный процесс, однако обеспечить устойчивое развитие без наличия взаимно адекватных институциональных и организационных решений вряд ли возможно.

Учитывая это целесообразно кратко рассмотреть ретроспективу развития отрасли для более глубокого понимания ее современного состояния и происходящих в ней процессов. Как отмечал Д. Норт «История имеет значе-

¹ Антонова Н. Е., Волков Л.В., Сухомиров Г.И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // *Пространственная экономика*. 2017. № 2. С. 110–137.

ние. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества»¹.

2.1. Становление рыбной промышленности Дальнего Востока: исторические аспекты

Развитие рыбохозяйственной деятельности на Дальнем Востоке в до-революционный период происходило в основном достаточно традиционно: обеспечение собственных нужд населения, проживающего в прибрежной зоне, с последующим зарождением и развитием хозяйственных структур, занимающихся добычей и переработкой рыбы на промышленной основе, в результате чего происходило вовлечение данной деятельности в систему территориального разделения труда и международного сотрудничества.

Этот процесс всесторонне был рассмотрен в исследованиях отечественных историков, среди которых особого упоминания заслуживают работы А.Т. Мандрика².

Среди работ посвященных развитию рыбопромышленности в разрезе отдельных дальневосточных регионов следует отметить работы камчатских историков С.В. Гаврилова³, В.А. Ильиной⁴.

Не была обделена вниманием рыбная промышленность и в работах, авторы которых исследовали процессы хозяйственного освоения территории Дальнего Востока, среди которых следует упомянуть монографическое исследование А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова⁵. Реже, но все-таки встречаются

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 12.

² Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока». Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.; Мандрик А.Т. История рыбной промышленности Дальнего Востока (1927–1940 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2000. 158 с.

³ Гаврилов С.В. Озерновский рыбопромысловый район в 1910–1930-е гг. // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГТУ, 2008. Вып. 11. С. 137–235.

⁴ Ильина В.А. Акционерное Камчатское общество в промышленном освоении и развитии Северо-востока в 1927–1945 гг. Историографический аспект // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГТУ, 2003. Вып. 6. С. 86–95.

⁵ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX в. – 1917 г. М.: Наука, 1989. 224 с.

исследования, посвященные взаимодействию рыбопромышленности и процессов формирования территориальных экономических систем¹.

Как правило, в историко-географических исследованиях по указанной тематике отмечаются некоторые особенности процесса становления и развития рыбохозяйственной деятельности на Дальнем Востоке. Первая заключается в его тесной связи с решением геополитических задач: для большей части тихоокеанского побережья России данная деятельность являлась одним из основных факторов заселения прибрежных территорий и их экономического освоения.

Второй особенностью является то, что ее становление на Дальнем Востоке во многом было связано с развитием и характером отношений с Японией. Активное использование рыбных ресурсов Дальнего Востока японскими предпринимателями активно началось с середины XIX век. Юридическим основанием этого являлось заключение Симодского трактата, который давал право Японии на развитие рыболовства в прибрежных водах Сахалина.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг., на основании положений Портсмутского мирного договора, между двумя странами была заключена русско-японская Рыболовная конвенция (1907 г.). Согласно ст. 1 Конвенции «...русское правительство предоставляло японским подданным право ловить и обрабатывать все виды рыб и водных объектов, за исключением котиков и морских бобров, вдоль русского побережья Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением рек и бухт... Японские подданные должны заниматься ловлей и обработкой рыбы на специальных участках, полученных в аренду с публичных торгов»².

Несмотря на то, что со стороны России (как, впрочем, и Японии) заключение Портсмутского мирного договора было в значительной степени вынужденной мерой, это, тем не менее, явилось важным этапом в развитии рыбохозяйственной деятельности на Дальнем Востоке. В результате длительного концессионного сотрудничества с Японией в приморских территориях региона начал активно развиваться морской рыболовный промысел, создавались перерабатывающие производства, формировалась экспортная

¹ Демьяненко А.Н., Февралева С.В. Внутриобластной район: предпосылки становления экономического самоуправления (на примере Рыбновского побережья Сахалинской области). Препринт, ИЭИ ДВО АН СССР, Владивосток: 1990. 52 с.; Дятлова Л.А. Крестьянское хозяйство в контексте территориальной организации экономики Нижнего Амура начала XX века // Регионалистика. 2015. № 2. С. 21–36.

² Русско-Японская рыболовная конвенция 1907. АКАДЕМИК. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1093/РУССКО (дата обращения 21.12. 2017).

направленность, чему в значительной степени способствовала диффузия в отечественное рыболовство японских технологий добычи и переработки водных биологических ресурсов.¹

В дореволюционный период становление институтов развития рыбохозяйственной деятельности носило эволюционный характер и участие государства в этом процессе было минимальным. Оно сводилось в основном к регулированию рыбохозяйственной деятельности путем распределения рыболовных участков и проведению ограниченных протекционистских мер в отношении отечественных рыбопромышленников.

Взаимоувязанные процессы институционального и организационного развития рыбной промышленности, направленные на решение конкретных экономических проблем, происходили в послереволюционный период и были обусловлены, как правило, реакцией на кризисное состояние отрасли и необходимостью увеличения производства рыбной продукции.

В этом плане можно выделить два основных этапа. Первый этап, на наш взгляд, охватывает период с 1917 по 1945 гг., когда в рыбной промышленности страны шел процесс становления отношений собственности, основанных на государственной и колхозно-кооперативной формах при сохранении значительной доли частной собственности и концессионного сотрудничества с Японией.

Второй этап занимает период с 1946 по 1998 гг., когда основу рыбной промышленности составляли предприятия государственной и колхозно-кооперативной форм собственности. Данный этап интересен тем, что в этот период в результате итеративного процесса были созданы институциональный и организационный механизмы, которые позволили обеспечить наиболее высокий уровень развития рыбной промышленности, в том числе на Дальнем Востоке.

Именно указанные периоды представляют наибольший интерес для понимания использовавшихся подходов к решению задач увеличения про-

¹ Впоследствии, согласно заключенной в 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, была подписана советско-японская рыболовная конвенция 1928 года, которая сохраняла основные положения конвенции 1907 года, касательно прав японских подданных, и одновременно расширяла права СССР в области сдачи в аренду без торгов рыболовных участков своим государственным предприятиям и кооперативным обществам, а также местному крестьянскому и рыболовецкому населению. Данная конвенция неоднократно пролонгировалась с внесением изменений, уменьшавших льготы японских концессионеров, и в 1945 году утратила силу (Советско-японские договоры и соглашения / Дипломатический словарь).

изводства рыбопродукции, и устойчивого развития рыбной промышленности, что является актуальным и в настоящее время.

После революции 1917 г. рыбохозяйственная деятельность в стране, в связи с происходившими событиями (гражданская война, экономическая разруха и др.), находилась в глубоком кризисе. Если в 1917 г. вылов по стране составлял 893 тыс. т, то к 1920 г. он сократился до 257 тыс. т¹. Одновременно, критическое обострение продовольственной проблемы в стране, обусловило необходимость усиления государственного управления рыбохозяйственной деятельностью, с целью в сжатые сроки максимально увеличить производство рыбной продукции.

В связи с этим Постановлением Высшего Совета народного хозяйства и Народного Комиссариата продовольствия от 9 декабря 1918 г. при Народном Комиссариате продовольствия было организовано Главное Управление по рыболовству и рыбной промышленности (Главрыба).

Декретом Совета Народных комиссаров «О реорганизации Главного Управления по рыболовству и рыбной промышленности в России и его органов на местах» от 26 февраля 1920 г. вся деятельность по управлению рыболовством, эксплуатации промыслов и руководство деятельностью рыбной промышленности была сосредоточена в Главрыбе, которая входила в состав Народного Комиссариата по продовольствию в качестве и на правах его самостоятельного управления.

Для управления рыбохозяйственной деятельностью на местах Главрыба наделялась правами учреждать местные органы: в промысловых бассейнах, имевших в то время общегосударственное значение (Волго-Каспийское, Аральское, Беломорско-Мурманское и др.) – областные управления; в местностях, где рыболовство имело существенное экономическое значение, но как единое хозяйственное целое не совпадало с губернскими единицами – районные управления; в других местностях, где учреждение районных управлений неосуществимо, их обязанности возлагались на Губернские продовольственные органы².

Учитывая особенности организации в этот период рыбохозяйственной деятельности, когда почти все предприятия находились в акционерной или

¹ Зиланов В.К. Рыбное дело Владимира Ульянова (Ленина) // Окно в Россию. URL: windowrussia.ru/vr.ru/news/2011_04_11/250164004/ (дата обращения: 21.12.2017).

² Исторические материалы. Декрет Совета народных комиссаров от 26 февраля 1920 г. О реорганизации Главного Управления по Рыболовству и рыбной промышленности в России и его органов на местах. URL: istmat.info/node/41124 (дата обращения: 21.12.2017).

частной собственности, в целях более эффективного решения продовольственной проблемы, Декретом Народных Комиссаров РСФСР от 31 мая 1921 г. «О рыбной промышленности и рыболовстве» была отменена «государственная монополия на производство рыбных промыслов в водных угодьях Республики». За исключением отдельных районов, в которых Главрыба была наделена исключительными правами на осуществление рыбохозяйственной деятельности, право эксплуатации рыбных промыслов в районах промысловой добычи рыбы предоставлялось «... всякого рода промысловым объединениям и предприятиям и отдельным российским гражданам на основании арендных договоров, заключаемых ими с местными продовольственными органами... Лов рыбы в районах, отнесенным к непромысловым, разрешается без заключения особых договоров повсеместно, кроме заповедных мест...»¹.

В связи с отменой государственной монополии на осуществление рыбных промыслов Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23.09.1921 г. «О Главном Управлении по Рыбной промышленности и Рыболовству (Главрыба)» была принята расширенная редакция Положения. В соответствии с данным Положением в состав Главрыбы входил отдел негосударственного рыболовства, который ведал «...использованием всех рыболовных угодий Республики, передаваемых для эксплуатации организациям и частным лицам на арендных началах»².

Таким образом, в послереволюционный период основным принципом построения системы управления рыбной промышленностью являлась ее адекватность реально существующим в тот период особенностям организации рыбохозяйственной деятельности с целью максимального использования имеющихся возможностей, в том числе и негосударственного сектора. Построение такой системы управления позволило уже в 1924 г. увеличить вылов до 535 тыс. т., а к 1926 г. до 897 тыс. т.³

На Дальнем Востоке становление государственного управления рыбохозяйственной деятельностью началось после прекращения гражданской

¹ О рыбной промышленности и рыболовстве: декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 31 мая 1921 года // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/18218> (дата обращения: 21.12.2017).

² О Главном Управлении по рыбной промышленности и Рыболовству (Главрыба): декрет Совета Народных Комиссаров от 23 сентября 1921 года // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/18082> (дата обращения: 21.12.2017).

³ Зиланов В.К. Рыбное дело Владимира Ульянова (Ленина) // Окно в Россию. URL: windowrussia.ru/vr.ru/news/2011_04_11/250164004/ (дата обращения: 21.12.2017).

войны и включения Дальневосточной республики в состав РСФСР (ноябрь 1922 г.).

В годы первых пятилеток в регионе создавались предприятия машиностроения, судостроения, черной металлургии пищевой промышленности, развивалась деревообработка, транспортная сеть. Это во многом было связано с сохраняющейся уязвимостью региона перед внешними угрозами, что определяло необходимость определенной автаркичности в его развитии, когда, по существу, происходило создание производственного комплекса, позволяющего обеспечить, при необходимости, достаточно самостоятельное решение проблем жизнеобеспечения и обороны.

В этих условиях, значение рыбной отрасли Дальнего Востока существенно возрастало. Наряду с решением проблемы обеспечения продовольствием, она также, благодаря усилению экспортной ориентации, могла обеспечивать часть валютных поступлений, необходимых для индустриального строительства.

Учитывая, что рыбохозяйственной деятельностью здесь занимался преимущественно частный капитал, важнейшей задачей являлось проведение взвешенной политики создания крупных государственных предприятий рыбной промышленности, не разрушив при этом уже имеющиеся структуры. В этих целях национализация частных рыбохозяйственных предприятий не производилась и, кроме того, им оказывалась определенная поддержка путем сохранения ранее предоставленных им акцизных, тарифных и других льгот, ослабления валютных ограничений по операциям, связанным с производством, предоставления права свободного сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках, свободного ввоза из-за границы снаряжения и др.¹

В 1923 г. на Дальнем Востоке был учрежден филиал Госрыбпрома – Дальгосрыбпром, на который «...были возложены задачи по скорейшей организации промысла сельди, открытию сети баз по торговле рыбными продуктами и освоению, совместно с частным капиталом, промыслов в Охотском море и на Камчатке»². При этом одной из задач являлось создание на Дальнем Востоке государственных рыбохозяйственных предприятий.

Создание предприятий с участием частного капитала позволяло усилить государственное управление рыбохозяйственной деятельностью и соз-

¹ Мандрик А.Т. Рыбная промышленность Приморья в период новой экономической политики (октябрь 1922–1926 годы). URL: <http://www.fegi.ru/primorye/fish/hist3.htm> (дата обращения: 21.12.2017).

² Макоедов А.Н., Кожемяко О.Н. Основы рыбохозяйственной политики России. URL: fishkamchatka.ru/libregi/books/2765/ (дата обращения: 22.12.2017).

дать предпосылки для перехода в дальнейшем данных предприятий полностью в государственную собственность.

Одним из первых таких предприятий было акционерное общество «Дальморепродукт», образованное в 1923 г. Дальгосрыбпромом и частным предпринимателем М.М. Люри. В целях усиления государственного управления рыбохозяйственной деятельностью на Камчатке в 1924 г. было организовано государственно-кооперативное Охотско-Камчатское акционерное общество (ОКАРО), учредителями которого являлись Дальгосрыбпром, Дальгосторг, Центросоюз. Позднее, в 1927 г. на базе ОКАРО и организованного Дальрыбтреста (которому было, в связи с банкротством, передано имущество Дальморепродукта) было образовано Акционерное Камчатское общество (АКО)¹ на которое возлагались задачи развития севера Дальнего Востока. По существу АКО представляло собой структуру комбинатного типа, осуществляющую свою деятельность практически во всех хозяйственных сферах этих территорий, в том числе и в рыбной промышленности².

Одновременно с этим в Дальневосточном бассейне продолжалась работа по централизации управления рыбной промышленностью. Уже в 1930 г. была создана Владивостокская контора Всесоюзного объединения рыбной промышленности и хозяйства «Союзрыба» (переименована в 1931 г. в Дальневосточное управление Союзрыбы), задачей которой являлось «...руководство в пределах ДВК (Дальневосточного Края) рыбной промышленностью и хозяйством и для регулирования деятельностью рыбохозяйственных организаций». После ряда реорганизаций, переподчинений и переименований на его основе в 1940 г. было создано Главное управление рыбной промышленности Дальневосточного бассейна «Главвостокрыбпром»³

В период Великой Отечественной войны, когда западные промысловые бассейны не могли обеспечивать необходимые объемы производства, наличие централизованной системы управления в рыбной промышленности

¹ Краткий очерк развития рыбной промышленности на Камчатке. Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки (историко-краеведческий сборник). 2004. Вып. 7. Петропавловск-Камчатский. URL: <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-77.htm> (дата обращения: 21.12.2007).

² Деятельность АКО подробно анализируется в работе: Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Акционерное Камчатское общество и его роль в развитии Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 96–110.

³ Путеводитель по фондам Государственного архива Приморского края. (ГАПК. Ф. Р-372. Оп. 9. Ед. хр. 897 л. 32). URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=410&sid=1313254&bid=410> (дата обращения: 22.12.2017).

Дальнего Востока позволило в сжатые сроки значительно увеличить производство рыбной продукции. Если за период 1940–1945 гг. улов рыбы, добыча морского зверя, китов и морепродуктов в стране сократились, то в Дальневосточном бассейне объем добычи рыбы значительно увеличился.

В послевоенный период актуальность повышения роли Дальневосточного бассейна в продовольственном обеспечении страны существенно возросла. Во многом это было связано с наличием здесь мощной сырьевой базы и необходимостью компенсировать произошедшее за годы войны снижение производства сельскохозяйственной, в первую очередь мясной продукции, и обеспечить, в достаточно короткий период, рациональное питание населения в соответствии с медицинскими нормами.

Решение данной задачи потребовало дальнейшего усиления централизации управления рыбной промышленностью. С этой целью в марте 1946 г. было образовано Министерство рыбной промышленности СССР¹. В Дальневосточном бассейне Постановлением Совета Министров РСФСР от 19 октября 1959 г. № 1700 «О реорганизации рыбной промышленности Дальнего Востока» было образовано Главное управление рыбной промышленности Дальнего Востока – «Главдальвостокрыбпром» (в мае 1964 г. был переименован в «Дальрыбу»). В его состав вошли «Приморрыбпром», «Сахалинрыбпром», «Камчатрыбпром», управление китобойных флотилий, тресты «Магаданский», «Нижнеамурский», «Охотский».

Постановлением Совета Министров СССР от 25 декабря 1975 г. № 1047 «О генеральной схеме управления рыбным хозяйством», на базе «Дальрыбы» было создано Всесоюзное рыбопромышленное объединение Дальневосточного бассейна (ВРПО «Дальрыба»). В подчинение «Дальрыбы» были переданы производственные объединения Приморья, Сахалина, Камчатки, Магадана, Управление «Востокрыбхолодфлот», Управление про-

¹ В мае этого же года оно было разделено на Министерство рыбной промышленности западных районов СССР и Министерство рыбной промышленности восточных районов СССР. В дальнейшем, после их объединения опять в одно министерство, и ряда преобразований и переподчинений (подразделение Министерства легкой и пищевой промышленности СССР, Министерства продовольственных товаров СССР, отдел рыбной промышленности Госплана СССР, Главное управление рыбного хозяйства при Госплане СССР, Госкомитет Совмина СССР по рыбному хозяйству, Союзно-республиканский комитет по рыбному хозяйству СНК СССР), в 1965 году Постановлением Совмина СССР было создано Министерство рыбного хозяйства СССР; Хронология и динамика изменения структуры управления рыбохозяйственным комплексом (в период с 1918 по 1999 годы) // InterNevod. URL. <http://www.internevod.com/rus/expert/info/gkr/istoria.shtml> (дата обращения: 22.12.2017).

изводственных флотилий «Дальморепродукт», Владивостокский, Находкинский рыбные порты, а также научные, сбытовые предприятия и организации. «Дальрыба» руководила также деятельностью Приморского, Хабаровского, Сахалинского край- и облрыбакколхозсоюзов и Камчатского межколхозного производственного объединения. «На Дальнем Востоке появился мощный, единый промышленный гигант со своими рыбацкими предприятиями, специализированными портами, судоремонтными объединениями, научными организациями, всем снабжением флота и берега, сбытом продукции»¹.

Одновременно с усилением централизации управления рыбной промышленностью СССР, Постановлением № 1047 были предусмотрены меры по повышению уровня концентрации производства и сокращение общего количества самостоятельных предприятий с 731 до 320 единиц с включением их в состав производственных объединений.

Принимаемые меры позволили создать условия для освоения промысла в открытой части Мирового океана, а также эффективного использования оказываемой государственной поддержки.

С конца 1950-х гг. рыбная отрасль Дальнего Востока начала получать значительные государственные инвестиции в виде поставок новых рыбопромысловых судов. «В 1966–1975 годах на вооружение промысловиков Дальнего Востока поступило более 100 больших рыболовных траулеров-морозильщиков, 195 средних рыболовных траулеров-морозильщиков и много добывающего малотоннажного флота...к началу 1982 года флот рыбаков-дальневосточников насчитывал 261 единицу крупнотоннажного..., 400 единиц среднетоннажного... и более 500 единиц малотоннажного промыслового флота..., был представлен 23 крабokonсервными плавучими заводами, 47 рыбообрабатывающими плавбазами, 29 производственными судами»².

Новый рыбопромысловый флот дал толчок развитию в регионе морского и океанического рыболовства, освоению ранее недоступных биологических ресурсов континентального шельфа и открытой части Мирового океана, что позволило в короткие сроки значительно увеличить добычу сырья и производство рыбной продукции. «Если на момент организации «Дальрыбы» добыча рыбы и морепродуктов составляла немногим более 800 тыс. т (24,5% от общей добычи по стране) и выпуск продукции составлял около 300 тыс. т, то в 1988 году было добыто 4938,6 тыс. т (44,5% общей

¹ Григорьев Ю. «Дальрыба» в судьбах рыбаков. Ч. 1 // РИА Fishnews. 2009. Вып. 2. URL: <http://fishnews.ru/mag/articles/7344> (дата обращения: 22.12.2017).

² Москальцов Ю. «Дальрыбе» – 50 лет! // РИА Fishnews. 2009. URL: <http://www.dalryba.ru/old/22.htm> (дата обращения: 22.12.2017).

добычи по стране), а выпуск пищевой продукции исчислялся в 1836 тыс. т...»¹.

В отличие от послереволюционного периода, когда важнейшим условием ускоренного наращивания производства рыбопродукции являлось создание системы управления, позволяющей максимально использовать потенциал существующей на тот период организации рыбохозяйственной деятельности, в послевоенный период решение аналогичной задачи потребовало иных подходов, учитывающих изменившиеся внутренние и внешние условия.

Прежде всего, появилась возможность оказания существенной государственной поддержки рыбной промышленности. Кроме этого, с развитием промышленного рыболовства и пространственного расширения использования водных биологических ресурсов, интеграцией рыбной промышленности с другими отраслями народного хозяйства, выходом рыболовства за пределы территориальных вод СССР, где действовали международные нормы и правила, возникла необходимость в усилении централизации управления рыбохозяйственной деятельностью. Одновременно, поступление новой высокопроизводительной техники и расширение промысла в Мировом океане, организация экспедиционного лова, потребовало принятия мер по повышению уровня концентрации производства.

Таким образом, в послевоенный период происходили взаимосвязанные институциональные и организационные изменения в результате чего была создана единая система осуществления рыбохозяйственной деятельности и условия для решения задачи увеличения производства рыбопродукции.

2.2. Развитие рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока в реформенный период

Существенные институциональные и организационные преобразования в отрасли были связаны с принятием Постановления Совета Министров СССР от 7 сентября 1988 г. № 1079 «О генеральной схеме управления рыбным хозяйством». Данным постановлением предусматривалась перестройка деятельности рыбного хозяйства страны с учетом перехода предприятий и организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, введение двухзвенной системы управления².

¹ Москальцов Ю. «Дальрыбе» – 50 лет! // РИА Fishnews. 2009. URL: <http://www.dalryba.ru/old/22.htm> (дата обращения: 22.12.2017).

² До этого управление рыбным хозяйством осуществлялось по четырехзвен-

В дальнейшем, в результате проводимых преобразований, были ликвидированы Министерство рыбного хозяйства СССР (с последующим понижением его статуса до комитета рыбного хозяйства при Минсельхозе РСФСР)¹, а также бассейновые рыбопромышленные объединения административно-командного типа (вместо которых, в итоге, были созданы территориальные органы Федерального агентства по рыболовству (ФАР)²), все предприятия и организации получили право выхода на внешний рынок.

Хотя бассейновый принцип управления был сохранен, что диктовалось необходимостью рационального использования сырьевой базы в каждом промысловом бассейне, однако функции территориальных органов ФАР существенно изменились в сторону уменьшения их прав и обязанностей в результате передачи предприятиям, организациям и объединениям значительной части функций органов управления.

В соответствии с Типовым положением о территориальном органе ФАР его полномочия в сфере управления заключаются, в основном, в осуществлении координации и контроля за выполнением подведомственными ФАР организациями уставных задач, организация и проведение конкурсов на право заключения договоров о предоставлении промысловых участков, заключение договоров на выполнение работ по искусственному воспроизводству водных биологических ресурсов (ВБР), в оформлении, выдаче и регистрации разрешений на добычу ВБР, организацию аукционов по продаже права на заключение договора о закреплении долей квот добычи ВБР для осуществления прибрежного рыболовства. Кроме этого территориальные

ной системе: Минрыбхоз СССР – Бассейновые всесоюзные рыбопромышленные объединения – Территориальные производственные объединения – организации и предприятия.

¹ В последующем наименование и статус основного органа управления неоднократно изменялся. В 1992 году был образован Комитет Российской Федерации по рыболовству, который в 1996 году был переименован в Государственный комитет РФ по рыболовству. В марте 1997 года он был ликвидирован с передачей его функций Министерству сельского хозяйства и продовольствия РФ и Государственному Комитету РФ по охране окружающей среды (с июня этого же года – Департамент по рыболовству Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ). В сентябре 1998 года был создан Государственный комитет Российской Федерации по рыболовству; Хронология и динамика изменения структуры управления рыбохозяйственным комплексом (в период с 1918 по 1999 гг.). URL: <http://www.internevod.com/rus/expert/info/gkr/istoria.shtml> (дата обращения: 22.12.2017).

² О создании территориальных органов Федерального агентства по рыболовству: приказ Федерального агентства по рыболовству от 19 декабря 2008 г. № 429.

органы осуществляют, в пределах своих полномочий, контроль за осуществлением органами власти субъектов Российской Федерации переданных им полномочий в области организации, регулирования и охраны водных биологических ресурсов¹.

Параллельно с проводимыми институциональными преобразованиями начался процесс масштабной приватизации рыбохозяйственных предприятий и организаций всех форм собственности, который сопровождался их дроблением на более мелкие структуры. Интенсивность данного процесса хорошо иллюстрируют данные таблицы 2.1.

Таблица 2.1

Количество предприятий и организаций РХК по формам собственности (ед.)

Форма собственности	1993	1994	1999
Всего предприятий и организаций, из них:	1620	2021	3025
– государственная собственность	473	414	132
– государственно-кооперативная собственность	292	268	189
– предприятия и организации негосударственных форм (малые предприятия, АО, АОЗТ, ООО, СП, ИЧП и пр.)	855	1339	2704

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi (дата обращения: 11.03.2017).

На Дальнем Востоке, как и по всей России, отлаженная система организации рыбного хозяйства также была разрушена «...разрушился бассейновый принцип управления, в регионах развалились производственные объединения и большинство баз флотов. Вместо одной «Дальрыбы» и 5 производственных объединений на ДВ возникло свыше 1000 предприятий, которые на свой страх и риск занимались рыболовством. ВРПО «Дальрыба» в декабре 1992 г. было реорганизовано в небольшое предприятие – ОАО «Дальрыба».²

Рассмотрение проводимых в 1990-е гг. преобразований показывает, что изменение системы управления рыбохозяйственной деятельностью осу-

¹ Типовое положение о территориальном органе Федерального агентства по рыболовству: приложение к приказу Минсельхоза России от 8 апреля 2013 г. № 171.

² Москальцов Ю. «Дальрыбе» – 50 лет! // РИА Fishnews. 2009. URL: <http://www.dalryba.ru/old/22.htm> (дата обращения: 22.12.2017).

ществлялось в направлении сокращения административно-командных функций органов управления на всех уровнях при одновременном расширении прав хозяйствующих субъектов. При этом, по умолчанию, предполагалось, что наделенные самостоятельностью хозяйствующие субъекты приложат максимальные усилия для увеличения объемов добычи водных биологических ресурсов и производства рыбопродукции. Однако в результате изменения их целевого вектора развития в направлении получения максимальной прибыли и появления для этого значительных возможностей, в действительности произошло нарушение соответствия созданной системы управления реально сформировавшейся, вследствие ускоренной приватизации, организации рыбохозяйственной деятельности, что, наш взгляд, явилось основной причиной последующего развития в отрасли глубоких кризисных процессов.

Негативные последствия проводимых преобразований хорошо известны. Разрушение хозяйственных связей, снижение платежеспособного спроса населения в результате инфляции, свертыванием промысла во многих районах мирового океана, повлекли за собой значительное сокращение объемов добычи. Если в 1990 г. объем вылова составлял в целом по Российской Федерации 7879 тыс. т, то уже в 1995 г. – 3936 тыс. т. По Дальневосточному федеральному округу объем вылова снизился за этот период с 4627,9 тыс. т до 2810, тыс. т.¹

Одновременно в результате приватизации стремительно возрастало число субъектов хозяйственной деятельности. Если в 1990 г. в РХК России было 306 предприятий, занимающихся добычей и переработкой рыбы, то в 1998 г. их число достигло 1919². К концу 2005 г. их количество в России насчитывало 5054 единицы, а в Дальневосточном федеральном округе – 2661³. Снижение в результате этого концентрации производства значительно сократило воспроизводственные возможности РХК и тем самым обусловило дальнейшее развитие процесса старения добывающего флота и береговых перерабатывающих мощностей.

Снижение объемов вылова привело к сокращению флота. Списание флота только в дальневосточном РХК за 1990–1991 гг. составило: крупнотоннажного – 234 единицы, среднетоннажного – 123 единицы, малотоннажного – 28 единиц. Снижение объемов вылова привело также к росту безра-

¹ Регионы России Социально-экономические показатели / ФСГС. 2009.

² Северная пацифика. Региональный информационный дайджест. Рыбная отрасль России: годы и факты. URL: http://npacific.kamchatka.ru/np/magazin/2-99_r/np8011.htm (дата обращения: 22.12.2017).

³ Регионы России Социально-экономические показатели / ФСГС. 2009.

ботицы среди работников рыбной отрасли. Если на начало 1990 г. число занятых в РХК России составляло 565 тыс. человек, в том числе дальневосточном – 260 тыс. человек, то уже на начало 1992 г. численность в целом по отрасли сократилась на 167 тыс. человек, в том числе на Дальнем Востоке – на 98 тыс. человек¹. В результате этого широкое развитие получил незаконный вылов рыбы (браконьерство), который, по существу, обеспечивал решение проблем занятости и формирования доходов населения.

Для РХК Дальнего Востока ситуация усугублялась тем обстоятельством, что в результате значительно возросших железнодорожных тарифов дальневосточные производители рыбной продукции практически лишились традиционных рынков сбыта в западных районах страны. Не последнюю роль в этом процессе сыграли неплатежи за поставленную продукцию, лишившие многих традиционных производителей рыбной продукции региона оборотных средств и возможности продолжать хозяйственную деятельность.

В дальнейшем недостаточно эффективная государственная политика в области рыбохозяйственной деятельности привела к тому, что социальная составляющая в деятельности отрасли продолжала снижаться.

2.3. Влияние институциональных изменений на развитие рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока на современном этапе

Одной из первых системных реакций на развивающиеся кризисные процессы стало внедрение в систему управления РХК методов программно-целевого планирования, посредством чего, как предполагалось, будут решены наиболее критичные проблемы, повышена взаимная адекватность новых систем управления и организации деятельности рыбохозяйственного комплекса и достигнуты в результате этого его стабилизация и устойчивое развитие².

¹ Римская Т.Г. Рыбная отрасль Дальнего Востока России в период рыночных преобразований второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. XX в. // Ойкумена. 2007. Вып. 2. С. 46–64.

² Речь в данном случае идет о Федеральной программе развития рыбного хозяйства Российской Федерации до 2000 года «Рыба», а также о ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года». Позже, учитывая определенный позитивный опыт реализации данных программ, была принята ФЦП «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса в 2009–2013 годах», а также региональные программы развития РХК Хабаровского Приморского краев, Сахалинской и Камчатской областей.

В принятой одной из первых Федеральной программе развития рыбного хозяйства Российской Федерации до 2000 г. «Рыба»¹ предусматривалась реализация в РХК Дальнего Востока 21 проекта по строительству рыбопроизводных предприятий, холодильных мощностей и реконструкции перерабатывающих предприятий.

Хотя сам факт принятия указанной программы являлся позитивным, в содержательном смысле она, по ряду принципиальных позиций, была фактически ориентирована на закрепление сложившихся негативных процессов. Прежде всего, морское рыболовство, в соответствии с программой, должно было ориентироваться преимущественно на ресурсы собственной исключительной экономической зоны, что существенно сокращало потенциальную сырьевую базу развития. Как следствие, программой предусматривалось стабилизировать объем добычи водных биологических ресурсов (ВБР) к 2000 г. на уровне 4,2 млн т, что фактически означало отсутствие ориентации на преодоление кризисных процессов и дальнейшее развитие отрасли.

Вторым принципиальным положением Программы являлось финансирование мероприятий программы по обновлению флота и модернизации перерабатывающих предприятий преимущественно за счет собственных источников рыбохозяйственных организаций, а также посредством привлечения кредитных ресурсов. При этом доля средств федерального бюджета в общем объеме финансирования Программы составляла всего 19,8%. Данные средства предполагалось направить на воспроизводство ВБР, содержание аппарата Комитета по рыболовству, рыбоохрану, подготовку кадров, развитие отраслевой науки.

При отсутствии соответствующего механизма привлечения рыбохозяйственных организаций к реализации программных мероприятий, их активное участие в процессах обновления и модернизации основных фондов было проблематично.

Дальнейшие программные меры по развитию РХК Дальнего Востока были связаны с Федеральной целевой программой экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья², которой в РХК Дальнего Востока предусматривалась реализация 25 проектов. Общий объем финансовых ресурсов на эти цели составлял 12,9 млрд руб. Из данной суммы 3%

¹ Об утверждении федеральной программы развития рыбного хозяйства Российской Федерации до 2000 года: постановление Правительства РФ от 18.09.1995 г. № 930.

² О федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года»: постановление Правительства РФ от 19.03.2002 г.

предполагалось направить на перевооружение и реконструкцию морских рыбных портов в Приморье и на Сахалине, 82% на строительство рыбопромысловых судов и 15% на воспроизводство ВБР. По источникам финансирования реконструкция морских рыбных портов должна была осуществляться за счет внебюджетных источников, воспроизводство ВБР преимущественно за счет федерального бюджета (88%). Финансирование строительства судов для РХК предполагалось почти полностью осуществлять за счет внебюджетных источников – 98%, и в незначительной степени за счет средств бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов.

Одновременно в указанной программе была поставлена задача разработки механизмов, стимулирующих модернизацию и качественное обновление основных фондов отрасли, прежде всего флота. В качестве составной части данного механизма предусматривалось рассмотрение (в зависимости от возможностей федерального бюджета) вопросов государственной поддержки лизинга в рыбопромышленном комплексе и установления льготных железнодорожных тарифов на доставку рыбных товаров потребителям в центральные районы России.

Таким образом, в программе, по существу, была обозначена необходимость разработки мер по повышению экономической заинтересованности хозяйствующих субъектов рыбохозяйственного комплекса в решении поставленных задач.

Хотя указанные программы, безусловно, оказали (и продолжают оказывать) позитивное влияние на развитие рыбохозяйственного комплекса, они, тем не менее, не позволили изменить сложившееся положение. Это было связано с тем, что большую часть программных мероприятий предполагалось осуществлять за счет средств частных инвесторов, при этом механизм привлечения хозяйствующих субъектов к разработке и реализации программных мероприятий оказался недостаточно эффективен, в силу чего принципиальных изменений вектора развития отрасли не произошло: сформировавшиеся ранее негативные тенденции продолжали сохраняться¹.

В РХК Дальнего Востока, как и в целом по стране, это проявилось, в том числе, в продолжающемся ухудшении объемных показателей его деятельности (*табл. 2.2*). Основной причиной этого являлось углубляющееся несоответствие действовавшей институциональной системы, регулирующей работу РХК, изменившемуся экономическому механизму, когда в практиче-

¹ Волков Л.В. Роль целевых программ в формировании механизма управления рыбохозяйственным комплексом Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 4. С. 50–60.

скую деятельность все в большей степени внедрялись рыночные принципы хозяйствования. В результате этого рыбохозяйственный комплекс, в том числе и Дальнего Востока, оставаясь важным фактором социально-экономического развития, все в большей степени выполнял данную функцию на стихийной и слабоуправляемой основе.

Данные обстоятельства обусловили резкое возрастание внимания к проблемам РХК и принятие, начиная с 2004 г., ряда базовых законов и нормативно-правовых актов, направленных на устранение барьеров, препятствовавших его развитию, а также совершенствование механизма управления.

Таблица 2.2

**Производство основных видов рыбопродукции
в отдельных регионах Дальневосточного федерального округа, тыс. т**

Территория	Улов рыбы и добыча морепродуктов, тыс. т**		Товарная пищевая рыбная продукция (включая консервы) тыс. т	
	2000	2004*	2000	2004*
ДФО	2264	1743	1719,3	1547,4
Приморский край	896,0	560,8	635,7	464,9
Хабаровский край	194,9	128,5	196,0	153,7
Камчатский край	675,1	563,3	488,3	436,4
Сахалинская область	417,5	382,0	356,9	389,6

Примечания: * год наибольшего снижения показателей; ** справочно: в 1990 г. дальневосточным РХК было добыто 4628 тыс. т ВБР.

Источник: составлено по данным: Рыбохозяйственный комплекс Приморского края / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток, 2008.

В 2007 г. наметились дальнейшие позитивные изменения, последовавшие после образования Государственного комитета Российской Федерации по рыболовству и принятия ряда постановлений правительства Российской Федерации. Практически с этого момента началась систематическая работа по устранению негативных факторов, препятствующих развитию РХК. Это позволило «расшить» узкие места и построить институциональную среду более адекватную действующим условиям хозяйствования, что создало условия для изменения сформировавшихся негативных трендов.

В качестве мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов была предусмотрена возможность осуществления на территориях морских и речных портов переработки ВБР с льготным режимом налогооб-

ложения, государственная поддержка промышленного рыбоводства в виде возмещения части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным на цели реконструкции и модернизации комплексов по осуществлению промышленного рыбоводства, приобретения племенного материала рыб, необходимой техники и оборудования и др. Одним из наиболее важных институциональных нововведений явилось наделение долей квот пользователей водных ресурсов вначале на пять, а потом и на десять лет на основе исторического принципа, что позволило создать условия для стабильной работы предприятий и организаций.

Одной из важных мер, направленных на преодоление негативных тенденций и перевод РХК на траекторию устойчивого развития, являлось принятие федеральной целевой программы «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса в 2009–2013 годах»¹. Из общего объема финансирования программы (61 831,1 млн руб.) 52% планировалось осуществить за счет средств федерального бюджета, менее 1% за счет бюджетов субъектов Федерации и 47% из внебюджетных источников. По таким направлениям, как строительство и модернизация рыбопромысловых судов в российских судостроительных организациях, обновление рыбоперерабатывающего оборудования, строительство и реконструкция объектов по реализации технологий выращивания ВБР, предусматривалось финансирование полностью за счет внебюджетных источников. В 2011 г. сроки реализации Программы были установлены до 2012 г., а общий объем финансирования снижен до 24781,6 млн руб.²

Как показала практика реализации программы, предусмотренные в ней мероприятия, не были осуществлены в полной мере. По результатам проверки Счетной палатой эффективности использования средств федерального бюджета, выделенных в рамках ФЦП «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса в 2009-2012 годах», из 10 проверенных объектов ФЦП были введены в эксплуатацию только 2³. При этом результаты проверки показали, что меро-

¹ О Федеральной целевой программе «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала в 2009–2013 годах»: постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 2008 г. № 606.

² О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 2008 г. № 606: постановление Правительства РФ от 20.12.2011 № 1043.

³ В рамках ФЦП «Повышение эффективности использования и развитие ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса» в эксплуатацию введены только 2 из 10 проверенных объектов – результаты проверки / Счетная палата РФ. 2014. URL: www.ach.gov.ru/press_center/news/955 (дата обращения: 22.12.2017).

приятия включались в паспорт ФЦП без достаточной проработки и обоснований.

Несмотря на это, принятие данной программы может быть оценено позитивно, так как ее разработка была осуществлена, на наш взгляд, на основе системного подхода, что позволило сформулировать долговременные целевые ориентиры развития рыбохозяйственного комплекса, которые не потеряли актуальность и в настоящее время. В результате принятых мер были сняты многие барьеры, препятствующие развитию РХК, следствием чего явились существенные позитивные изменения в его деятельности.

Как показывают приведенные в таблице 2.3 данные, в результате принятых мер начался устойчивый рост объемных показателей.

Таблица 2.3

**Объем добычи водных биологических ресурсов
в 2010–2016 гг.¹**

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	4027,9	4264,7	4269,8	4296,8	4215,7	4413,1	4657,6
Дальний Восток	2613,3	2862,5	2910,9	2813,6	2721,3	2791,6	3114,2
Приморский край	747,8	782,4	839,2	813,2	801,9	739,3	836,9
Хабаровский край	208,5	209,3	237,8	240,1	285,6	315,1	375,0
Камчатский край	933	1018	1048	874	896	982	1066
Сахалинская область	550	731,9	722,7	788,7	н/д	719,7	766,1

При этом, если в целом по России объем вылова увеличился за период 2010–2016 гг. на 15,6%, то по Дальневосточному федеральному округу это увеличение составило 19,2%.

Одновременно с принимаемыми мерами на федеральном уровне практика применения программно-целевых методов для корректировки институционального поля получила и на региональном уровне. Стратегией развития

¹ Сосоставлена по данным следующих источников: Волков Л.В. Ключевые факторы развития рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока в современных условиях // Регионалистика 2015. Т. 2. № 5–6. С. 60–69; Материалы Коллегии; Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2015 году и задачи на 2016 год (7 апреля 2016 г.); Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2016 году и задачи на 2017 год (30 марта 2017 г.).

РХК на период до 2020 г.¹, наряду с совершенствованием нормативно-правовой базы, формированием эффективной системы управления РХК, созданием условий для эффективного и устойчивого развития РХК в долгосрочной перспективе, в качестве одной из мер субъектам Российской Федерации было рекомендовано разработать и утвердить региональные программы РХК.

Такие программы были разработаны в Хабаровском, Приморском, Камчатском краях и Сахалинской области, которые в совокупности обеспечивают более 90% добычи рыбы и морепродуктов на Дальнем Востоке².

В настоящее время в региональных РХК сохраняется значительный производственный потенциал, который пока может обеспечивать достаточно высокие показатели деятельности. Целевым ориентиром принятых программ является обеспечение устойчивого развития региональных РХК путем сохранения, воспроизводства и рационального использования ВБР и обеспечения конкурентоспособности производимой продукции, что в целом соответствует стратегическим ориентирам развития РХК страны

В них выделены основные задачи, которые планируется решить в ходе реализации программ (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Общая характеристика территориальных программ развития РХК

Территория	Сроки	Основные задачи	Основные ожидаемые результаты
Хабаровский край	2014–2020	1. Развитие аквакультуры и воспроизводство ВБР. 2. Развитие береговой переработки. 3. Оказание поддержки хозяйствующим субъектам для стимулирования инвестиционной активности.	1. Увеличение количества лососевых рыбоводных заводов до 20. 2. Количество хозяйств по выращиванию гидробионтов – 5. 3. Объем добычи ВБР – 240 тыс. т 4. Объем инвестиций в основной капитал за счет собственных и заемных средств – 660 млн руб.

¹ Об утверждении стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года: приказ Федерального агентства по рыболовству от 30 марта 2009 года № 246.

² Государственная программа Хабаровского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса Хабаровского края»: постановление Правительства Хабаровского края от 27 декабря 2013 г. № 466-пр; Государственная программа Приморского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса Приморского края»: постановление администрации Приморского края от 07 декабря 2012 г. № 389-па; Государственная программа Камчатского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса Камчатского края»: постановление Правительства Камчатского края от 29 ноября 2013 г. № 533-п; Государственная программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области»: постановление Правительства Сахалинской области от 26 июня 2013 г. № 325.

Территория	Сроки	Основные задачи	Основные ожидаемые результаты
Приморский край	2013–2017	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание новых, техническое перевооружение и модернизация основных производственных фондов. 2. Стимулирование предпринимательской активности. 3. Развитие эффективного рыночного механизма оптимизации торговли рыбной продукцией. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение объемов продукции товарного рыбоводства в 8,6 раза. 2. Увеличение производства товарной пищевой рыбной продукции в 1,26 раза. 3. Увеличение доли продукции глубокой степени переработки до 35%.
Камчатский край	2014–2020	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сохранение и увеличение ресурсной базы рыболовства. 2. Развитие берегового рыбоперерабатывающего комплекса. 3. Улучшение обеспечения отрасли специалистами рабочих профессий. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание условий для устойчивого развития РХК. 2. Создание условий для развития аквакультуры. 3. Создание условий для обновления промыслового флота. 4. Создание условий для строительства и модернизации береговых перерабатывающих производств, внедрения инновационных технологий переработки рыбной продукции.
Сахалинская область	2014–2020	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стимулирование модернизации основных производственных фондов. 2. Развитие береговой инфраструктуры РХК и модернизация предприятий, занимающихся выпуском рыбной продукции. 3. Развитие морской аквакультуры, повышение эффективности воспроизводства ВБР, включая восстановление нерестилищ лососевых. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение объемов добычи ВБР до 776 тыс.т., производства пищевой рыбной продукции – до 489 тыс.т. 2. Рост средней стоимости 1 т. пищевой рыбной продукции, реализованной на внешнем рынке – в 1,7 раза.

Источник: составлено на основе данных государственных программ развития РХК дальневосточных субъектов РФ.

Среди других решаемых программами задач можно также отметить повышение эффективности государственного управления РХК на региональном уровне, а также увеличение потребления рыбопродукции населением.

Обращает на себя внимание, что в программах не ставятся амбициозные задачи по увеличению объемных показателей добычи ВБР. Это говорит о том, что разработанные программы ориентированы преимущественно на стабилизацию состояния и качественное совершенствование региональных РХК, что позволит повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность отрасли и обеспечить ее перевод на траекторию устойчивого развития.

Необходимо отметить, что достоинством региональных программ является более полный учет существующих территориальных особенностей. Так на долю РХК Камчатского края, который является здесь единственной отраслью специализации, приходится более половины промышленного производства и около 86% экспортного потенциала¹, в результате чего он является, по сравнению с другими регионами, наиболее значимой структурой для края. Учитывая это, программой развития РХК Камчатского края на первом этапе (до 2017 г.) наивысший приоритет отдается наращиванию и качественному совершенствованию морского потенциала в интересах обеспечения базовых потребностей региона, а также диверсификации морской деятельности и приданию ей инновационных импульсов. Это предполагается осуществить путем стимулирования создания сети рыболовных заводов, обновления рыбопромыслового флота, развития сети заводов по глубокой и качественной переработке рыбопродукции, продвижения инвестиционных проектов в сфере развития рыболовства, аквакультуры и переработки на внутренние и международные инвестиционные рынки.

В программе Приморского края, экономико-географическое положение которого является благоприятным для создания эффективных логистических схем транспортировки рыбной продукции на внутренние и внешние рынки, одной из задач является оптимизация механизма торговли рыбопродуктами.

Наряду с задачами по воспроизводству сырьевой базы в рамках программ намечается обеспечить ускорение процесса обновления добывающего флота износ которого в настоящее время близок к критическим параметрам.

Масштабность задач, намечаемых к решению в рамках региональных программ развития РХК, обуславливает значительные объемы финансовых ресурсов, которые планируется выделить на эти цели (*табл. 2.5*).

¹ Государственная программа Камчатского края «Развитие рыбохозяйственного комплекса Камчатского края на 2014–2020 годы»: постановление Правительства Камчатского края № 533-п от 29.11.2013.

Таблица 2.5

Объемы и источники финансирования региональных программ, млн руб.

Территория	Объем финансирования	В том числе		
		федеральный бюджет	бюджет субъекта федерации	внебюджетные источники
Приморский край	5347	883	1140	3324
Хабаровский край	3757	–	41	3716
Камчатский край	5502	–	547	4955
Сахалинская область	5487*	1	1869	3617

Примечание: *Суммирование объемов финансирования программных мероприятий по всем источникам, приводимых в программе «Развитие рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области», не совпадает с общим объемом финансирования по Программе, которое составляет 6424 млн руб., что может являться свидетельством недостаточно тщательной проработки программы.

Источник: Составлено на основе данных государственных программ развития РХК дальневосточных субъектов РФ.

Как видно из приведенных данных, долгосрочные региональные программы развития РХК предполагают минимальное участие федерального бюджета в финансировании планируемых мероприятий. В то же время участие региональных бюджетов в реализации программных мероприятий довольно существенно. В частности, доля краевого бюджета Приморского края в общем объеме финансирования региональной программы составляет 21,3%, Камчатского края – 10%, областного бюджета Сахалинской области – 34,1%.

Как и в целевых программах федерального уровня, в финансировании мероприятий региональных программ основная роль отводится внебюджетным источникам (частным инвесторам). Доля внебюджетных источников в финансировании мероприятий программ составляет для Приморского края – 62%, Хабаровского края – 99%, Камчатского края – 90%, Сахалинской области – 67%. Высокая доля внебюджетных источников в финансировании свидетельствует о том, что получение ожидаемых региональных эффектов от реализации программ территорий во многом зависит от наличия условий, которые будут создавать стимулирующий эффект притяжения частных инвестиций в проекты развития рыбохозяйственных комплексов.

Учитывая важность задач обновления добывающего флота, развития береговой переработки, искусственного воспроизводства ВБР, развития аквакультуры, а также недостаток средств на эти цели у хозяйствующих субъектов, в региональных программах предусмотрены меры государственной поддержки рыбохозяйственных организаций, которые будут реализовывать

соответствующие проекты. В частности, в этом случае планируется предоставление субсидий из региональных бюджетов на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, оказания, в рамках территориальных полномочий, поддержки в решении организационных вопросов, возмещение части затрат на уплату лизинговых платежей по договорам лизинга на приобретение промысловых судов, оборудования для рыбоводных заводов и перерабатывающих предприятий.

В совокупности с мероприятиями федерального уровня это расширяет участие государства в решении указанных проблем, что усиливает мотивацию инвесторов более активно включиться в данный процесс на основе государственно-частного партнерства.

Вместе с тем, во всех региональных программах отмечается недостаточность стимулирующих условий для активизации привлечения частных инвесторов в разработку и реализацию проектов развития РХК. Как правило, привлечение частных инвесторов осуществляется на договорной основе и они формально являются участниками региональных программ, хотя реально могут и не обеспечить финансирование предполагаемых проектов. Так, в Государственной программе Хабаровского края на момент ее принятия было предусмотрено к реализации 33 проекта, из которых только один проект (строительство завода по переработке рыбы и морепродуктов в Хабаровске) имел необходимую проектную документацию. Остальные проекты находились в стадии согласования намерений участия в них потенциальных инвесторов.

Таким образом, в рассматриваемый период преобразования в рыбохозяйственном комплексе Дальнего Востока были направлены на восстановление и сохранение его устойчивости посредством институциональных преобразований, сочетающихся с использованием программно-целевых методов на федеральном и региональном уровнях.

2.4. Влияние внешнего спроса на конкурентоспособность использования водно-биологических ресурсов и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока

Несмотря на сформировавшиеся в последние годы положительные тенденции, в РХК региона продолжают сохраняться проблемы, которые потенциально несут в себе угрозу снижения устойчивости РХК и развития нового витка кризисных процессов в отрасли.

Одна из них связана с распределением вылова по районам промысла. Уже на протяжении длительного времени основной объем вылова обеспечи-

вается океаническим рыболовством, на которое приходится более 90% добываемых водных биологических ресурсов. Основная часть ВБР добывается в отечественной исключительной экономической зоне (ИЭЗ).

Данная ситуация продолжает сохраняться и даже усиливаться. Если в 2015 г. доля вылова в ИЭЗ иностранных государств и конвенционных районах составляла 16,6% от общего улова, то в 2016 г. – 14,6%. В физическом выражении произошло снижение здесь уловов на 4,5%¹.

По имеющимся оценкам, состояние традиционных объектов промысла позволяет увеличить общий вылов в дальневосточных российских водах до 3 млн т². Объемы добычи здесь практически вплотную приблизился к этому уровню и ожидать его существенного увеличения, ориентируясь только на ресурсы ИЭЗ, не приходится.

Вторая значимая проблема связана с перестройкой системы управления и организации деятельности отрасли. Увеличение количества хозяйствующих субъектов и снижение вследствие этого концентрации производства значительно сократило воспроизводственные возможности РХК и тем самым обусловило развитие процесса старения добывающего флота и береговых перерабатывающих мощностей.

В настоящее время сложилась ситуация, когда основная масса судовладельцев имеет незначительное количество судов (*табл. 2.6*).

Таблица 2.6

**Распределение рыбодобывающего флота
по судовладельцам (2012 г.)**

Количество судов у судовладельца	Количество судовладельцев
1	616
2	214
3	79
от 4 до 5	69
от 6 до 10	41
от 11 до 15	9
от 16 до 20	3

Источник: О развитии рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации: проект доклада рабочей группы Президиума государственного совета. 2015.

¹ Рассчитано по материалам Коллегии: Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2015 году и задачи на 2016 год (7 апреля 2016 г.); Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2016 году и задачи на 2017 год (30 марта 2017 г.).

² Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011. 911 с.

Приведенные данные позволяют достаточно обоснованно утверждать, что большинство добывающих предприятий и организаций не имеют возможностей для обновления и модернизации флота. Учитывая, что основная часть промыслового флота (71%) сосредоточена в Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне, данная проблема для региона чрезвычайно актуальна.

В современных условиях, когда реализуется принцип минимизации государственного вмешательства в развитие рыбной промышленности, одним из направлений решения данной проблемы является, на наш взгляд, стимулирование укрупнения рыбохозяйственных организаций с включением в их компетенцию функций управления вошедшими в их состав предприятий и организаций.

В области малого бизнеса решение проблемы видится в стимулировании объединения предприятий в рыбохозяйственные кооперативы с соответствующей централизацией управления.

Сохранение устойчивого развития РХК Дальнего Востока связано также с проблемой повышения эффективности внешнеэкономической деятельности, что напрямую зависит от конкурентоспособности производимой в регионе продукции на внешних рынках.

Географическое положение региона является в настоящее время одним из основных определяющих факторов в деятельности Дальневосточного РХК: близость импортеров из стран Северо-Восточной Азии и отдаленность крупных потребителей в центральных районах России естественным образом обуславливают высокую долю экспортной составляющей в территориальном распределении производимой продукции.

Как показывают данные таблицы 2.7, за период с 2010 по 2015 г. сохранялись большие объемы поставок рыбопродукции на внешний рынок. Суммарно по рассматриваемым субъектам объем экспорта сократился в 2014 г. по сравнению с 2010 г. на 9,7%, однако в 2015 г. все регионы, за исключением Приморского края, увеличили объемы экспортных поставок, в результате чего общий объем экспорта увеличился на 4% по отношению к прошлому году.

В структуре экспорта преобладает мороженая рыба – 91%. Хотя отмечается некоторое увеличение экспорта продукции высокой степени переработки (готовых консервированных ракообразных, моллюсков), их доля в общем объеме экспорта незначительна. Сохранение данной ситуации «...обусловит в будущем устойчивое технико-технологическое отставание отрасли и неизбежно приведет к дальнейшему закреплению специа-

лизации комплекса на поставках на мировой рынок продукции низкого передела»¹.

Таблица 2.7

**Экспорт рыбо- и морепродуктов по основными
производящими регионами ДФО, тыс. т.**

Территория	2010	2014	2015
Качатский край	295,9	195,6	213,9
Приморский край	417,5	452,9	420,4
Хабаровский край	114,3	107,4	128,1
Сахалинская область	247,3	214,9	247,2

Источники: составлено на основе: Рыбохозяйственный комплекс края / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2011; Экспорт дальневосточной рыбы остается на прежнем уровне // Дейта Фиш. 2016. URL: <http://deita.ru/news/deyta-fish/22.03.2016/5062906-eksport-dalnevostochnoy-ryby-ostaetsya-na-prezhnem-urovne/> (дата обращения: 21.12.2017).

В структуре распределения экспортных поставок по странам наблюдается определенная стабильность: сохраняется высокая доля экспорта в КНР, Республику Корея, Японию. За пять месяцев 2015 г. доля экспорта рыбопродукции в КНР составила 69% от общего объема, Республику Корея – 29%, Японию – 1%. Основным импортером мороженой рыбы является Китай. Республика Корея и Япония импортируют в основном валютоемкие объекты промысла (крабов, моллюсков, свежую и охлажденную рыбу, икру, морских ежей)².

Приведенные данные свидетельствуют о том, что большое влияние на позиции РХК Дальнего Востока на внешнем рынке оказывает импортная политика, проводимая, прежде всего, Китаем. Так как мороженая рыба после переработки на китайских предприятиях в значительных объемах поставляется, в том числе, на экспорт, то это обуславливает заинтересованность Китая в сохранении сырьевой направленности дальневосточного экспорта рыбопродукции. Заинтересованность Китая в сохранении сложившейся ситуации обусловлена также тем, что в настоящее время в его приграничных районах создаются перерабатывающие мощности в значительной сте-

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 429.

² Поставки рыбы за рубеж в натуральном выражении сократились // Fishnews. 2015. URL : <http://fishnews.ru/news/26423> (дата обращения: 23.12.2017).

пени ориентированные на российское, прежде всего дальневосточное, сырье¹.

В этих условиях дальнейшее развитие РХК Дальнего Востока предполагает его качественное совершенствование с использованием всех имеющихся в регионе возможностей и учетом потенциальных угроз (табл. 2.8).

Принимаемые в настоящее время меры во многом направлены на предотвращение указанных угроз и сохранение устойчивого состояния рыбохозяйственного комплекса. Данные меры агрегировано включают в себя:

– проведение институциональных преобразований, позволяющих активизировать процесс обновления и модернизации добывающего флота (в том числе с использованием «инвестиционных квот»);

– развитие аквакультуры (товарной аквакультуры: морской гребешок, трепанги, ламинария и др.) и рыбоводства (в первую очередь лососеводства);

– развитие переработки водных биологических ресурсов в направлении производства продукции с высокой добавленной стоимостью и ухода от преимущественно сырьевой направленности экспорта.

Таблица 2.8.

**Угрозы для устойчивого развития РХК региона
и возможности их преодоления**

Угрозы	Возможности преодоления
1. Истощение сырьевой базы в результате увеличения нагрузки на ресурсы российской исключительной экономической зоны (ИЭЗ), примыкающей к региону, значительного сокращения промысла в открытых районах Мирового океана и ИЭЗ других государств	1. Восстановление промысла в открытой части Мирового океана 2. Вовлечение в оборот малоиспользуемых видов ВБР. 3. Активизация научных исследований по разработке технологий добычи и переработки малоиспользуемых видов ВБР. 4. Развитие сотрудничества между субъектами федерации Дальнего Востока по поддержанию и сохранению воспроизводственных возможностей промысловой базы ИЭЗ и ее эффективного использования. 5. Развитие аквакультуры
2. Развитие кризисных процессов в экономике страны	1. Разработка и реализация мер, направленных на минимизацию влияния кризисных явлений на развитие РХК

¹ В Хуньчуне создана мощная инфраструктура переработки российской рыбы и морепродуктов // Тихоокеанский вестник. 2016. 30 июня. URL: fishkamchatka.ru/articles/the_far_east_and_siberia/15041/ (дата обращения: 23.12.2017).

Угрозы	Возможности преодоления
3. Снижение платежеспособного спроса населения	1. Разработка и осуществление комплекса мер, направленных на проведение соответствующей ценовой политики, включающей, в том числе, регулирование величины розничных наценок
4. Сохранение высокого уровня экспорта продукции низкой степени переработки	1. Создание с иностранными инвесторами совместных предприятий на территории региона по переработке ВБР в соответствии с особенностями потребления рыбпродукции в данных странах и увеличение на этой основе экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью
5. Высокий уровень износа добывающего флота и низкие темпы его обновления и модернизации	1. Усиление государственной поддержки обновления и модернизации добывающего флота

Одновременно на федеральном уровне проводится работа по совершенствованию законодательной базы с целью совершенствования порядка предоставления права пользования ВБР в районах действия международных договоров Российской Федерации с целью увеличения объемов добычи в ИЭЗ иностранных государств и конвенционных районах.

Проводимые меры и планируемые мероприятия говорят о том, что развитие рыбохозяйственного комплекса, в том числе Дальнего Востока, в перспективе рассматривается как процесс увеличения физического объема добычи водных биологических ресурсов и соответствующего наращивания производства рыбпродукции при сохранении его устойчивого состояния.

По существу речь идет о реализации концепции «догоняющего развития», которая отражает определенную инерцию во взглядах на развитие РХК и сохраняющуюся ностальгию «по прежним временам», когда рыбная промышленность страны занимала лидирующие позиции в мире по объему добычи водных биологических ресурсов.

Учитывая, что объем возможной добычи рыбпродукции в мире оценивается примерно в 100 млн т и реальная добыча уже приблизилась к этому уровню, такой подход к развитию отечественного РХК представляется излишне оптимистичным: по мере роста населения планеты и обострения продовольственной проблемы в мире существенное увеличение добычи отдельным государством будет сталкиваться с возрастающими сложностями. По имеющимся оценкам «В настоящий момент объем рыбной ловли на 50–60%

превышает допустимые нормы»¹. Сегодня только 20% коммерческих запасов рыбы, в основном дешевых видов, используется не полностью, 52% используется полностью и возможность расширения вылова этих видов отсутствует, примерно 20% видов используется чрезмерно и 8% истощены².

В этих условиях достижение лидирующих позиций в мире связано, на наш взгляд, с технологической модернизацией рыбохозяйственного комплекса при максимальном использовании имеющихся для этого потенциальных возможностей.

Для РХК Дальнего Востока, наряду с развитием рыболовства и рыбопереработки, повышенное внимание должно быть уделено развитию аквакультуры. В Приморском, Хабаровском краях и Сахалинской области общий объем акваторий, пригодных для интенсивного выращивания марикультуры составляет более 2 млн га из которых используется порядка 8 тыс. га³. По данным Дальрыбвтуза и ТИПРО-центра потенциальные возможности производства марикультуры на Дальнем Востоке составляют 3,6 млн т, в том числе 1,9 млн т у побережья Сахалина, 627,6 тыс. т в Приморском крае и 700 тыс. т в Хабаровском крае.

Второй потенциальной возможностью развития технологической модернизации РХК Дальнего Востока является расширение использования биотехнологий для получения широкого спектра продукции из морских гидробионтов.

Исследования в этом направлении проводятся в 30 странах мира, в том числе США, Японии, Италии, Республике Корея, КНР, России. В России изучение морских микроорганизмов и попытки их трансфера в экономически эффективные биотехнологии по масштабам и результативности отстают от мирового тренда. Данными исследованиями занимаются лишь несколько исследовательских коллективов и отдельных групп, масштабы исследования которых в настоящее время недостаточны для создания прорывных морских биотехнологий, способных принципиально изменить современные методы использования водных биологических ресурсов⁴. На Дальнем Востоке дан-

¹ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 401.

² Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур. ЮНЕП. URL: old.ecocongress.info/5_congr/doclad.pdf (дата обращения: 23.12.2017).

³ Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 428.

⁴ Там же. С. 415.

ными проблемами занимаются Тихоокеанский институт биоорганической химии и Институт биологии моря ДВО РАН.

Наличие в регионе научных учреждений, способных проводить соответствующие исследования и большое разнообразие биологических объектов в Дальневосточных водах представляет собой одно из значимых преимуществ региона в плане потенциальных возможностей технологической модернизации РХК.

Использование данных возможностей позволит сформировать в регионе рыбохозяйственный комплекс, соответствующий существующим реалиям и мировым трендам. В организационном плане его структура будет включать в себя активное рыболовство, морскую и пресноводную аквакультуру, переработку водно-биологических ресурсов на основе биотехнологий, аквакультурное выращивание водно-биологических ресурсов для биотехнологического использования.

Данные преобразования должны, на наш взгляд, проводиться на основе использования методов программно-целевого планирования с учетом уже имеющегося опыта их применения. Уже на стадии разработки программ необходимо построение многоуровневой системы взаимосвязанных мероприятий, которые в совокупности позволят в заданные сроки обеспечить достижение декларируемых целей. Вместе с тем, слабая заинтересованность хозяйствующих субъектов рыбохозяйственного комплекса в реализации программных целей федерального и регионального уровня свидетельствует о существующих недостатках использования аппарата целевого программирования в создании эффективного механизма управления деятельностью РХК.

Одним из направлений совершенствования механизма является, на наш взгляд, выстраивание взаимосвязанной вертикальной системы целевого планирования, включающей в себя федеральные целевые программы, направленные на решение наиболее значимых проблем, целевые программы субъектов федерации, детализирующие цели и задачи программ верхнего уровня с учетом имеющихся территориальных условий, особенностей и возможностей, а также программы развития хозяйствующих субъектов, содержащие проработанные проекты развития, соответствующие целям и задачам программ федерального и территориального уровня.

Ключевым условием действенности такой системы является согласование разноуровневых интересов в процессе разработки целевых программ, так как в условиях доминирования в экономике рыночных принципов необходим максимально полный учет интересов хозяйствующих субъектов.

Разработка целевых программ развития РХК должна включать в себя итеративный процесс согласования интересов. На федеральном уровне формулируются целевые ориентиры, определяются индикаторы достижения целей, а также формируется «пространство возможностей развития» (институциональная среда, нормативная база, стимулирующие воздействия и т. д.) в границах которого регионы и субъекты хозяйственной деятельности разрабатывают свои программы развития.

Рассмотрение программ развития субъектов хозяйственной деятельности, в случае их недостаточного соответствия целевым ориентирам регионального и федерального уровня, предполагает соответствующую корректировку «пространства возможностей развития» с целью достижения необходимых для реализации программы инвестиционных намерений хозяйствующих субъектов.

ГЛАВА 3. Лесной комплекс

3.1. Лесные ресурсы Дальнего Востока: потенциал, динамика, проблемы воспроизводства

Дальний Восток имеет значительные лесные ресурсы, на его долю приходится 42,7% лесопокрытой площади Российской Федерации и 24,8% общероссийских запасов древесины (2015 г.). По площади лесов Дальневосточный федеральный округ продолжает лидировать в России, но по запасам древесины он уступает Сибирскому ФО, доля которого по этому показателю 40% (табл. 3.1). По показателю лесистости территории ДФО уступает Сибирскому и Северо-западному федеральным округам.

Таблица 3.1

Основные характеристики лесных ресурсов по федеральным округам РФ, 2015 г.

Федеральный округ	Лесопокрытая площадь, млн га	Запас древесины, млрд м ³	Лесистость, %	Производство необработанной древесины, млн м ³
РФ	795,0	82,8	46,4	126,7
Центральный	22,6	4,0	34,8	9,2
Северо-Западный	88,5	10,4	52,5	41,7
Южный	2,6	0,5	6,3	0,4
Северо-Кавказский	1,7	0,3	10	0,03
Приволжский	37,7	5,7	36,4	17,0
Уральский	69,5	8,1	38,2	3,4
Сибирский	276,8	33,3	53,8	42,7
Дальневосточный	295,2	20,5	47,9	12,1
Крымский	0,3	0,0	11,4	0,07

Источник: База данных ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator> (дата обращения: 01.02.2016); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / ФСГС. 2016.

По производству необработанной древесины Дальневосточный федеральный округ занимает четвертое место после Северо-Западного, Сибирского и Приволжского округов, обеспечивая 9,6% общероссийского производства. Примечательно, что за период с 2010 по 2015 г. темп прироста про-

изводства необработанной древесины был по ДФО нулевой, в то время как в среднем по России он составил 8%. По округам-лидерам он был еще выше: по Приволжскому округу –17%, по Северо-Западному – 14%, по Сибирскому – 10%. Причины отставания лесного комплекса Дальнего Востока носят институциональный характер вкпе с неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой на рынках Северо-Восточной Азии, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Можно сделать вывод о том, что лесные ресурсы Дальнего Востока пока что продолжают составлять значительный потенциал России.

Общая площадь земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых расположены леса, составляет в ДФО 505,8 млн га, из которых на лесной фонд приходится 496,7 млн га или 98,2%. За 13 лет (с 2003 г.) изменений в площади лесного фонда не произошло.

Территориально эти земли распределены неравномерно: более 50% земель лесного фонда приходится на Республику Саха (Якутия) (табл. 3.2).

Таблица 3.2.

Основные характеристики лесов дальневосточных субъектов Федерации, 2015 г.

Территория	Площадь земель, на которых расположены леса, млн га	В т. ч. покрытые лесом земли, млн га	Общий запас древесины, млрд м ³	Лесистость территории, %
Республика Саха (Якутия)	256,1	157,1	8,8	51,0
Хабаровский край	75,6	52,1	5,2	66,2
Приморский край	13,3	12,7	1,9	77,3
Камчатский край	46,1	19,8	5,2	42,7
Амурская область	31,7	23,7	2,1	65,4
Магаданская область	45,6	17,3	0,5	37,4
Сахалинская область	7,4	5,9	0,7	68,1
ЕАО	2,3	1,6	0,2	45,3
ЧАО	27,7	4,9	0,1	6,8
Итого по ДФО	505,8	295,2	20,5	47,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / ФСГС. 2016.

Согласно введенному Лесным кодексом РФ лесорастительному районированию леса Дальнего Востока, протянувшиеся в меридиональном направлении с крайнего севера до юга, относятся к четырем лесорастительным

зонам и семи лесных районов, для которых характерно доминирование определенных типов лесов¹:

1. Зона притундровых лесов и редкостойной тайги:

– Восточно-Сибирский район, включающий северную часть Республики Саха (Якутия);

– Дальневосточный район притундровых лесов и редкостойной тайги, включающий Чукотский автономный округ, северные части Магаданской области и Камчатского края.

2. Таежная зона, самая большая по площади, где расположены самые продуктивные леса и где ведутся интенсивные промышленные рубки:

– Восточно-Сибирский таежный мерзлотный район, куда входит основная территория Республики Саха (Якутия);

– Камчатский таежный район, куда входит полуостровная часть Камчатского края;

– Дальневосточный таежный район, включающий: юг Магаданской области, северные и восточные территории Хабаровского и Приморского краев, северные территории Амурской и Еврейской автономных областей, Сахалинскую область.

3. Зона хвойно-широколиственных лесов, в основном уже пройденная рубками, тем не менее остающаяся привлекательной для заготовки ценных твердолиственных пород древесины:

– Приамурско-Приморский хвойно-широколиственный район, включающий юг Хабаровского края, центральную часть Приморского края, южные районы Еврейской автономной области, а также Курильские острова.

4. Лесостепная зона:

– Дальневосточный лесостепной район, куда входят южные территории Амурской области и Приморского края.

Хвойные леса преобладают на большинстве территорий Дальнего Востока (почти 70% территории), среди которых лиственница является доминирующей породой (85% от площади хвойных пород)². Она распространена в хвойных лесах Республики Саха (Якутия), Хабаровского края, Амурской,

¹ Об утверждении Перечня лесорастительных зон Российской Федерации и Перечня лесных районов Российской Федерации: приказ Рослесхоза от 18 августа 2014 года № 367.

² Оценка лесных ресурсов, лесопользования, лесозаготовок и лесной сертификации на Дальнем Востоке России. Приложение к отчету «Исследование лесного сектора Дальнего Востока России. Дорожная карта по привлечению инвестиций в лесопромышленные предприятия с добавленной стоимостью / ФАО ООН. 2013. URL: http://eastagri.org/docs/group/325/AnnexII_forest%20resources_management_cert_RUS.pdf (дата обращения: сентябрь 2017).

Сахалинской и Магаданской областей, а также Чукотского АО. Остальные 15% площади хвойных пород приходится на ель и сосну: сосновые леса в основном произрастают в Амурской области и Республике Саха (Якутия), еловые леса – в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской области. Кедровые леса с преобладанием сосны корейской, занимающие 1,5% всех лесов, расположены в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области.

Твердолиственные леса (главным образом дуб, ясень) расположены в Приморском крае (30% земель, покрытых лесом), в южной части Хабаровского края и ЕАО. В Камчатском крае к таким лесам относятся насаждения каменной березы, которая покрывает 31% лесопокрытой территории.

Мягколиственные леса (береза, осина, липа и т. д.) в основном произрастают в Амурской области, ЕАО, Хабаровском и Приморском краях. Это в основном вторичные леса, появившиеся в результате пожаров и лесозаготовок.

Возрастная структура лесов края из-за преобладания спелых и перестойных насаждений не оптимальна для рационального лесопользования, но угрозы нарушения непрерывности лесопользования нет.

Экстенсивное использование лесов в течение многих десятилетий, особенно с применением сплошных концентрированных рубок в хвойных лесах, привело к существенному сокращению их площади и постоянному ухудшению качественного состава лесов в освоенной части территории лесного фонда. За последние 10 лет произошла дальнейшая трансформация лесов, выразившаяся в вытеснении наиболее ценных хвойных и твердолиственных пород малоценными породами.

Лесные пожары играют особую роль в состоянии и динамике лесоресурсного потенциала, прежде всего катастрофические пожары в местах основных лесозаготовок. Один раз в 10–12 лет возникает катастрофическая горимость, но в прошедшее десятилетие таких катастрофических пожаров не было, хотя значительный ущерб лесным ресурсам Дальнего Востока был нанесен в 2008, 2009 и 2014 гг. (рис. 3.1).

Наиболее пострадали в 2008 г. Якутия, Хабаровский край и Амурская область, на которые пришлось в 2008 г. 94% сгоревшей площади, в 2009 г. к ним прибавилась Магаданская область, доля сгоревшей площади лесов составила 89%. В 2014 г. 90% всех сгоревших площадей пришлось на Якутию и Амурскую область.

Согласно Лесному кодексу РФ с 2007 г. была изменена классификация лесов по целевому назначению – вместо лесов I, II и III групп введены защитные, эксплуатационные и резервные¹ леса.

Рис. 3.1. Динамика горимости лесов ДФО

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011, 2016 / ФСГС. 2011. 2016.

В ДФО из 496,7 млн га, входящих в лесной фонд, на долю эксплуатационных лесов приходится 218,2 млн га, резервных – 185,7 млн га и защитных 92,7 млн га. Защитные леса в свою очередь разделяются на леса, расположенные на особо охраняемых территориях (0,7 тыс. га), леса в водоохраных зонах (1 тыс. га), леса выполняющие функции защиты природных и иных объектов (2805,2 тыс. га) и ценные леса (89928,1 тыс. га).

Эффективность работы лесного комплекса во многом определяется состоянием лесных ресурсов, на учет, сохранение и приращение которых направлена лесохозяйственная деятельность. Данные о лесоресурсном потенциале Дальнего Востока являются устаревшими и неточными, это же касается информации об объемах и качестве арендуемых лесных ресурсов. Это связано с продолжающимся в течение многих лет сокращением фактических ассигнований из федерального бюджета на лесостроительство. Основная часть лесостроительных работ имеет срок давности 11–20 лет².

¹ К резервным относятся леса, в которых в течение двадцати лет не планируется осуществлять заготовку древесины.

² Ковалев А.П. О перспективах эффективного лесопользования на Дальнем Востоке // Состояние лесов и актуальные проблемы лесопользования : материалы Всеросс. конф. с междунар. участием. Хабаровск: Изд-во ФБУ «ДальНИИЛХ». 2013. С. 39–44.

Поэтому арендаторам приходится самим проводить лесоустроительные работы на участке, и зачастую значительное расхождение между официально предоставленной и актуализированной информацией о лесных ресурсах ставит под угрозу планы предпринимателей по развитию бизнеса, в том числе по созданию перерабатывающих производств. Государство как собственник ресурсов должно проводить масштабные лесоустроительные мероприятия, для чего требуются значительные средства из бюджета, например, в Приморском крае объем работ по лесоустройству, которое не проводилось более 20 лет, оценивается в 2 млрд руб., выделено же на 2014 г. было лишь 140 млн руб.¹

Лесохозяйственными работами на арендованных участках, включая лесовосстановление, рубки ухода, противопожарное обустройство, занимаются сами арендаторы. Эти условия фиксируются в договоре аренды. Таким способом государство в законодательном порядке переложило на арендаторов свои обязанности собственника ресурса по его содержанию, охране и защите. Это можно считать способом изъятия ренты за пользование лесными ресурсами, поскольку арендная плата невелика и составляет в среднем 1–2% в структуре издержек производства лесопромышленной продукции.

В остальных лесах эту деятельность осуществляют лесничества и специализированные лесохозяйственные предприятия на основе государственных контрактов.

Лесовосстановление в южных и центральных районах Дальнего Востока происходит за счет высокого потенциала естественного возобновления леса², поэтому мероприятия по содействию естественному возобновлению являются основными. Хабаровский край и Амурская область являются лидерами по лесовосстановительным работам (табл. 3.4). За 2009–2016 гг. работы по лесовосстановлению на Дальнем Востоке сократились почти в 2 раза за счет резкого сокращения этих работ в Республике Саха (Якутия).

Работы по лесовосстановлению на участках вне аренды осуществляются за счет субсидий из федерального центра, но из-за недостатка федерального финансирования происходит сокращение всех видов работ. Посадкой и посевом леса почти полностью занимаются арендаторы за свой счет. Арендаторы также участвуют в организации тушения лесных пожаров, выделяя силы и средства для их тушения. И работы по лесовосстановлению, и туше-

¹ Антонова Н.Е. Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. № 7. 2015. С. 16–34.

² Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток ; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

ние лесных пожаров относится к полномочиям, переданным от федерального центра субъектам Федерации, на это должны выделяться субсидии.

Таблица 3.4

Динамика и структура лесовосстановления в ДФО, 2009–2016 гг.

Территория	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Площадь лесовосстановления ДФО, тыс. га	213,7	200,8	199,9	172,6	180,6	167,1	110,5	112,3
2. Территориальная структура площади лесовосстановления (ДФО = 100%), %								
Республика Саха (Якутия)	27,6	29,6	30,0	25,3	33,4	33,8	1,7	3,8
Приморский край	9,4	8,7	9,7	8,9	7,7	7,0	11,6	10,2
Хабаровский край	37,6	34,9	34,4	38,9	32,3	30,2	53,9	53,7
Амурская область	14,1	14,8	16,1	19,5	19,7	22,5	25,8	24,7
Прочие	11,2	11,9	9,8	7,3	6,8	6,5	7,0	7,6

Источник: База данных ЕМИСС.

Дальнейшая интенсификация использования лесов требует осуществления мероприятий по повышению их доступности и освоению новых лесных массивов через развитие транспортной инфраструктуры. Вопрос доступности лесных ресурсов является актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения. В официальных документах по управлению лесопользованием основным показателем нормирования использования древесины является расчетная лесосека, т. е. норма возможной годичной рубки спелой древесины исходя из лесоводственных требований. Ученые и специалисты отмечали, что этот показатель неадекватен реальному лесопользованию, поскольку практически не учитывает экономические условия пользования древесиной, которые определяются рыночным спросом на определенные породы и сортименты, а также малой плотностью лесной дорожной сети, низким качеством насаждений и т. д. Из-за востребованности рынком лишь части древесины все время складывается большое формальное недоиспользование расчетной лесосеки.

Поэтому много лет ученые настаивают на введении показателя расчетной лесосеки экономически доступных лесных ресурсов. А.С. Шейнгауз¹ предложил устанавливать величину расчетной лесосеки в двух уровнях: лесоводственно допустимый максимальный уровень и уровень, экономически

¹ Шейнгауз А.С. Лесопользование: непрерывное и равномерное или экономически обусловленное? // Лесная таксация и лесоустройство. 2007. № 1(37). С. 157–167.

возможный в настоящее время (экономически доступная лесосека). Критерием экономической доступности пользования спелой древесиной является спрос на рынке на конкретные породы, выраженный через цены.

Некоторые исследователи предлагают в качестве критерия доступности лесных ресурсов использовать показатель лесной ренты¹ (величина лесного дохода на единицу используемого лесного ресурса, принадлежащего собственнику лесного фонда). Ресурсы являются доступными, если лесная рента больше или равна сумме нормативных затрат и нормативной прибыли в лесохозяйственном производстве. Но использование нормативных показателей делает использование показателя лесной ренты слишком условным.

В практике управления лесопользованием в 1996 г. был введен, наряду с общей расчетной лесосекой, показатель расчетной лесосеки в лесах, доступных для хозяйственного освоения², но в середине 2000-х гг. он был упразднен.

Кроме того, оценкой доступности лесных ресурсов в хозяйственной практике можно считать показатель расстояния вывозки древесины, используемый при корректировке лесных платежей³. Учитывается расстояние от места заготовки до ближайшего пункта погрузки и перевозки древесины железнодорожным, автомобильным или водным транспортом (7 разрядов, от 10 до 101 и более км, если расстояние вывозки свыше 100 км, происходит снижение платы за древесину в 4 раза).

ДФО имеет значительный объем расчетной лесосеки – 91,7 млн м³, из которой лишь 25% (23 млн м³) распределено между лесопользователями (остальной объем – нераспределенный фонд в основном на отдаленных северных территориях, наблюдается существенный перекоп между территориальным распределением ресурсов и их использованием (*табл. 3.5*)).

Сильное влияние на концентрацию лесозаготовок оказывает степень освоенности лесов и наличие дорожной инфраструктуры. Например, в наиболее развитом лесном комплексе Хабаровского края потребность в лесных

¹ Князева Г.А. Экономическая доступность лесных ресурсов республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2005. № 4. С. 56–60.

² Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 255 с.

³ О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности: постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2007 г. № 310.

дорогах удовлетворяется лишь на 60%. Строительство дорожной сети ведется в основном в уже осваиваемых районах¹.

Таблица 3.5

Территориальная структура расчетной лесосеки и лесозаготовок на Дальнем Востоке в 2013 г., %

Территория	Расчетная лесосека	Распределенная между пользователями расчетная лесосека	Лесозаготовки
Республика Саха (Якутия)	38	3	3
Камчатский край	2	1	1
Приморский край	8	22	28
Хабаровский край	27	51	51
Амурская область	19	17	12
Магаданская область	2	0	0
Сахалинская область	3	4	3
ЕАО	1	2	2
ДФО	100	100	100

Источник: Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.

Строительство дорог сдерживается рядом причин:

1) мешает правовая неурегулированность некоторых аспектов лесной инфраструктуры: в Лесном кодексе и нормативно-правовых актах вопросы строительства и содержания лесных дорог прописаны неполно; не определены права арендаторов, построивших лесные дороги, при их эксплуатации и при окончании сроков аренды лесных участков. Лесные дороги, как объект лесной инфраструктуры, не входят в перечень автомобильных дорог регионального и местного значения, не отражены в схемах территориального планирования.

2) частный инвестор не имеет стимулов такой долгой и дорогой инвестиции, как строительство магистральных дорог, так как он арендует лес на время. Лесопромышленные предприятия ведут строительство только временных лесовозных дорог (со сроком действия 5 лет). Лесопромышленники считают, что инвестировать в крупные магистральные дороги должно государство, как главный собственник леса.

Инвестируют в дороги только крупные лесозаготовители, причем не в магистральные. Например, крупнейшая на Дальнем Востоке лесопромыш-

¹ Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2014. 400 с.

ленная компания RFP Group затратила в 2009–2011 гг. \$17,5 млн на дорожное строительство к удаленным лесосекам¹.

Неразвитость сети дорог приводит к тому, что лесозаготовки концентрируются в уже освоенных массивах, приводя к истощению и трансформации лесоресурсного потенциала.

3.2. Национальная лесная политика: отраслевой и территориальный аспекты

За последние десять лет на параметры регионального лесного комплекса оказали влияние ряд институциональных новаций в отрасли. Наиболее существенные институциональные изменения произошли в 2007-2008 гг., к которым можно отнести:

- принятие нового Лесного кодекса РФ, означавшего реформу лесного хозяйства, включая изменение правил наделения лесопользователей сырьевой базой;

- введение с 2007 г. экспортных пошлин на необработанную древесину до 25%, а затем избирательное их снижение на некоторые виды пород²;

- внедрение федерального механизма приоритетных инвестиционных проектов в целях стимулирования инвестиций в развитие переработки древесины³.

Реформа лесного хозяйства началась с принятия нового Лесного кодекса РФ. Была разрушена централизованная трехзвенная структура органов управления лесным хозяйством, в том числе расформированы территориальные органы Федерального агентства лесного хозяйства и их низовые звенья лесхозы. Одновременно в субъектах Федерации были созданы региональные органы управления лесным хозяйством, которым федеральным центром были переданы полномочия по управлению лесами и предоставлены для этой цели субвенции. На базе расформированных лесхозов были созданы лесничества для управления лесопользованием, а лесохозяйственные функции были переданы в коммерческие структуры. Основная идея такого

¹ Дороги и техника обеспечивают результат. Более \$65 млн RFP Group вложил в лесозаготовки // Корпоративный вестник лесопромышленного холдинга RFP Group. 2012. Вып. 2.

² О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2006 г. № 795 в отношении отдельных видов лесоматериалов необработанных: постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 75.

³ О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов: постановление Правительства РФ от 30.06.2007 № 419.

нововведения – разделить хозяйственные и управленческие функции органов лесного хозяйства.

На Дальнем Востоке в результате реорганизации лесного хозяйства вместо 174 лесхозов было создано 126 лесничеств. Для выполнения лесохозяйственных работ на материальной базе старых лесхозов образовано 48 хозяйствующих структур с филиалами. Сокращение количества структур и сотрудников, осуществляющих лесной контроль и надзор, привело к росту проблем с незаконной заготовкой древесины в регионе, особенно в пограничных с Китаем территориях. Передача регионам федеральным центром своих полномочий по охране лесов, особенно в ситуациях с лесными пожарами, компенсировалась субсидиями не полностью и часто с опозданием, что было чревато потерей сырьевой базы¹.

Наделение лесопользователей лесными участками стало осуществляться только в форме аукционов по продаже права на заключение договора аренды лесного участка или договора купли-продажи лесных насаждений. Вытеснив практикуемую ранее форму передачи права пользования через конкурсы, аукционы привели к тому, что получать участки стали фирмы, не имеющие мощностей по заготовке древесины, с целью перепродать право пользования.

Возникшая нестабильность в правилах наделения лесопользователей сырьевой базой явилась причиной сбоев в заготовке древесины, что привело к уходу части мелких и средних предпринимателей из этой сферы, усугубленному последствиями экономического кризиса.

Повышение таможенного экспортного тарифа на необработанную древесину по сути означало перестройку национальной лесоэкспортной политики. Правительство РФ приняло решение о форсированном повышении таможенных пошлин на необработанную древесину до 80%, то есть запретительного уровня, что поставило лесозаготовителей в очень жесткие условия. Поспешность и радикальность вводимых изменений таможенных пошлин на необработанную древесину, а также игнорирование особенностей региональных лесных комплексов привели к отрицательным последствиям в их развитии, что было обусловлено изменением на внешних лесных рынках. Традиционные партнеры стали постепенно сокращать закупки российской древесины, начав активный поиск более стабильных источников древесины в Канаде и Новой Зеландии (подробнее в п. 3.4). В 2009 г. под влиянием внешнеполитических интересов России при вступлении ее в ВТО, а также

¹ Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.

мирового финансового кризиса, правительство заморозило таможенные пошлины на ставке 25%. Затем ставки таможенных пошлин на экспорт необработанной древесины некоторых пород были снижены в 2 раза в пределах тарифных квот – до 13% (ель) и 15% (сосна). Под эти экспортные квоты и, соответственно, льготные ставки попали лесоэкспортеры из северо-западных и сибирских регионов, поставляющие ель и сосну в страны Евросоюза и Китай. Это обеспечило им конкурентное преимущество перед дальневосточными лесоэкспортерами на китайском рынке.

Стимулирование развития деревопереработки выразилось в том, что инвесторам, чьи проекты включены в перечень приоритетных (стоимость проекта должна быть не менее 300 млн руб.), были предоставлены льготы: снижение на 50% ставки платы за лесные ресурсы и предоставление лесных участков в пользование без аукциона. Для стимулирования экспорта продукции переработки были временно отменены экспортные пошлины на основные ее виды (пиломатериалы, целлюлозу, древесно-стружечные плиты и отдельные виды бумаги и картона) и некоторые виды деревообрабатывающего оборудования, не имеющих аналогов в России. Эти меры лесопромышленной политики носили догоняющий характер по отношению к уже созданной ситуации запрета экспорта необработанной древесины, хотя они должны были ей предшествовать, чтобы лесная промышленность смогла достичь с наименьшими потерями цели структурной перестройки. Изменение правил лесопользования также внесло свою лепту в нарушение условий стабильности в деятельности лесного бизнеса.

Все три составляющих реформы лесного комплекса затем были сведены в один документ – «Стратегию развития лесного комплекса России» (от 31.10.2008 г.). Но этот документ по сути – лишь декларация о намерениях федерального правительства. В территориальном разделе стратегии продекларировано опережающее развитие производств по глубокой переработке древесины в лесоизбыточных регионах Сибири и Дальнего Востока путем строительства крупных лесоперерабатывающих комплексов, однако механизмы и инструменты не указаны.

На наш взгляд, коренной причиной таких нескоординированных институциональных изменений явилось то, что в отличие от многих стран, обладающих значительными лесными ресурсами, в России отсутствовал базовый документ, содержащий цели лесной политики и отражающие общее отношение государства к лесному комплексу.

В 2013 г. были приняты «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года», где по идее должны содержаться базовые

положения, определяющие позицию государства на длительный период по отношению к лесному комплексу, включая его территориальные составляющие. В нем в качестве составной части глобальной цели лесной политики указано «создание на государственном уровне условий, обеспечивающих устойчивое и динамичное развитие лесного сектора экономики»¹, намечено решить задачу повышения конкурентоспособности лесной промышленности, увеличения производства продукции с высокой добавленной стоимостью, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Но этот документ трудно считать выражением долгосрочной позиции государства в отношении использования его ресурсов, поскольку они рассчитаны только до 2030 г., т. е. всего на 27 лет, что в 2–3 раза короче по сравнению с оборотом рубки в лиственных лесах, и в 6–8 раз – чем в хвойных лесах².

В «Основах политики...» декларируется поддержка модернизации перерабатывающих предприятий и строительства новых на основе государственно-частного партнерства в создании инфраструктуры, создание условий для повышения доступности кредитных ресурсов, совершенствование механизмов выделения государственных субсидий и гарантий инвесторам для реализации проектов производства лесобумажной продукции с высокой добавленной стоимостью. Для превращения этой декларации в работающий механизм необходима конкретизация инструментов. В первой версии Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»³ содержался широкий набор мероприятий по улучшению инвестиционного климата в лесной отрасли на региональном уровне, включая разработку региональных программ строительства лесных дорог в привязке к реализуемым приоритетным инвестиционным проектам, финансирование инфраструктуры за счет федерального и регионального бюджетов, расширение видов и увеличение объемов субсидирования. Но уже в новую версию программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», получившей статус постановления правительства⁴,

¹ Об Основах государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р.

² Антонова Н.Е. Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. № 7. 2015. С. 16–34.

³ О государственной программе РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2539-р.

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328.

включено лишь перечисление видов субсидий для лесопромышленных предприятий, ранее уже утвержденных соответствующими нормативными актами.

Субсидирование касалось процентных ставок по кредитам, взятым на разные цели и в разные годы, но в основном на инвестиционное развитие лесного комплекса: в 2008–2011 гг. – на техническое перевооружение; в 2011–2014 гг. – на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; в 2012–2013 гг. – новых высокотехнологичных производств; в 2014–2016 гг. – новых комплексных инвестиционных проектов¹. Заметим, что дальневосточные предприятия как правило не участвуют в конкурсах на получение субсидий по кредитам на создание межсезонных запасов, так как предпочитают кредитоваться у своих зарубежных партнеров под поставку им продукции.

В 2014 г. было принято постановление правительства РФ, содержащее правила предоставления для дальневосточных лесопромышленных предприятий субсидий из федерального бюджета на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2016 гг. на реализацию инвестиционных проектов². Поддержка довольно серьезная, субсидии выделяются на компенсацию: лизинговых платежей при покупке оборудования, части процентной ставки по кредитам на цели реализации проектов, затрат на перевозку железнодорожным и водным транспортом древесины и готовой продукции внутри территории ДФО, компенсационные выплаты к заработной плате, в том числе за работу в особых климатических условиях. Причины принятия специального постановления для дальневосточных лесопромышленных предприятий связаны с ухудшением производственно-экономических показателей лесного комплекса ДФО в 2009–2015 гг., сокращением объемов производства и экспорта древесины. Действие постановления было продлено до 2018 г.³

Кроме отраслевых инструментов важную роль для лесного комплекса Дальнего Востока играют федеральные программы территориального разви-

¹ Антонова Н.Е. Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. № 7. 2015. С. 16–34.

² Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям Дальневосточного федерального округа, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2016 годах на реализацию таких проектов: постановление Правительства РФ от 5 декабря 2014 г. № 1319.

³ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2014 г. № 1319: постановление Правительства РФ от 22 июля 2017 г. № 866.

тия региона. До 2013 гг. на активизацию инвестиционных процессов в лесном комплексе были направлены федеральные программные документы регионального развития: ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Прописанный в Стратегии базовый сценарий развития дальневосточной территории опирался на использование ее конкурентных преимуществ, природно-ресурсного и транзитного потенциала, на устойчивое наращивание экспорта конкурентных видов продукции и модернизацию транспортной инфраструктуры¹. В отношении лесного комплекса стратегия предусматривала увеличение масштабов использования доступных лесных ресурсов в наиболее освоенной южной части Дальнего Востока, а также более глубокую переработку древесины. Но эти меры, применимые не только для Дальнего Востока, ранее уже были предусмотрены в отраслевых государственных программах.

Принятая в 2013 г. государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года» с подпрограммой «Развитие лесопромышленного комплекса Дальнего Востока и Байкальского региона»², просуществовавшая меньше года, оказалась непроработанным, эклектичным документом, как по содержащимся в ней инвестиционным проектам, так и по инструментам государственного регулирования лесного комплекса.

В 2014 г. в новой версии ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2018 года» – составной части новой государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года»³ – для лесного комплекса также не предусмотрено инструментов государственной поддержки. Исходя из анализа программ территориального развития, можно сделать вывод, что лесному комплексу Дальнего Востока в этих документах не отводится стратегической роли в экономике региона.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 № 2094-р.

² О Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года»: распоряжение Правительства Российской Федерации № 466-р от 29 марта 2013 г.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

С 2014 г. в рамках новой модели развития Дальнего Востока разработан ряд новых институциональных инструментов, прежде всего территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), зона Свободного порта Владивосток.

На май 2017 г. создано 16 ТОР в восьми дальневосточных субъектах Федерации, в которых в лесном комплексе действуют 3 резидента, в том числе два проекта в ТОР «Комсомольск» в рамках приоритетного инвестиционного проекта «Дальневосточный центр глубокой переработки древесины».

Сходный с ТОР по предлагаемой системе льгот еще один региональный институциональный механизм – Свободный порт Владивосток (СПВ) – также привлекателен для инвесторов, не смотря на отсутствие такой преференции как финансирование строительства объектов инфраструктуры за счет бюджетных средств. В качестве резидентов в нем зарегистрировали свои проекты пять резидентов, работающих в лесном комплексе¹. Привлекательным как в случае ТОР, так и СПВ для инвесторов являются льготы по налогу на имущество, страховые взносы, быстрый возврат НДС, так как это основные налоговые платежи реального сектора.

Таким образом, результативность предлагаемых государственных программных инструментов развития лесного комплекса Дальнего Востока можно оценить двояко: формально меры поддержки лесного комплекса разработаны и имеют правовую основу. Но при этом не конкретизированы механизмы конвертации нормативных разработок в реальные процедуры применения данных мер на практике, что не позволяет нейтрализовать имеющиеся риски, снижает заинтересованность хозяйствующих субъектов в инвестировании в проекты технологического развития лесного комплекса.

3.3. Динамика и проблемы промышленного использования лесных ресурсов Дальнего Востока

Исторически лесопользование Дальнего Востока всегда было в значительной степени ориентировано на вывоз лесопромышленной продукции из региона, что предопределялось ограниченностью внутрирегионального спроса. Переход к рыночной экономике привел к дальнейшему сокращению внутрирегионального спроса, а низкая доступность национальных рынков из-за транспортной ограниченности и низкой конкурентоспособности мест-

¹ Реестр резидентов свободного порта Владивосток. URL: <http://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения 01.12.2017).

ной древесины по сравнению с продукцией из Сибири способствовали все большей переориентации лесопользователей Дальнего Востока на конъюнктуру восточноазиатских рынков¹.

Территориальная структура лесных ресурсов ДФО и их использования отличается некоторой несбалансированностью: как сказано выше, основные ресурсы сосредоточены в северной части Дальнего Востока, в Республике Саха (Якутия), а основные центры их использования расположены в южной части региона, в Хабаровском и Приморском краях.

На Хабаровский и Приморский края, Амурскую область приходится до 90% лесопромышленной продукции и ее экспорта. В Амурской области исторически была развита промышленная лесозаготовка, а в Хабаровском и Приморском краях – и переработка. Поэтому, когда обсуждается лесопромышленная деятельность на Дальнем Востоке, то в первую очередь имеются в виду эти территории, в которых в основном происходит начавшееся десять лет назад активное инвестиционное развитие лесного комплекса ДФО (табл. 3.6.).

Таблица 3.6

Вклад территорий ДФО в производство необработанной древесины

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1. Производство необработанной древесины в ДФО, млн м ³	14,5	12,1	12,4	12,1	11,1	11,9	12,1
2. Доли территорий в лесопромышленном производстве ДФО, %	100	100	100	100	100	100	100
Хабаровский край	54,8	49,3	50,3	52,6	47,9	48,9	50,3
Приморский край	27,9	33,1	32,3	31,6	34,5	35,1	34,9
Республика Саха (Якутия)	3,9	7,6	7,4	6,4	8,4	7,1	5,6
Амурская область	8,1	6,4	6,4	5,0	4,4	3,9	4,7
Прочие	5,3	3,6	3,6	4,5	4,9	5,0	4,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / ФСГС. 2016.

Лидером остается Хабаровский край, обеспечивая половину выпуска продукции, еще треть приходится на Приморский край. Примерно равные позиции занимают Амурская область и Республика Саха (Якутия). Во мно-

¹ Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток ; Хабаровск : ДВО РАН, 2005; Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.

гом развитие лесопромышленного производства в Хабаровском и Приморском краях, Амурской области определяется приграничным расположением, в том числе близостью к Китаю. На эти три территории приходится практически 100% лесного экспорта ДФО (99,7% в 2016 г.), причем подавляющая часть продукции поступает в КНР.

Лесной комплекс в регионе представлен двумя отраслями – лесозаготовительной и деревоперерабатывающей; целлюлозно-бумажное производство практически отсутствует (кроме небольшого объема картона из макулатуры в Приморском крае).

Производство комплекса (в основном необработанная древесина) ориентирована в основном на экспорт из-за ограниченности внутреннего спроса. Однако постепенно активизируются процессы создания перерабатывающих производств под влиянием федеральной политики технологической модернизации лесного комплекса.

Начиная с 2000-х гг. для организационно-хозяйственной структуры дальневосточного лесного комплекса характерны существенные изменения: мелкие предприятия, во множестве образовавшиеся в 1990-е гг., стали вытесняться крупными компаниями, в том числе иностранными. Среди них российские компании «Тернейлес» и ее японский партнер «Сумитомо Корпорейшн», холдинг RFP Group, «Приморские лесопромышленники», «Аркаим», «Бизнес-Маркетинг» и ее канадско-китайский партнер Cathay Forest, малайзийская компания «Римбунан Хиджау». Первоначальной целью прихода крупных игроков на дальневосточный лесной рынок был захват сырьевой базы с различными целями, но в основном связанными с экспортом круглой древесины. Например, захват ресурсов с целью капитализации стоимости (RFP-Group), заход на территорию России с целью расширения рынка сырья, а также диверсификации деятельности в другие сырьевые отрасли (Римбунан Хиджау), диверсификация рынка сырья и полуфабрикатов (Cathay и Сумитомо)¹.

За исследуемый период лесной комплекс демонстрирует спад по основным показателям, который начался с 2009 г.

Поднятие экспортных пошлин на необработанную древесину до 25% стало основной причиной снижения лесозаготовок в целом по России и в ДФО, поскольку произошло сокращение экспорта древесины, которое не было компенсировано внутренним спросом. Ситуация усугубилась в 2009 г. в результате влияния мирового финансово-экономического кризиса и за 2010–2015 гг. оставалась стабильно неустойчивой (табл. 3.7).

¹ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.

Таблица 3.7

**Динамика индексов физических объемов производства
необработанной древесины, % к предыдущему году**

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015/ 2005
ДФО	100	83,3	102,5	97,6	91,7	107,2	101,7	83,5
Хабаровский край	100	75,1	103,3	101,6	84,1	109,4	105,2	76,8
Приморский край	100	98,8	100	95,0	100	110,5	100	104,6
Республика Саха (Якутия)	100	161,6	100,0	88,9	112,5	88,9	87,5	120,0
Амурская область	100	66,2	100,0	75,0	83,3	100	120	48,5

Источник: Регионы России Социально-экономические показатели. 2009. 2016 / ФСГС. 2016.

За 2005–2015 гг. производство необработанной древесины упало в ДФО на 16,5% – 14,5 до 12,1 млн м³, в том числе по основному производителю – Хабаровскому краю на 23%, а по Амурской области – на 51,5%.

Необходимость замещения необработанной древесины дала стимул для увеличения производства пиломатериалов – за 2005-2015 гг. на 37%, в том числе у основных производителей – в Хабаровском и Приморском краях – на 45 и 65%. Но поскольку изначально объем производства пиломатериалов в ДФО невысок, то даже такой значительный рост не позволил заместить выбывающий с рынка основной продукт – необработанную древесину.

Динамика производства пиломатериалов в рассматриваемый период была нестабильна – после резкого «скачка» в 2011 г. затем последовало падение показателей (*табл. 3.8*), что связано с неблагоприятной конъюнктурой на внешнем рынке на экспортоориентированную лесопромышленную продукцию ДФО.

Можно выделить два фактора, повлиявшие на рост производства пиломатериалов в регионе:

1) резкое увеличение количества мелких производств, основанных на изготовлении примитивных пиломатериалов невысокого качества на китайских пилорамах. Доля примитивных пиломатериалов составляет более 60%;

2) реализация новых инвестиционных проектов, в которых производство пиломатериалов является доминирующим.

Таблица 3.8

**Динамика индексов физических объемов производства пиломатериалов
в ДФО, в % к предыдущему году**

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015/ 2005
ДФО	100	107,1	135,8	106,7	88,0	99,1	101,3	137
Хабаровский край	100	101,8	144,5	113,9	89,2	95,8	101,5	145,2
Приморский край	100	123,3	140,9	98,3	70,7	117,2	116,6	164,9
Республика Саха (Якутия)	100	78,1	102,6	84,1	157,3	86,6	102,2	93,9
Амурская область	100	146,9	138,6	95,4	141,6	100,0	92,9	255,5

Источник: рассчитано по: Приморье в цифрах. 2014 / Приморскстат. Владивосток, 2015; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2013–2015 / ФСГС. 2016.

Отраслевые инструменты технологической перестройки лесного комплекса в виде механизма приоритетных проектов оказались достаточно действенными для начала реализации инвестиционных проектов в деревопереработке, но недостаточно стимулирующими для их завершения.

Из 120 инвестиционных проектов, включенных в общероссийский перечень приоритетных в области освоения лесов, с заявленным объемом финансирования в 370 млрд руб., на Дальний Восток приходится 15 заявленных к реализации с общим объемом в 37 млрд руб. (10% от российских инвестиций). Для них были привлечены средства Внешэкономбанка, «ВТБ», ПромСвязьБанка, Сбербанка, а также из зарубежных кредитных организаций.

Фактически реализовано и реализуется девять проектов: пять в Хабаровском крае, три в Приморском крае, один в Амурской области.

В Хабаровском крае в стадии *освоения* построенных мощностей находятся четыре производства:

- завод по производству высококачественных пиломатериалов и технологической щепы (ООО «Амур Форест», дочернее предприятие ОАО «Бизнес-маркетинг»), введен в 2009 г.;
- деревообрабатывающий комплекс по производству древесностружечных плит и пиломатериалов (ООО СП «Аркаим») (в 2010 г.);
- завод по производству древесноволокнистых плит МДФ (ООО «Римбунан Хиджау МДФ») (2011 г.);
- завод по производству лущеного шпона в рамках проекта «Создание Дальневосточного центра глубокой переработки древесины» (ОАО «Дальлеспром», входящий в группу компаний RFP Group) (2012 г.).

Хотя запуск мощностей уже осуществлён, но в реальности проекты либо не вышли на проектную мощность, либо введенные мощности стоят. ООО СП «Аркаим», построив мощнейший современный комплекс, испытывает недостаток сырья и объявлено в 2014 г. банкротом из-за сложного финансового состояния, связанного с трудностями выплаты кредитов, поэтому пока откладывается возобновление выпуска древесностружечных плит и увеличение производства пиломатериалов. Рассматривается вопрос о привлечении китайских инвестиций и создании на базе «Аркаима» российско-китайского холдинга. Создание холдинга позволит освоить новые формы глубокой переработки древесины – выпуск пробиотиков и антиоксидантов, но только на китайской стороне¹.

Малазийская компания «Римбунан Хиджау МДФ», создавшая производство высококачественных древесных плит МДФ, также остановила их выпуск в 2015 г. из-за низкой конкурентоспособности и высокой себестоимости продукции по сравнению с китайскими аналогами.

Производство лущеного шпона ОАО «Дальлеспром» (проектная мощность – 300 тыс. м³) составило в 2013 г. 37%, в 2014 г. – 31%, в 2015 г. 29%, в 2016 г. 53% от проектного выпуска. Основная причина – отсутствие у производителя долгосрочных контрактов на поставку шпона. При запуске производства ориентировались на японский рынок жилищного строительства, но договоренности не были подтверждены, так как еще с 2007 г. Япония сократила поставки российских лесоматериалов в 10 раз из-за введения пошлины на необработанную древесину.

В стадии *создания* мощностей в Хабаровском крае находятся:

– производство пиломатериалов в рамках проекта «Завод по производству древесноволокнистых плит МДФ» (ООО «Римбунан Хиджау МДФ»). Владелец завода надеется, что использование отходов лесопиления с вновь созданного производства позволит снизить затраты на сырье для плит;

– производство пиломатериалов, плит ДСП и технологической щепы в рамках второй очереди Дальневосточного центра глубокой переработки древесины (ОАО «Дальлеспром»);

– производство пиломатериалов, в том числе строганных профилированных, а также топливных гранул (ООО «Азия Лес», дочернее предприятие ОАО «Бизнес-маркетинг»);

¹ Китай и Россия заинтересованы в создании совместного предприятия на базе «Аркаима» / Правительство Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/147324> (дата обращения: 12.02.2016).

– производства по дополнительному выпуску пиломатериалов и топливных гранул (ООО «Амур Форест»).

Для более эффективного функционирования вновь создаваемых производств в Хабаровском крае планируется создать лесопромышленный кластер, который курирует Внешэкономбанк. Возможные инвестиции ВЭБ в проект составят около 40 млрд руб. В основе кластера будут три предприятия, упоминавшиеся выше участники приоритетных инвестиционных проектов – «Аркаим», предприятие RFP Group, «Азия-лес»¹.

В Приморском крае запущены заводы: лесопильный; по производству лущеного шпона (ОАО «Тернейлес»); по производству паркетной доски (ЗАО «Лес экспорт»). Еще один приоритетный инвестиционный проект по строительству двух лесопильных заводов и завода клееного бруса частично реализован ОАО «Приморские лесопромышленники».

В Амурской области из трех заявленных приоритетных инвестиционных проектов создан лишь один – ЗАО «Туранлес» запустило деревообрабатывающий завод «Восточный». Официально завершение проекта назначено на 2016 г., ограничивает работу предприятия нехватка лесосырьевых ресурсов.

На территории Сахалинской области реализуется один приоритетный инвестиционный проект «Комплексное деревообрабатывающее производство», который активно поддерживается региональной администрацией. Инициатор проекта – дочернее предприятие хабаровской компании «Бизнес-маркетинг». На Сахалине предполагается разместить лесопильно-деревообрабатывающее предприятие по производству пиломатериалов, элементов деревянного домостроения и пеллет².

Если проанализировать деятельность вновь созданных и создаваемых перерабатывающих предприятий, то можно сделать вывод о том, что инвесторы предпочитают проекты, не требующие значительных инвестиций и предполагающие быстрый срок окупаемости, о чем свидетельствуют реализуемые проекты, основанные на неглубокой переработке сырья и производстве полуфабрикатов – в основном пиломатериалов улучшенного качества. Проекты создания производств продукции с высокой добавленной стоимостью (целлюлозно-бумажное, плитное, лесохимическое производства) пока только декларируются, что соответствует общей тенденции, складывающейся

¹ Официальный сайт министерства экономического развития Хабаровского края // Новости. 2017. 7 марта. URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/1309> (дата обращения: 30.03.2017).

² Комплексное деревообрабатывающее производство на территории Сахалинской области. URL: <http://selection.forumvostok.ru/projects/82> (дата обращения: 09.09.2017).

ся в развитии переработки в России. Преодолеть эту тенденцию пока не получается, несмотря на наличие государственной поддержки развития перерабатывающего сегмента лесного комплекса на федеральном и региональном уровнях. Слишком велики имеющиеся риски, что снижает заинтересованность хозяйствующих субъектов в инвестировании в проекты глубокой переработки (табл. 3.9).

Таблица 3.9

**Инвестиционные риски, специфические для лесного комплекса
Дальнего Востока**

Группа рисков	Проявления риска
Институциональные	<ul style="list-style-type: none"> – непоследовательность правительства России в проведении лесоэкспортной политики: невыполнение решения о поднятии экспортных пошлин на необработанную древесину до запретительного уровня, а также избирательное снижение этих же пошлин для лесоэкспортеров европейской части страны, что тем самым дискриминирует интересы Дальнего Востока; – незавершенность нормативно-правовой работы по выделению защитных участков в эксплуатационных лесах, что характерно для некоторых многолесных районов Дальнего Востока. Нечетко выделенные и зафиксированные границы особо защитных участков лесов в арендуемых участках бывают причиной разногласий между лесопользователями и представителями «зеленых организаций» и местного населения
Инфраструктурные	<ul style="list-style-type: none"> – длительность сроков, сложность процедур в получении земельного участка и разрешения на строительство. Это усложняется, если земля находится в нераспределенной государственной собственности; – высокие затраты на перевозку грузов, что снижает конкурентоспособность отечественной продукции; – низкое предложение промышленных площадок с проработанными вопросами обеспечения транспортной, инженерной, энергетической инфраструктурой
Рыночные	<ul style="list-style-type: none"> – низкий спрос на продукцию на внутрирегиональном рынке, отсеченность дальневосточных производителей от национальных рынков экономическим расстоянием; – отсутствие наработанных ниш на внешних лесных рынках для реализации новых товаров российских производителей
Кадровые	<ul style="list-style-type: none"> – общий дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, а также дефицит квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров в отрасли; – ограничения системы квотирования иностранной рабочей силы
Финансово-экономические	<ul style="list-style-type: none"> – недостаток льгот для инвесторов по капитальным издержкам

Источник: составлено автором.

Базируясь на мнениях крупных дальневосточных лесопользователей об основных ограничениях в их деятельности и возможных путях снятия, можно выделить следующее¹:

1. Законодательство, регулирующее таможенные, производственные, налоговые аспекты в сфере лесопользования, не должно меняться быстрее, чем срок окупаемости проекта по созданию перерабатывающих предприятий.

2. Огромное число проверок на предприятиях должно быть сокращено. Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» снижено число плановых проверок, но положения закона не применяются при осуществлении ряда видов контроля – за иностранными инвестициями, налогового, таможенного, контроля за уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и др., проверки по которым производятся отдельно.

3. Отток молодежи из лесных поселков не позволяет обеспечить предприятия кадрами. Причины его – в том, что коммунальные услуги, стоимость товаров в поселках дороже, а заработная плата такая же, кроме того актуальной остается проблема отсутствия жилья. Северная надбавка к заработной плате перекладывается на лесопользователей. Чтобы удержать кадры, необходимо строить жилье для работников, в этом также должны участвовать помимо бизнеса, федеральный и региональные бюджеты.

4. Проблема строительства лесных дорог, в первую очередь магистральных для освоения отдаленных лесных массивов до сих пор не решена, хотя много говорилось о поиске механизма государственно-частного партнерства. Не прописан правовой механизм узаконивания уже имеющихся у лесопользователей дорог, что делает неопределенным права собственности на них.

5. Необходимо сделать пошлины равными для всех российских экспортеров древесины, чтобы обеспечить одинаковые условия конкурентоспособности продукции.

6. Для дальнейшего развития деревопереработки на Дальнем Востоке надо разобраться с уже начатыми проектами, помочь органам власти выйти им на окупаемость продукции, а потом уже инициировать новые.

¹ Антонова Н.Е. Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. 2015. № 7. С. 16–34.

3.4. Влияние внешнего спроса на лесной комплекс российского Дальнего Востока: современные тенденции, возможности инвестиционного сотрудничества

Для определения влияния внешнего спроса на лесной комплекс Дальнего Востока необходимо выявить тенденции, которые произошли на лесных мировых рынках за последнее десятилетие.

Тенденции мирового лесного рынка в 2007–2015 гг.

Мировой финансово-экономический кризис внес существенные коррективы в функционирование этих рынков, когда в 2008–2009 гг. из-за ипотечного кризиса в США и сокращения жилищного строительства упал спрос на изделия из древесины и, соответственно, на сырье – на 16% в 2009 г. по сравнению с 2007 г.¹ Затем вновь начался подъем мирового потребления необработанной древесины за счет увеличения внутреннего спроса на древесину в Китае. В целом за период с 2007 по 2015 гг. потребление необработанной древесины в мире выросло на 8,8% за счет роста спроса на лиственную древесину на 29,2%. Потребление хвойной древесины за этот период упало на 3,3% и составило в 2015 г. 1031,7 млн м³ (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Потребление и импорт необработанной древесины на крупнейших лесных рынках мира, млн м³

Показатель	2007			2015		
	хвойная	лиственная	всего	хвойная	лиственная	всего
Мировое потребление	1067,5	632	1700	1031,7	817	1848,7
Мировой импорт	88,5	50,5	139,0	79,4	44,0	129,2
Страны Европы	39,5	25,7	64,9	34,4	19,1	58,4
Страны СВА*	39,3	16,3	55,7	37,1	15,4	52,5

Примечание: * В страны СВА включены КНР, Япония, Республика Корея.

Источник: Ежегодник «Лесная продукция», 2007–2011. Серия Лесного хозяйства ФАО № 46, Серия Статистики ФАО № 202; Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017. 358 с. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

¹ Ежегодник «Лесная продукция», 2007–2011. Серия Лесного хозяйства ФАО № 46, Серия Статистики ФАО № 202; Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017. 358 с. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

Рост потребления был обеспечен в основном за счет собственного производства древесины в странах, которое выросло за 2007–2015 гг. на 10,9% (до 1847,7 млн м³) опять же за счет роста производства лиственной древесины на 28,8%. Производство хвойной древесины в мире упало на 2,6%, и во многом на это повлияло сокращение производства древесины Россией как одним из крупнейших мировых производителей.

Импорт, составляя незначительную часть в обеспечении потребления необработанной древесины, снизил свою долю за этот период – с 8,1% в 2007 до 7% в 2015 г. от общего потребления. Исходя из географического распределения крупнейших импортеров необработанной древесины, можно сделать вывод, что восточноазиатский и европейский рынки являются главными рынками древесины, сохраняя в совокупности свою долю на уровне 86–87%. За 2007–2015 гг. сократились доля (на 1,3%) и размер (на 13%) европейского рынка хвойной древесины, в основном за счет уменьшения Финляндией объемов импорта этого товара после введения Россией новой тарифной политики. Рынок хвойной древесины США также снизил свои размеры на 5,6%, нарастив при этом немного свою долю (на 2,3%), главным образом за счет китайских импортеров. Импорт лиственной древесины снизился в объеме на 13%, причем наибольшее падение – на четверть – было на европейском рынке.

Наиболее важным рынком для Дальнего Востока является рынок США. Поэтому остановимся более подробно на нем, где основными игроками являются КНР, Япония, Республика Корея. Относящиеся к региону США Монголия и КНДР практически никак не влияют на показатели лесного рынка США, поэтому при анализе рынка они не рассматривались.

Если сравнивать 2007 и 2015 гг., то можно отметить общую тенденцию роста данного рынка по основным видам продукции, не смотря на неустойчивость рынка в 2008–2013 гг. из-за мирового финансового кризиса (табл. 3.11).

Особенно заметен рост производства пиломатериалов, составивший почти 2 раза, тем не менее, удовлетворить возросшее в 2,1 раза потребление оно было не способно, поэтому дополнялось импортом, увеличение которого было не столь существенно. За исследуемый период произошла смена ролей в удовлетворении спроса между производством и импортом в пользу последнего. Импорт целлюлозы вырос даже более быстрыми темпами, чем ее потребление – 1,6 раза и 1,4 раза, соответственно.

Рост спроса на необработанную древесину был медленнее, чем ее производство, что явилось причиной сокращения импорта древесины. При этом импорт хвойной древесины немного вырос, спад произошел по лиственной древесине.

Таблица 3.11

**Сравнение основных показателей рынка
лесопрмышленной продукции в Северо-Восточной Азии в 2007 и 2015 г., %**

Показатель	Необработанная древесина, млн м ³		Пиломатериалы, млн м ³		Целлюлоза, млн т	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Потребление	166,8	244,4	59,3	121,5	31,4	43,6
Производство	111,3	192,7	44,2	86,3	17,7	19,5
Импорт	53,3	52,4	27,7	38,1	13,9	22,7

Источники: рассчитано по: Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2017. 358 с.; The Yearbook of Forest Products. 2003–2007. FAO Forestry Series No. 42 FAO Statistics Series No. 196. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2009. 344 р. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

В целом импорт лесных товаров в страны СВА вырос за 2007–2015 гг. в 1,4 раза – с 58,7 до 42,5 млрд долл.

На лесном рынке СВА основным потребителем в эти годы остается Китай, нарастивший свои позиции по производству и потреблению основных видов лесных товаров (рис. 3.2).

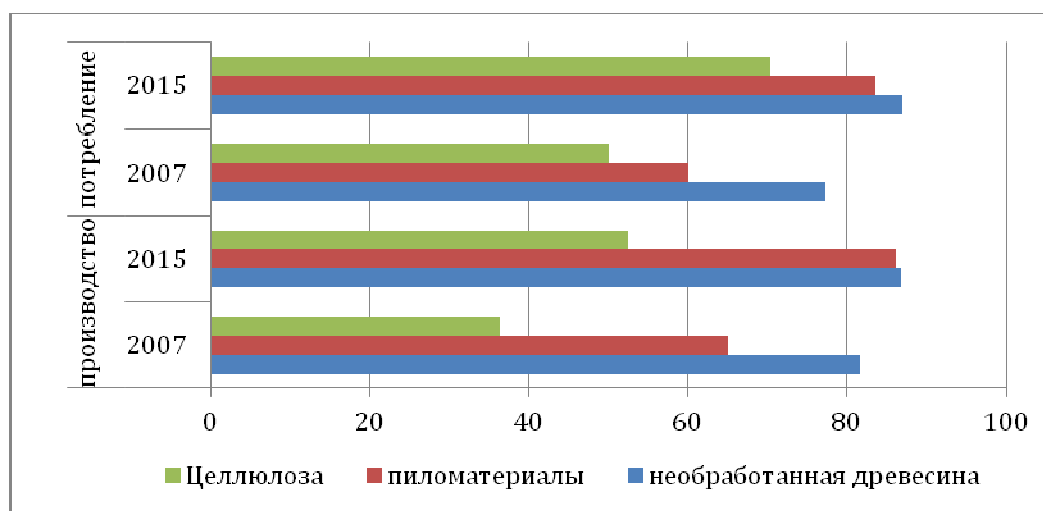

Рис. 3.2. Изменение доли Китая в производстве и потреблении основных видов лесопрмышленной продукции на рынке СВА в 2007 и 2015 гг., %

Источники: рассчитано по: Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2017. 358 с.; The Yearbook of Forest Products. 2003–2007. FAO Forestry Series No. 42 FAO Statistics Series No. 196. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2009. 344 р. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

Китай производит тропическую плантационную древесину в промышленных масштабах в провинциях Юннань и Хайнань (4,3 млн м³ ежегодно). За счет увеличения ресурсов плантационной древесины ее доля в обеспечении потребностей существенно выросла, особенно за счет плантаций каучукового дерева, используемого в мебельной промышленности¹.

В 2014–2015 гг. отрасль деревопереработки Китая столкнулась с ростом стоимости рабочей силы и производственных издержек, и чтобы сохранить конкурентоспособность в отрасли осуществляется перевооружение с целью повысить производительность труда.

В импорте лесопромышленной продукции Китай также упрочил свои лидерские позиции в целом и по отдельным видам товаров (рис. 3.3).

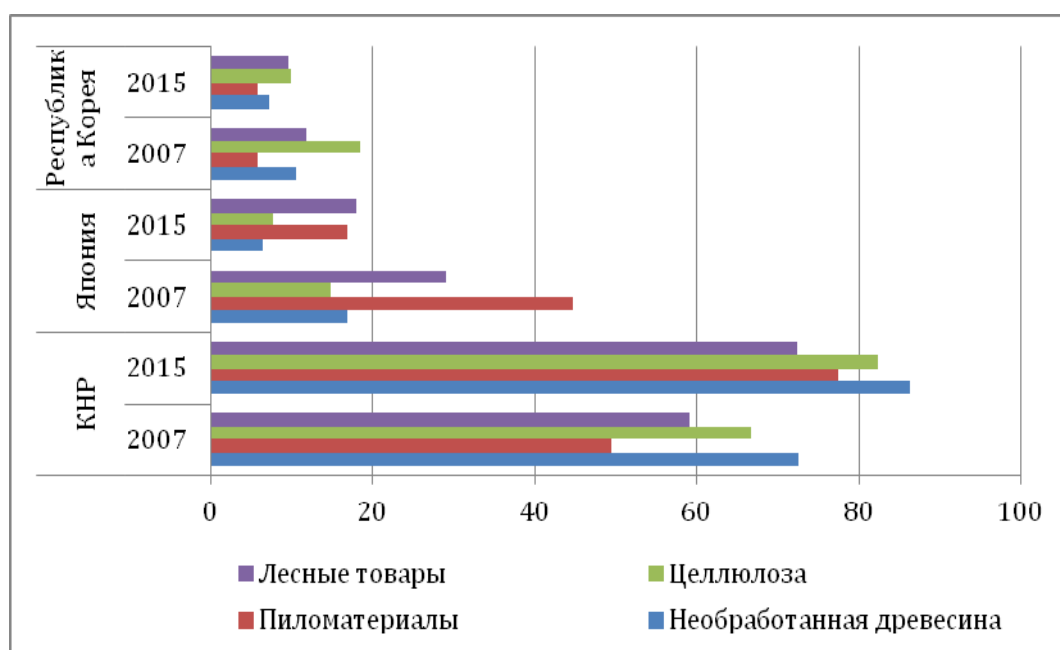

Рис. 3.3. Доля КНР, Японии и Республики Корея на лесном рынке США в 2007 и 2015 гг., %

Источник: рассчитано по: Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2017. 358 с.; The Yearbook of Forest Products. 2003-2007. FAO Forestry Series No. 42 FAO Statistics Series No. 196. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome. 2009. 344 p. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 10.09.2017).

¹ Biennial Review and Assessment of the World Timber Situation 2013–2014. International Tropical Timber Organization. URL: http://www.itto.int/annual_review/ (дата обращения: 10.09.2017).

Особенно заметный рост был по пиломатериалам, где доля КНР увеличилась на 28 процентных пункта. Китай также является крупнейшим импортером тропической древесины (59% от общего ее объема импорта в 2015 г. и 63% в 2016 г.), основными поставщиками которой являются Папуа Новая Гвинея и Соломоновы острова. Китай снизил объемы импорта тропической древесины в 2015 и 2016 г. по сравнению с 2014 гг., когда агрессивные меры китайского правительства по стимулированию внутреннего спроса и экспорта способствовали стабилизации китайского рынка продукции деревопереработки, что сохранило спрос на импортируемую древесину¹. Падение импорта Китаем тропической древесины в 2015 и 2016 гг. происходило на фоне общего роста объемов импорта, который составил 41,5 млн м³ в 2016 г. за счет древесины из бореальных лесов.

Япония за эти годы заметно сдала свои позиции по импорту пиломатериалов и необработанной древесины. В Японии за эти годы произошло падение потребления древесины на 10%, при том что страна нарастила собственное производство древесины в 1,2 раза. В фанерной промышленности страны постепенно растет доля сырья из отечественной древесины, получаемой в лесах, которые были посажены в 1950–1960 гг. и в настоящее время достигли возраста спелости². За 2002–2014 гг. доля сырья в производстве продукции изменилась с 18,8 до 31,2%, построено 20 новых крупных заводов по производству пиломатериалов, фанеры.

При общем падении потребления древесины в Японии тем не менее происходит рост ее потребления в строительстве, особенно в связи с подготовкой объектов к Олимпийским играм 2020 г., где древесину используют в контексте «японской культуры использования дерева».

Республика Корея также нарастила собственное производство древесины, доля которого увеличилось с 25 до 55% от объема ее потребления, снизившегося в 2015 г. по сравнению с 2007 на 28%. Также произошло сокращение потребления целлюлозы на 10%, что вызвало падение ее импорта, так как страна практически 85% целлюлозы импортирует.

Тенденции в импорте в странах СВА непосредственно повлияли на показатели деятельности российских лесопромышленников, привязанных к

¹ Biennial Review and Assessment of the World Timber Situation 2013-2014. International Tropical Timber Organization. URL: http://www.itto.int/annual_review/ (дата обращения: 10.09.2017).

² Annual Report on Forest and Forestry in Japan. Fiscal Year 2015. (Summary). Forestry Agency of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries/ Japan. 2015. P. 4. URL: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/index.html#Annual> (дата обращения: август 2017).

рынку США. Но и изменения в таможенном регулировании российского лесного экспорта также повлияли на рынок США. Частичное поднятие экспортных пошлин в России в 2007-2008 гг. (до 25%) привело к изменению структуры поставщиков на восточноазиатском лесном рынке в пользу США, Канады, Новой Зеландии. В дальнейшем российское правительство избирательно снизило экспортные пошлины: в 2012 г. ставки таможенных пошлин на экспорт лесоматериалов некоторых пород были снижены вдвое – до 13% (ель) и 15% (сосна) – в пределах тарифных квот, которые были сравнимы с объемом российского лесного экспорта. В основном это была уступка странам Евросоюза при вступлении России в ВТО. Избирательное снижение пошлин на отдельные породы, произрастающие в европейской части страны и частично в Сибири, дискриминировало интересы лесозэкспортеров Дальнего Востока, где основной экспортируемой породой является лиственница, ставка по которой осталась на уровне 25%, что создало нестабильные условия в торговле лесопромышленной продукцией. По данным Японской ассоциации импортеров, объем поставок древесины лиственницы в эту страну упал с 2007 по 2013 гг. в 31 раз.

В этот же период начались негативные тенденции снижения цен на лесопромышленную продукцию на внешних рынках, что было связано мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. В 2014 г. было некоторое оживление цен, но в 2015 г. среднегодовая цена на необработанную древесину опустилась уровню цен 2012 г. В США ситуация изменилась лишь в 2016 г., когда средние цены на импортируемые пиломатериалы в Китае увеличились на 6%, до 160–180 долл. за кубометр¹.

Сравнение показателей доли России на рынках США в 2007 и 2015 гг. (табл. 3.12) позволяет сделать ряд выводов.

1. На основном рынке, где Россия доминировала долгое время – необработанные лесоматериалы хвойных пород – она потеряла свои позиции, сократив свою долю в Японии почти в 6 раз, Китае более чем в 3 раза и в Республике Корея почти в 2,5 раза. Вытеснившие ее конкуренты на всех рынках одни и те же – Новая Зеландия, США, Канада. Новая Зеландия увеличила свое присутствие на рынке Китая в более чем в 5 раз – с 7 до 38%. США и Канада, практически игнорировавшие рынок Китая в 2007 г., после ипотечного кризиса в США, обвалившего спрос на продукцию из древесины, развернули свои потоки на рынки Северо-Восточной Азии: доля США составила 15, Канады – 10%.

¹ Новости. Обзор СМИ // POLPRED.ru. 2017. Январь.

Таблица 3.12

**Доля России в поставках лесопромышленной продукции
на основных рынках
Северо-Восточной Азии в 2007 и 2015 г., %**

Товарная группа	КНР		Япония		Республика Корея	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Необработанная хвойная древесина	90	28	51	9	17	7
Необработанная лиственная древесина	7	17	7	1	2	3
Пиломатериалы хвойные	45	43	18	16	29	24
Пиломатериалы лиственные	6	8	2	1	1	1
Шпон	0	10	0	75	0	13
Целлюлоза	11	7	0	2	2	7
Лесные товары	13	7	6	4	3	4

Источники: Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.; Ежегодник «Лесная продукция», 2015. FAO Statistic. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017. 358 с. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80570/ru/> (дата обращения: 01.09.2017); Forestry Trade Flows. FAOSTAT. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FT> (дата обращения: 01.09.2017).

На рынке древесины лиственных пород СВА произошло увеличение доли России почти в 2,5 раза в Китае, на 1% рост доли на рынке Республики Корея. Выявились значительное сокращение российской доли в Японии – и без того небольшая доля сократилась в 7 раз. Не смотря на то, что на этом рынке в СВА всегда преобладала тропическая лиственная древесина (основными поставщиками которой являются Папуа Новой Гвинея, Малайзия, Соломоновы острова), России удалось укрепить свои позиции на самом крупном – китайском рынке.

2. Сохраняется лидерство России на рынке хвойных пиломатериалов в Китае, не смотря на небольшое сокращение (на 2%). За 2007–2015 гг. вплотную к России приблизилась Канада, увеличив свою долю в 2,3 раза. Канада сохраняет свое лидерство на рынке хвойных пиломатериалов Японии, где Россия сохраняет свое присутствие, лишь немного снизив свою долю (на 2% по сравнению с 2007 г.). Сохраняется ниша на рынке Кореи, хотя и не такая значимая как китайская.

3. Увеличились российские поставки в Японию продукции деревообработки – шпона, где Россия является безусловным лидером, а также значительно выросла российская доля по шпону в Китае и Корею. Это объясняется

тем, другие страны предпочитают экспортировать готовый продукт – фанеру, в то время как шпон является полуфабрикатом, который менее выгодно поставлять. К тому же Япония и Китай сами являются крупнейшими производителями фанеры и не собираются пускать на свой рынок фанеры конкурентов.

4. Россия снизила свою долю на китайском рынке целлюлозы, при этом увеличила долю поставок целлюлозы в Республику Корея и Японию. Главными конкурентами России на этих рынках являются Канада, Бразилия, США, Индонезия и Чили.

5. В целом импорт лесных товаров из России сократился в КНР и Японии и увеличился в Республике Корея.

Значимую роль в тенденциях с движением российских лесных товаров на рынках СВА играл и играет лесной комплекс Дальнего Востока. В регионе только за 2007–2009 гг. экспорт физических объемов древесины во все страны сократился на 45% (рис. 3.4). Как следствие, произошел спад по объемам производства необработанной древесины – основному показателю, обеспечивающему благосостояние предприятий лесного комплекса Дальнего Востока – на 32% за 2007–2009 гг. После 2009 г. произошло дальнейшее существенное сокращение объемов экспорта дальневосточной необработанной древесины и падение экспортных цен на нее и пиломатериалы, что привело к потере лесопромышленниками региона валютной выручки на 30% за 10 лет.

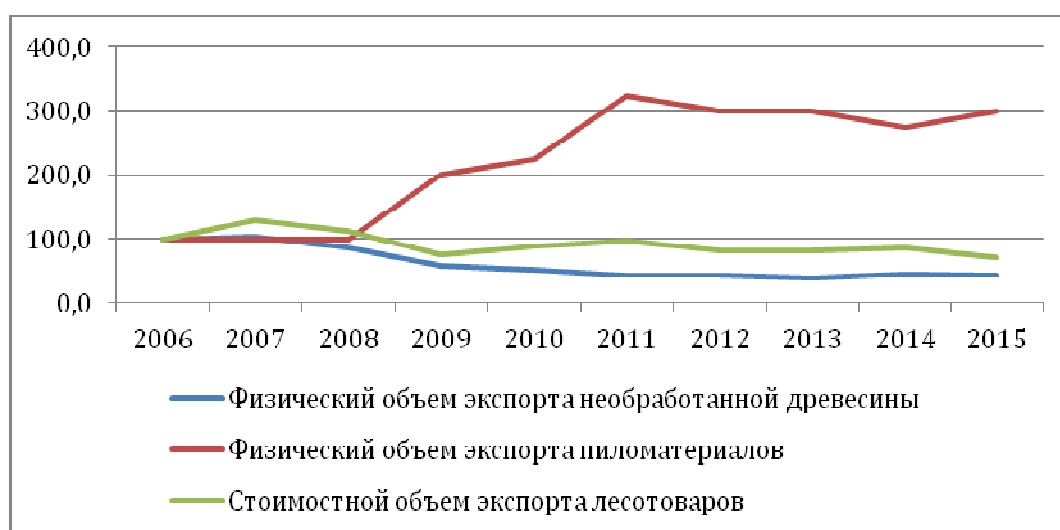

Рис. 3.4. Динамика физического и стоимостного объема экспорта продукции лесного комплекса ДФО, % к 2006 г.

Источник: Антонова Н.Е., Волков Л.В., Сухомиров Г.И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 110–137.

Причиной стали именно институциональные изменения, к которым позже присоединилось влияние мирового кризиса. Соответственно, снизились поступления в бюджеты территорий. С этого времени лесной комплекс Дальнего Востока стал скатываться в глубокий кризис, что негативно повлияло на реализацию инвестиционных проектов в деревообработке (см. п. 3.3).

*Инвестиционные намерения Китая в лесном комплексе
Дальнего Востока*

Китай остается главным торговым партнером для лесного комплекса Дальнего Востока. Однако торговля лишь сырьем и полуфабрикатами является слишком узкой сферой международного сотрудничества двух крупных соседних государств. Это понимание существует на государственном уровне, поэтому предпринимаются попытки поиска различных форм сотрудничества. Еще в 2005 г. премьер-министры КНР и РФ подписали документ об усилении сотрудничества в лесном хозяйстве, включая переработку древесины. В последующие годы эта сфера не раз затрагивалась в переговорных российско-китайских процессах. Можно ожидать, что китайское руководство будет стремиться стимулировать бизнес вкладывать инвестиции в комплексное освоение российских лесных ресурсов, о чем свидетельствуют приоритеты китайского руководства в отношении российских лесных ресурсов¹:

1. Переход от эксплуатации круглого леса к комплексному использованию, включая заготовку, транспортировку и переработку, тушение лесных пожаров.
2. Поощрение крупных предприятий вкладывать инвестиции в Россию.
3. Развитие глубокой переработки, производство пиломатериалов, фанеры, плитных материалов, мебели, целлюлозы.

Серьезность намерений китайской стороны в реализации сотрудничества с Россией в сфере лесопользования обусловлена активизацией лесоохранной политики в КНР с конца 1990-х гг., вызванной как экологическими проблемами в результате обезлесения территории, серьезных наводнений из-за обезлесения территорий, так и активным участием страны в международных программах экологического характера. Правительственная политика была направлена на оздоровление лесоресурсной базы Китая, включая запрет или сокращение производства в естественных лесах, создание быстро-

¹ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. № 6. 2014. С. 40–55.

растущих плантаций и поддержку преобразования пахотных угодий в леса и пастбища.

Начавшаяся в 1998 г. Программа охраны естественных лесов (Natural Forest Protection Program) вступила в 2011 г. в свою вторую фазу (2011–2020 гг.), на которую правительство КНР выделило 219,5 млрд юаней (34,8 млрд долл.)¹. В 2011 г. в Китае было высажено 6,1 млн га насаждений, что увеличило площадь лесов приблизительно до 200 млн га, к 2015 г. она увеличилась до 207 млн га.

В 2016 г. Китай вышел на лидирующие позиции в мире по темпам роста объема лесных ресурсов и развитию лесного хозяйства. С 1990 по 2015 гг. площадь лесных массивов выросла на 746 тыс. км², в то время как аналогичный мировой показатель сократился².

Отдельное внимание уделяется лесовосстановлению в северо-восточных районах страны. Центральным правительством был принят «План охраны экологии и трансформации способа экономического роста районов Большого (Дасинъаньлин) и Малого Хингана (Сяосинъаньлин)», в котором намечено сократить объемы рубки древесины в Северо-Восточном Китае с 8,2 до 3,1 млн м³ в год с компенсацией этих объемов за счет реализации совместных с Россией лесных проектов³.

Результаты политики восстановления лесов позволили увеличить квоты на собственную заготовку древесины в Китае на 2011–2015 гг. на 9% или на 23 млн м³ (табл. 3.13).

Тем не менее, импорт сырья и полуфабрикатов пока что остается для Китая незаменимым источником. Поэтому установка на сотрудничество с Россией в лесной сфере также остается в приоритете. Положительный момент – направленность процесса начала постепенно меняться, китайские деньги пошли в более серьезную переработку на Дальнем Востоке, чем продукция с простейших пилорам. Хотя процесс очень не быстрый.

¹ Solid Wood Annual 2012. GAIN Report Number: CH12045. Global Agricultural Information Network. 2012. URL: <http://gain.fas.usda.gov> (дата обращения: апрель 2016).

² Новости. Обзор СМИ // POLPRED.ru. 2017. Декабрь

³ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.

**Динамика квот на вырубку древесины в КНР
по видам лесов**

Показатель	На 2006– 2011, млн м ³	На 2011– 2015, млн м ³	Изме- нение, %
Всего к вырубке	248,1	271,1	9
в том числе квоты:			
1. по типам лесов			
для коммерческого использования	157,7	218,4	38
для общественной пользы*	90,4	52,7	–42
2. по происхождению лесов			
естественные леса	91,2	82,8	–9
плантации	156,9	188,3	20
из них леса с коротким оборотом рубки	54,2	77,1	42

Источник: Solid Wood Annual 2012. GAIN Report Number: CH12045. Global Agricultural Information Network. 2012. URL: <http://gain.fas.usda.gov> (дата обращения: апрель 2016).

Уже есть примеры инвестиционного участия китайского бизнеса в реализации проектов по деревопереработке. Например, упоминавшаяся выше компания RFP Group реализует г. Амурске (Хабаровский край) проект «Дальневосточный центр глубокой переработки древесины», включающий создание заводов по производству лущеного шпона, пиломатериалов и древесно-стружечных плит. В последующем планируется построить целлюлозно-бумажное производство. Одним из инструментов реализации проекта является использование средств Российско-китайского инвестиционного фонда (РКИФ) путем его вхождения в акционерный капитал RFP Group. Этот фонд создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation (CIC). В 2013 г. в рамках РКИФ за 110 млн долл. была приобретена доля в RFP Group. Привлечение CIC в проект RFP Group превращается в реальную форму нового инвестиционного сотрудничества – оно гарантирует сбыт и возможные преференции по сравнению с другими поставщиками на китайский рынок¹.

Участие государства в деятельности компании RFP Group привлекает крупных китайских инвесторов. China Paper Corporation готова вложить свыше одного миллиарда долларов в строительство ЦБК в г. Амурске по

¹ Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.

выпуску 500 тыс. т целлюлозы¹. Площадка в г. Амурске привлекает внимание китайских инвесторов близостью к границам КНР, значительными запасами лесных ресурсов, наличием транспортной и производственной инфраструктуры. Однако создание целлюлозно-бумажного производства на Дальнем Востоке влечет за собой слишком много рисков, особенно в экологической сфере, поэтому здесь необходимо тщательно взвесить все плюсы и минусы.

Рассматривается вопрос о привлечении китайских инвестиций и создании на базе ООО СП «Аркаим» (Хабаровский край) российско-китайского холдинга. Создание холдинга позволит освоить новые формы глубокой переработки древесины – выпуск пробиотиков и антиоксидантов, но только на китайской стороне². Есть надежда, что использование китайского капитала будет способствовать «реанимации» «Аркаима», который, построив мощнейший современный комплекс, находится в состоянии банкротства из-за сложного финансового состояния.

Появившийся на Дальнем Востоке новый инструмент привлечения инвесторов – территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) – заинтересовали китайских инвесторов. В ЕАО в рамках ТОР «Амуро-Хинганская» планируется создание промпарка «Амурлес», куда китайские инвесторы готовы сделать крупные вложения с целью диверсифицировать свою деятельность. ООО «Амурпром» готово инвестировать 7 млрд руб. на создание производств по переработке древесины, а также сои и ремонту сельхозтехники³.

На наш взгляд, сотрудничество дальневосточных и китайских лесопользователей должно быть нацелено на выстраивание цепочек добавленной стоимости – от заготовки до глубокой переработки древесины. С помощью китайских партнеров дальневосточным предприятиям со своей продукцией надо встраиваться в те ниши на глобальных лесных рынках.

¹ China Paper Corporation готова инвестировать свыше \$1 миллиарда в возобновление работы Амурского ЦБК. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2289342 (дата обращения: 31.08.2017).

² Китай и Россия заинтересованы в создании совместного предприятия на базе «Аркаима» / Правительство Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/147324> (дата обращения: 12.02.2016).

³ Автономия вТОРила // Коммерсантъ. 2015. 21 июля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2772237> (дата обращения: 12.02.2016).

Кроме того, нужна работа на опережение – создание стабильной институциональной среды, в том числе в таможенном регулировании, для ведения капиталоемкого бизнеса в высокорисковой сфере деятельности, к которой относится лесной комплекс.

ГЛАВА 4. Сельское хозяйство

Сельское хозяйство как отрасль экономики имеет следующие основные особенности: 1. Экономический процесс воспроизводства переплетается с естественным процессом роста и развития живых организмов, развивающихся на основе биологических законов. 2. Циклический процесс естественного роста и развития растений и животных обусловил сезонность сельскохозяйственного труда. 3. В отличие от промышленности технологический процесс в сельском хозяйстве тесно связан с природой, где земля выступает в роли главного средства производства.

4.1. Природные ресурсы сельского хозяйства

Сельское хозяйство в ДФО сформировалось и функционирует в сложных природно-климатических и экономических условиях, обусловленных географическим положением в северо-восточной части Азии с выходом к Северному Ледовитому и Тихому океанам, огромной, преимущественно горной территорией, особенностью климата и почв, удаленностью от промышленных центров и сельскохозяйственных районов России и границей с интенсивно развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Здесь сельское хозяйство развивается в условиях рискованного земледелия. Равнины, которые наиболее благоприятны для жизни и хозяйственной деятельности человека, занимают лишь 23% территории округа. Важнейшие из них: Зейско-Бурейская, Среднеамурская, Приханкайская и Центрально-Якутская. Преобладающая часть территории округа (83%) находится в зоне многолетней и вечной мерзлоты, где выращивание зерновых и большинства видов овощных культур в открытом грунте невозможно или резко ограничено. Среднегодовая температура воздуха изменяется в январе от минус 8–17 градусов на юге Сахалина до минус 38–50 на севере Республики Саха (Якутия), а в июле от плюс 3–6 градусов на севере Магаданской области до плюс 15–21 на юге Приморья. При этом вегетационный период продолжается от 5–100 дней на севере Республики Саха (Якутия) до 125–200 дней на юге Приморья. Большая разница по регионам округа и в количестве осадков – от 140–290 мм на севере Республики Саха (Якутия) до 700–1180 мм на юге Сахалина (*табл. 4.1*).

Южные районы ДФО находятся в зоне муссонного климата, зима холодная и относительно сухая, а весна продолжительная и прохладная. Лето жаркое с выпадением 65–75% осадков. Осень теплая и продолжительная. В Приморье и в южных районах Приамурья, где в период вегетации сумма температур не менее 2000 градусов, возделываются многие сельскохозяйственные культуры, включая теплолюбивые: соя, рис, кукуруза, томаты, баклажаны, перец и виноград.

Таблица 4.1

Тепло- и влагообеспеченность отдельных районов ДФО

Территория	Среднегодовая температура воздуха, С		Среднегодовые осадки, мм	Вегетативный период, дни
	январь	июль		
Республика Саха (Якутия)				
северная часть	–38...–50	11...15	140...290	50...100
центральная часть	–38...–43	18...19	190...235	100...130
южная часть	–28...–34	17...19	240...510	100...130
Камчатский край				
полуостровная часть	–11...–25	12...16	600...1100	80...130
Корякский АО	–24...–30	10...14	300...700	80...90
Приморский край				
северная часть	–13...–30	14...21	690...1170	105...175
южная часть	–10...–21	15-21	530...1050	125...200
Хабаровский край				
северная часть	–19...–40	10...18	380...920	60...125
центральная часть	–18...–34	12...19	475...980	90...130
южная часть	–14...–28	14...21	635...1020	120...160
Амурская область				
северная часть	–28...–34	16...19	300...830	85...120
южная часть	–24...–31	18...21	450...750	115...160
Магаданская область				
северная часть	–24...–28	3...6	200...300	80...90
центральная часть	–38...–48	14...16	200...350	80...90
Приохотье	–19...–23	12...13	200...500	90...100
Сахалинская область				
север о-ва Сахалин	–17...–25	9...15	670...1115	85...140
юг о-ва Сахалин	–8...–17	9...16	700...1180	90...150
Курильские острова	–6...–7	9...17	600...1200	110...180
ЕАО	–21...–26	18...21	500...800	150...170
ЧАО	–11...–34	5...14	200...400	80...100

Источник: Справочник по климату СССР. Л., 1958.

В западных районах Амурской и Магаданской областей и в Республике Саха (Якутия) климат резко континентальный с коротким и относительно теплым летом. Здесь выращивают ранние зерновые, картофель, холодостойкие овощные и кормовые культуры. В ряде северных районов на низкопродуктивных пастбищах развивается оленеводство, а в Республике Саха (Якутия) на некоторых угодьях и табунное коневодство. Климат Камчатки и Сахалина характеризуется круглогодичной высокой влажностью воздуха, прохладным летом и относительно мягкой зимой. Здесь возделываются картофель, холодостойкие овощи и кормовые травы.

Площадь ДФО составляет 616932,9 тыс. га (36,1% от территории РФ), а его население – 6195,0 тыс. человек (4,2% населения РФ), в том числе – 1513,4 тыс. человек сельского (4,0%). Доля ДФО в РФ составляет по площади сельскохозяйственных угодий – 3,6%, пашни – 2,3% (табл. 4.2), залежей – 8,8%, многолетним насаждениям – 4,0% и кормовым угодьям – 5,2%.

Таблица 4.2

Площадь сельскохозяйственных угодий ДФО, тыс. га

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2013*	2014*
Сельскохозяйственные угодья, всего								
ДФО	6649	6129	4623	4375	4355	4909	8013	8013
Республика Саха (Якутия)	1541	1245	904	801	743	856	1640	1640
Камчатский край	133	138	118	107	101	103	476	476
Приморский край	1226	1414	1076	1124	1137	1234	1648	1648
Хабаровский край	387	400	279	256	223	239	665	665
Амурская область	2546	2320	1869	1767	1838	2114	2734	2734
Магаданская область	120	109	87	50	27	38	121	121
Сахалинская область	123	130	100	84	70	80	183	183
ЕАО	365	365	183	179	208	238	537	537
ЧАО	8	8	7	7	7	7	9	9
в том числе пашни								
ДФО	3192	2890	2287	2181	2210	2519	2741	2757
Республика Саха (Якутия)	143	123	101	94	85	104	105	105
Камчатский край	69	66	60	53	52	64	64	64
Приморский край	791	780	636	659	664	670	751	752
Хабаровский край	131	120	105	93	86	97	98	98

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2013*	2014*
Амурская область	1816	1590	1238	1127	1191	1430	1554	1568
Магаданская область	36	30	23	15	13	24	24	24
Сахалинская область	50	51	45	42	35	36	51	51
ЕАО	156	130	79	98	84	94	94	95
ЧАО	0,1	0,1	0,1	0,1	–	–	0,1	0,1

Примечание. * Включая земли личного пользования.

Источники: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.; Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2014 году / Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2015.

Площадь сельскохозяйственных угодий ДФО под влиянием неблагоприятных экономических условий, сокращения сельского населения и разрушения производственного потенциала в 2011 г. по сравнению с 1990 г. уменьшилась на 26,2%, а пашни на 21,1% (без учета земель личного пользования). При этом в 2011 г. посевами в округе было занято 58% используемой пашни, в том числе в Амурской области 59%, Приморском крае – 50, Республике Саха (Якутия) – 42 и Магаданской области – 19%. В целом по южным регионам посевами было занято 60%, а по северным – 43% пашни. Естественные кормовые угодья округа использовались на 60%¹. Неиспользуемые земли, в том числе часть ранее мелиоративных земель зарастают сорной растительностью, кустарниками и деревьями.

Обеспеченность угодьями на душу населения региона, даже при нашей незначительной численности, низкая. Пашни приходится 0,44 га, что почти в 2 раза меньше, чем в целом по России. Но данный показатель по регионам сильно изменяется от 0,07 га в Хабаровском крае до 1,94 га в Амурской области (табл. 4.3).

Основная часть сельскохозяйственных угодий расположена на юге Амурской области, Еврейской автономной области, Приморского и Хабаровского краев. Здесь пахотные земли юга Дальнего Востока представлены бурями, лугово-глеевыми, лугово-черноземовидными, остаточнопойменными, болотно-низменными почвами. Они, как правило, имеют тя-

¹ Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

желосуглинистый механический состав, низкое содержание гумуса, бедны фосфатами, часто переувлажняются в период муссонных дождей. Лучшими являются лугово-чернозёмовидные почвы, основные массивы которых находятся в Амурской области (табл. 4.4).

Таблица 4.3

Обеспеченность сельхозугодьями на душу населения в ДФО, га

Территория	Сельхозугодья		Территория	Сельхозугодья	
	все	пашни		все	пашни
Россия	1,51	0,83	Амурская область	3,37	1,94
ДФО	1,29	0,44	Магаданская область	0,82	0,16
Республика Саха (Якутия)	1,71	0,11	Сахалинская область	0,37	0,11
Камчатский край	1,50	0,20	ЕАО	3,19	0,56
Приморский край	0,85	0,39	ЧАО	0,17	0,00
Хабаровский край	0,50	0,07			

Источник: расчеты автора по: Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2014 году / Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2015.

Таблица 4.4

Структура типов почв пахотных земель Приморья и Приамурья, %

Территория	Лугово-чернозёмовидные	Лугово-бурые, луговые	Лугово-глеевые	Подзолистые	Бурые лесные	Остаточно-пойменные	Прочие
Приморский край		36,7	16,2	20,5	9,5	15,8	1,3
Хабаровский край		21,5	14,4	29,2	28,7	1,7	4,5
Амурская область	35,8	29,2	8,0		20,7	4,2	2,1
ЕАО		30,3	15,2	5,7	47,1		1,7

Источник: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

В Сахалинской области преобладают подзолистые, на Камчатке – охристые и светло-охристые вулканические и торфяно-болотные почвы, в Магаданской области – тундровые, мерзлотно-подзолистые, дерново-аллювиальные и торфяно-глеевые почвы. В Республике Саха (Якутия) широко распространены мерзлотно-таежные палевые, мерзлотно-лугово-

черноземные и черноземно-луговые почвы алласов и надпойменных террас, дерново-луговые почвы долин крупных рек. Эти почвы бедны доступным для растений азотом и имеют пониженное содержание подвижного фосфора.

Более 70% угодий ДФО нуждаются в известковании, проведении других видов мелиорации. Пахотные почвы региона характеризуются относительно низким естественным плодородием и для получения хороших урожаев требуют внесения высоких доз минеральных и органических удобрений, а также проведение агротехнических приемов для снижения кислотности и отрицательного воздействия переувлажнения.

В ДФО, особенно в Приамурье, имеются огромные площади естественных кормовых угодий, которые позволяют развивать в большинстве территорий молочное и мясомолочное скотоводство, а в Республике Саха (Якутия), кроме того – табунное коневодство. В северных районах обширные площади заняты ягелем, что обеспечивает возможность широкого развития северного оленеводства. В южных районах с развитием производства зерна, сои и картофеля создаются условия для развития свиноводства. Вблизи крупных центров потребления создаются условия для промышленного развития яичного и бройлерного птицеводства

Однако успешное развитие сельского хозяйства в округе осложняется не только природно-климатическими факторами, но и слабой производственной инфраструктурой, в частности, редкой сетью автомобильных и железнодорожных дорог, а поэтому труднодоступностью территорий. Все это ограничивает широкое развитие сельского хозяйства и приводит к более высоким издержкам производства по сравнению с другими регионами страны. Поэтому с чисто рыночных отношений, производство сельскохозяйственной продукции, особенно в северных его территориях, как правило, неконкурентоспособно.

Однако нельзя забывать, что сельское хозяйство выполняет не только экономические функции, производит продовольствие и сырье для промышленности, но оно при эффективном развитии обеспечивает получение значимых общественных благ, которые не всегда могут получить стоимостную оценку, хотя имеют большое значение для сохранения условий жизнедеятельности всего населения. Эти блага проявляются в сохранении и поддержании природных ландшафтов, сельского уклада жизни, традиций и культуры коренных жителей, в обеспечении экологического равновесия, формировании условий для отдыха населения, его закрепления на постоянное местожительство на огромных приграничных территориях, снижении социального напряжения в селах. Поэтому обеспечение условий для воспроизводства в

сельском хозяйстве – не только экономическая, но и социально-политическая задача.

Глубоко прав был А.С. Шелепа, когда писал: «Учитывая специфичность и незаменимость используемых в сельском хозяйстве природных ресурсов, широкий спектр выполняемых аграрным сектором функций, производимых продуктов и общественных благ, аграрный сектор не может рассматриваться лишь как сфера бизнеса. Так как от его состояния зависит качество жизни населения, во многих случаях к нему следует подходить как важной части социальной сферы. От состояния аграрного сектора и условий жизни сельского населения зависит формирование постоянного населения в регионе, устойчивого социума и решение экономических задач»¹.

Разрушение аграрного сектора ведет к оттоку населения и осложняет выход из кризиса всей экономики Дальнего Востока. За период 1990–2016 гг. число сельских жителей в регионе сократилось на 21,7%, а численность занятых в сельском хозяйстве уменьшилась примерно на 40%.

Рассматривая состояние и перспективы развития сельского хозяйства в ДФО необходимо помнить об объективной реальности – Россия в целом, а Дальний Восток в особенности занимают самую холодную и неуютную часть планеты. В Западной Европе, США и Японии для обеспечения принятых стандартов жизни расходуют от 3,5 до 6 т условного топлива на человека в год. В России для достижения аналогичных социальных стандартов необходимо 18 т, сегодня добывает около 8 т условного топлива на человека. В обозримом будущем Россия не сможет обеспечить американские жизненные стандарты. Поэтому важно повышение эффективности использования всех видов природно-ресурсного потенциала, по которым Россия в расчете на душу населения в несколько раз опережает развитые страны Западной Европы, США и Японии².

4.2. Развитие сельского хозяйства в условиях рынка

История развития сельского хозяйства в ДФО, как и в целом в России свидетельствует, что его успешное развитие зависит главным образом от экономических условий производства, прежде всего от размера инвестиций и проведения социально-экономических реформ, уровня государственного регулирования, а также от изменений на мировом продовольственном рынке.

¹ Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. С. 12.

² Львов Д. О стратегии развития России // Экономист. 2007. № 2. С. 3–10.

Сельское хозяйство в дореформенный период

Учитывая многостороннее значение, сельское хозяйство региона в 1960-1980 гг. развивалось относительно успешно. Значительную часть средств оно получало в виде добавок к закупочным ценам, которые дифференцировались по территориям в зависимости от условий и структуры производства. Добавки составляли 40% к себестоимости реализованной продукции по Дальнему Востоку, а в северных территориях 57–62%. Добавки выплачивались из федерального бюджета, что обеспечивало рентабельную работу большинства сельскохозяйственных предприятий¹.

В этот период на Дальнем Востоке наблюдался ускоренный рост площади пашни и рост объема производства сельскохозяйственной продукции. Если в целом по России за период 1981–1985 гг. по сравнению с 1961–1965 гг. площадь пашни увеличилась всего на 0,1%, то по Дальнему Востоку этот показатель достиг 23,3%, а объем валовой продукции сельского хозяйства увеличился соответственно на 143,5 и 174,6% (в сопоставимых ценах). Этот рост был обеспечен вложением больших средств в сельское хозяйство².

В 1990 г. инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и водохозяйственное строительство на селе в России достигали 18% общего объема капиталовложений в экономику. Рентабельность аграрного производства достигала 43%, а финансово-хозяйственная деятельность в целом – 37%. Оплата труда крестьян достигала 95% от среднего показателя по экономике³. Материально-техническая база сельского хозяйства опиралась преимущественно на индустриальную основу, для которой было характерно широкое распространение машинного производства на крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Развитие сельского хозяйства в 1991–2005 гг.

В 1990-е гг. с проведением государственной политики в стране в целом и реформ в аграрном секторе, в частности, обстановка в сельском хозяйстве резко ухудшилась. Расходы федерального бюджета на аграрный сектор неуклонно снижались. В 1991 г. они составляли 19,8%, а с 2000 г. находятся в

¹ Нестеренко А.Д. Экономические проблемы сельского хозяйства Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1972. 372 с.; Шелепя А.С. Аграрная политика региона в современных условиях. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2004. 174 с.

² Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1858–1985). Хабаровск: ДальНИИСХ, 1989. 336 с.

³ Буздалов И. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 121–132.

пределах 2–0,67%. Резко упала доля инвестиций в сельское хозяйство в общем объеме инвестиций в экономику региона – с 15,4% в 1990 г. до 0,9% в 2007 г. В это же время собственные источники предприятий изымались диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Фактически аграрная реформа в стране привела к серьезному структурному кризису не только социальной, но и отраслевой структуры отрасли, к деградации ресурсного потенциала, сельской демографии и социальной сферы села в целом¹.

Диспаритет цен, который нарушает эквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, является одной из сложнейших проблем АПК. Если в 1991 г. для приобретения 1 т дизельного топлива хозяйство должно было продать 4 ц пшеницы, то в 2006 г. уже более 3 т. Покупка трактора подорожала в «пшеничном» эквиваленте почти в 7 раз: 36,8 и 240 т². Эта проблема усугубилась разрушением многообразной системы поддержки сельского хозяйства, в частности, доступного кредитования и страхования.

Ориентация реформаторов преимущественно на институциональные преобразования, наделение работников собственностью, ликвидация совхозов и колхозов с надеждой на формирование фермерских хозяйств, не оправдалась. В США, которые брали наши реформаторы за образец, разработана целая система помощи фермерам. Там действуют многочисленные программы поддержки аграрного сектора (порядка 25), через них оказывается прямая и косвенная помощь сельхозпроизводителям и потребителям. Кроме того, различные агентства МСХ разрабатывают или поддерживают научные исследования и внедряют их в производство. Фермерам оказывается помощь консультациями, подготовкой специалистов, приобретением за низкий процент техники, обеспечением литературой, включением в систему страхования. В случае экстремальных условий погоды государство восполняет понесенный ущерб, а в случае перепроизводства – стоимость той продукции, которую можно было бы продать³.

¹ Узун В.Я. , Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело, 2015. 352 с.

² Басалаева Е. Проблемы формирования конкурентоспособного сельского хозяйства // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 49–56.

³ Шевелуха В. Кто сказал, что земля умирает? // Природа и человек. XXI век. 2008. № 7. С. 16-19; Терентьева А.С. Фермерское хозяйство США в начале XXI века: состояние и тенденции развития // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 12. С. 85–101.

Очень поучительный опыт проведения аграрной реформы в Китае¹. Там за годы реформ объем государственных средств на сельское хозяйство увеличился в 30 раз. За первое десятилетие (1978–1988 гг.) государственная поддержка в расчете на 1 га посевной площади увеличилась в 6–8 раз. Резко возросли поставки минеральных удобрений. Приоритет был отдан семейной форме крестьянского хозяйства и развитию сельскохозяйственной кооперации. Для семейных домохозяйств в деревне с 2006 г. были отменены все «комиссии и сборы» по договорам землепользования, а также земельный налог. Китайские фермеры пользуются землей бесплатно, неся ответственность за ее целевое использование. Они имеют гарантированный сбыт товарной части продукции по договорным залоговым ценам, устанавливаемым в рамках Госрегулирования по схеме «договор-закон». Были осуществлены крупные государственные меры по модернизации сельской социальной и инженерной инфраструктуры. В результате среднегодовой показатель роста аграрной доли в ВВП составил 12%. К концу 1980-х гг. сбор зерна увеличился в 1,4 раза, мяса почти в 2 раза. В дальнейшем аграрный сектор Китая устойчиво рос. Уже в 2004 г. валовый сбор зерна составил 530 млн т (в 1980 г. 320 млн), а производство мяса увеличилось с 11,8 млн т до 45,6 млн т. Таких успехов Китай достиг благодаря сочетанию рыночной системы экономических отношений с массивной бюджетной поддержкой и целенаправленным государственным регулированием.

В России ничего подобного не было сделано, и в условиях перехода к рынку системный кризис сельского хозяйства привел к деградации агропроизводственного потенциала. С проведением неадекватной государственной политики в стране в целом и реформ в аграрном секторе в частности, разрушением производственной структуры сельскохозяйственного производства в сельском хозяйстве стал преобладать не крупный производитель и не фермер, оснащенные современной техникой, а сельский и городской житель, владеющий мелким хозяйством, аграрное производство стало существенно более трудоемким, во многом утратив свой индустриальный уровень и инновационный материально-технологический потенциал. В результате сельское хозяйство переместилось на гораздо более низкие позиции по производительности труда, уровню его механизации и технической оснащенности, приняв во многом черты мелкотоварности с преобладанием ручного труда и примитивных технологий. Все это привело к глубокому и продолжительному кризису сельского хозяйства, разрушению производственного и эконо-

¹ Буздалов И. Об опыте и результатах аграрных преобразований в Китае и России // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 137–146.

мического потенциала сельскохозяйственных товаропроизводителей, сокращению числа занятых и падение материальной заинтересованности работников сельского хозяйства. Оплата их труда в результате реформ упала до 40-50% среднероссийского уровня. Последствия проводимой политики оказались отрицательными для всей страны, особенно для ДФО. Произошло резкое сокращение посевов сельскохозяйственных культур и поголовья крупного рогатого скота, свиней и птиц. В результате сократилось производство зерна, мяса, молока и яиц. Только производство картофеля немного увеличилось за счет широкого развития дачного производства (табл. 4.5). С 1994 г. сельское хозяйство округа стало убыточным¹.

Таблица 4.5

Сокращение основных показателей развития сельского хозяйства в ДФО в период 1990–2005 гг.

Продукция, поголовье	1990	2005	Сокращение, раз
Посевная площадь сельхозкультур, тыс. га	2892,4	1179,6	2,5
Поголовье (тыс. голов): КРС	1709,0	534,2	3,2
в том числе коров	625,0	230,9	2,7
Свиней	1603,5	220,3	7,3
Птиц, млн шт.	27886,0	8137,3	3,4
Получено (тыс. т): зерна	1312,2	381,4	3,4
Сои	583	395,7	1,5
Картофеля	1108,3	1206,1	Увеличение на 8,8%
Овощей	394,6	356,4	1,1
Мяса	351,1	97,1	3,6
Молока	1571,4	575,6	2,7
Яиц, млн шт.	2260,6	1057,7	2,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / ФСГС. 2015.

Развитие сельского хозяйства в 2006–2016 гг.

Правительство было вынуждено принимать меры по улучшению условий развития сельского хозяйства в стране и его регионах. Были приняты федеральные законы «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264 и приоритетный национальный проект «Развитие АПК» в 2006–2007 гг. 14 июля Правительством РФ утверждена «Государственной про-

¹ Сухомиров Г.И. Условия и тенденции развития сельского хозяйства ДФО // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 81–92.

граммы развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». В 2008 г. Правительством принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», изданы указы Президента РФ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (2009 г.) и «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» (2010 г.). Основным инструментом экономической политики по решению социальных проблем сельского населения в течение 2003–2013 гг. являлась федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года», а с 2014 г. – федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 года», разработанная в соответствии с Концепцией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 г. № 2136-р.

В этих документах сказано, что основными целями государственной аграрной политики в долгосрочной перспективе являются: обеспечение потребностей населения основными видами сельскохозяйственной продукцией и продовольствием за счет отечественного производства; устойчивое развитие сельских территорий, повышение уровня жизни сельского населения и сокращение его отставания от городского; повышение конкурентоспособности отечественного аграрного комплекса; улучшение и повышение продуктивности используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов.

Были определены основные параметры развития сельского хозяйства на период до 2020 г. Уровень производства пищевых продуктов по отношению к 2007 г. возрастет в 1,9 раза. Валовой сбор зерновых культур может достичь не менее 120–125 млн т. К 2020 г. страна может выйти на уровень душевого потребления мяса и молока, соответствующий рекомендуемым рациональным нормам. Производство зерна возрастет в 1,5 раза, мяса – в 1,7 раза, молока – на 27%, снизится доля импорта мясных и молочных продуктов. Предусматривалось значительное увеличение инвестиций в аграрный сектор.

Действительно с началом реализации в 2006 г. приоритетного национального проекта «Развитие АПК» и последовавших за ним Государственных программ развития сельского хозяйства отмечается положительная динамика роста инвестиций и производства продукции. В ДФО уже в 2007 г. по сравнению с 2005 г. размер инвестиций увеличился на 6,2% (по России – на 16,8%). В период с 2006 по 2011 г. объем инвестиций в аграрный сектор

постоянно увеличивался, но в 2012 г. резко уменьшился, затем увеличился. Всего за 2006–2015 гг. привлечено 66,1 млрд руб. (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Динамика инвестиций в основной капитал
аграрного сектора* ДФО, млн руб.**

Территория	2005	2007	2009	2011	2012	2013	2014	2015
ДФО	3424	4665	6010	7527	5899	8535	8217	11271
Республика Саха (Якутия)	333	390	1159	889	482	600	433	506
Камчатский край	63	100	153	204	206	212	188	482
Приморский край	1075	1247	910	1378	1468	2070	3059	2944
Хабаровский край	1327	1553	2482	2200	1340	1356	1368	2664
Амурская область	496	1036	860	2048	1621	2895	1505	2914
Магаданская область	13	72	19	23	66	62	44	45
Сахалинская область	103	205	273	426	561	1132	1476	1435
ЕАО	14	60	29	58	67	78	32	157
ЧАО	–	–	124	301	88	130	112	124

Примечание. * Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.

Источники: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013–2016 / ФСГС. 2016.

При этом доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора в общем размере в экономику неуклонно снижается. В целом по стране она упала с 19,0% в 1990 г. до 3,8% в 2015 г. По ДФО этот показатель значительно ниже общероссийского. Если еще в 2005 г. он составлял 1,7%, то в 2015 г. всего 0,7%. В 2015 г. он изменялся от 0,3% в Магаданской и Еврейской автономной области, а также в Республике Саха до 1,6% в Амурской области. Наблюдается непоследовательность проводимых мероприятий. Так, в целом по стране в 2008-2012 гг. предусматривалось направить на реализацию программных мероприятий 108,09 млрд руб. средств федерального бюджета, а фактический объем финансирования по Программе составил 41,86 млрд руб., или 38,7%. Вложения в социальное обустройство сельских поселений за счет средств федерального бюджета оказались меньше предусмотренных на 66,23 млрд руб. При этом удельный вес финансового участия регионов в реализации мероприятий программы, предусмотренный соглашениями с субъектами РФ, был превышен на 54,3%. Постепенно снижается доля основных производственных фондов в аграрном секторе от их полной

учетной стоимости по экономике. Если еще в 2005 г. в ДФО она составляла 2,9%, то в 2015 г. сократилась до 1,4%. (в России соответственно с 3,5 до 2,7%).

Недофинансирование сельского хозяйства влечет за собой ухудшение материально-технической базы отрасли. В 2011 г по сравнению с 1990 г. в ДФО произошло уменьшение количества тракторов в 6 раз, а зерноуборочных комбайнов почти в 4 раза. Резко уменьшилось также количество кукурузоуборочных, картофелеуборочных, кормоуборочных комбайнов, плугов и доильных установок. При этом в 2011 г. количество списанной техники преобладало над приобретенной по тракторам в 1,5 раза, зерноуборочным и кормоуборочным комбайнам – в 1,3 раза. Энергетическая мощность на 100 га посевной площади в 2016 г. даже по сравнению с 2011 г. сократилась в 1,3 раза (по России в 1,1 раза), а нагрузка пашни на 1 трактор увеличилась в 1,9 раза и составила 434 га, что в 5 и более раз превышает эти нагрузки в США, Англии и в других странах с действительно модернизированным сельским хозяйством. Наша сельхозтехника крайне изношена, машиностроение находится в упадке.

Резкое сокращение инвестиций в сельское хозяйство в 1990-е гг. привело к резкому сокращению работ по мелиорации земель и применению удобрений. В ДФО имеется 140,5 тыс. га орошаемых и 749,8 тыс. га осушаемых земель, из них в неудовлетворительном состоянии находится соответственно 30,9% и 31,4%. 88,4% орошаемых и 81,1% осушаемых земель находится на территории Приморья и Приамурья (*табл. 4.7*).

В 2000 г. по сравнению с 1990 г. внесение минеральных удобрений в ДФО уменьшилось с 91,1 до 12,3 кг/га, затем оно увеличилось (в 2016 г. до 35,1 кг/га), но составляет всего 38,5% от уровня 1990 г. При этом если применение минеральных удобрений в 1990 г. в ДФО превышало показатели по РФ, то в 2016 г. оно было ниже, чем в целом по России (71,9%). Еще хуже положение с применением органических удобрений. По ДФО оно снижалось по 2010 г., когда составило всего 0,1 т/га, что меньше уровня 1990 г. в 29 раз. В 2016 г. внесение удобрений в ДФО увеличилось до 0,3 т/га, что меньше данного показателя по стране в 4,3 раза.

По объему производства минеральных удобрений Россия уже в 2005 г. превзошла уровень 1990 г. и занимает четвертое место в мире после Китая, США и Индии. Но если другие страны основную часть производимых удобрений используют в своем сельскохозяйственном производстве, то Россия является главным экспортером в мире, занимая первое место по экспорту азотных и третье – по экспорту калийных удобрений, внутри же страны используется лишь 10-12% производимых удобрений.

Таблица 4.7

**Состояние мелиоративных земель по субъектам РФ ДФО
(на 1 января 2015 г., тыс. га)**

Территория	Общая площадь	Их состояние		
		хорошее	удовлетворительное	неудовлетворительное
Орошаемые земли				
ДФО	140,5	64,2	32,9	43,4
Приморский край	106,2	54,2	24,7	27,3
Хабаровский край	5,4	0,1	0,2	5,1
Амурская область	9,9	7,6	2,1	0,2
ЕАО	2,7	0	2,7	0
Другие регионы	16,3	2,3	3,2	10,8
Осушаемые земли				
ДФО	749,8	260,6	253,6	235,6
Приморский край	177,3	87,5	42,8	47,0
Хабаровский край	93,6	1,2	37,3	55,1
Амурская область	251,5	160,7	70,2	20,6
ЕАО	85,9	0	38,6	47,3
Другие регионы	141,5	11,2	64,7	65,6

Источник: Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2014 году / Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2015.

При низком уровне удобрения полей плодородие почв истощается. В течение последних десятилетий в сельском хозяйстве большинства стран происходила перманентная агротехнологическая революция – «зеленая», агрохимическая, техническая, цифровая. У нас же по-прежнему преобладает экстенсивное земледелие, эксплуатирующее природное плодородие почв. Но плодородие почв быстро не уничтожается и не восстанавливается¹.

При существующем отношении к применению удобрений и проведению известкования, фосфоритования и гипсования почв и проведению других агрохимических мероприятий существует реальная угроза потери площадей пашни и снижения урожая до уровня естественно плодородия – 7–10 ц/га, при котором не может быть прибыльным сельскохозяйственное производство, а значит банкротство тысяч хозяйств.

К сожалению, численность сельского населения уменьшается и сокращается количество занятых работников в сельском хозяйстве. В ДФО в 2016 г. по сравнению с 1990 г. численность сельского населения сократилась на 21,3%. А доля сельского населения, занятая в сельском хозяйстве в общей

¹ Павлова Г. Брошенные сельскохозяйственные земли – угроза безопасности // Экономист. 2012. № 4. С. 68–78.

численности занятого сельского населения только за 5 лет (2009–2013 гг.) уменьшилась с 12,6 до 8,9%. В 2013 г. этот показатель изменялся по субъектам Федерации ДФО от 3,1% в Магаданской области и 5,4% в Хабаровском крае до 15,1% в Амурской области и 18,2% в Чукотском автономном округе.

Под влиянием экономических реформ на Дальнем Востоке сформировался многоукладный аграрный сектор, состоящий из сельскохозяйственных организаций (СХО), крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х, включая индивидуальных предпринимателей) и хозяйств населения (ХН). За последние 15 лет основными производителями зерна, яиц, а с 2010 г. и мяса являются сельскохозяйственные организации. Основными производителями картофеля, овощей и молока были и остаются хозяйства населения, т.е. мелкие товаропроизводители. Крестьянские (фермерские) хозяйства вместе с индивидуальными предпринимателями постепенно увеличивают свое участие в производстве всех основных видов сельскохозяйственной продукции, но в целом не превышают 15% общего объема (табл. 4.8).

Таблица 4.8

**Структура производства основных видов
сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств в ДФО**

Категория хозяйств	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Зерно							
СХО	83,0	81,9	77,3	75,8	82,7	77,4	81,3
К(Ф)Х	15,6	16,8	22,0	23,5	16,3	22,0	18,2
ХН	1,4	1,3	0,7	0,7	1,0	0,6	0,5
Картофель							
СХО	7,2	7,3	8,4	6,8	6,9	6,1	6,2
К(Ф)Х	5,2	7,4	7,6	7,7	6,4	8,1	7,9
ХН	87,7	85,3	84,1	85,5	86,7	85,8	85,9
Овощи							
СХО	15,4	18,1	19,9	19,5	22,9	19,6	16,8
К(Ф)Х	12,1	15,9	16,6	15,8	14,6	16,8	14,7
ХН	72,5	66,0	63,5	64,7	62,5	63,6	68,5
Мясо							
СХО	37,2	53,9	55,2	54,2	53,8	53,7	52,8
К(Ф)Х	7,0	8,8	8,4	9,3	8,4	8,6	8,7
ХН	55,8	37,3	36,4	36,5	37,8	37,7	38,5
Молоко							
СХО	21,3	24,7	25,7	26,7	26,3	26,6	27,7
К(Ф)Х	11,3	16,3	15,8	15,5	15,4	16,5	17,8
ХН	67,4	59,0	58,5	57,8	58,3	56,9	54,5

Примечание: сельскохозяйственные организации (СХО), крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х, включая индивидуальных предпринимателей), хозяйства населения (ХН).

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2016 / ФСГС. 2016.

Общее число организаций по виду деятельности «сельское хозяйство» очень динамично, и в последнее десятилетие сокращается. Так, в Камчатском крае если еще в 2008 г. их было 567, то в 2013 г. осталось всего 265. В этот период число К(Ф)Х изменялось в пределах 418–393, личных подсобных хозяйств – от 6,9 до 6,6 тыс., а коллективных и индивидуальных огородов – от 6,1 до 3,7 тыс. В Хабаровском крае максимальное число К(Ф)Х достигало 700, а в 2016 г. их осталось немногим более 400. Кроме них, в крае работает 25 СХО и около 100 тыс. хозяйств населения. Общее количество крестьянских (фермерских) хозяйств в ДФО впервые годы социально-экономической реформы быстро росло и к середине 1990-х гг. почти достигло 16 тыс., затем оно резко сократилось и стабилизировалось на уровне около 10 тыс., из них около 4 тыс. в Республике Саха (Якутия).

Площадь посевов сельскохозяйственных культур в ДФО после 2005 г. постепенно увеличивается в основном за счет регионов Приморья и Приамурья и в 2016 г. превысила уровень 2005 г. на 65,2%, но еще остается меньше показателя 1990 г. на 32,6% (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Площадь посевов всех сельскохозяйственных культур, тыс. га

Территория	2005	2010	2011	2012	2014	2015	2016
ДФО	1179,6	1383,0	1481,6	1672,0	1787,7	1883,6	1949,2
Республика Саха (Якутия)	49,0	44,1	44,1	46,4	45,1	46,5	45,9
Камчатский край	18,8	22,0	22,9	21,9	21,2	20,8	20,8
Приморский край	340,1	314,0	340,8	379,4	423,9	413,7	434,7
Хабаровский край	77,4	72,6	77,0	78,9	83,8	78,5	78,6
Амурская область	576,4	790,3	855,4	1001,3	1059,2	1165,1	1213,7
Магаданская область	6,8	6,1	6,2	6,3	5,7	6,5	6,7
Сахалинская область	23,9	25,4	24,1	23,9	26,6	26,5	28,6
ЕАО	87,2	108,4	111,0	113,9	122,2	125,9	120,3
ЧАО	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / ФСГС. 2015; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 году / Росстат. М., 2017. 78 с.

В 1990-е гг. под влиянием изменения цен на сельскохозяйственную продукцию и сокращения количества домашних животных резко сократилась площадь посевов зерновых и кормовых культур. После 2005 г. площадь зерновых культур медленно, но увеличивается, а кормовых культур относительно стабилизировалась на низком уровне. В последние годы наблюдается резкое увеличение площади посевов сои, которые находятся в Приморье и Приамурье. Здесь же размещаются свыше 96% зерновых культур (табл. 4.10).

Таблица 4.10

Площадь посевов сельскохозяйственных культур в ДФО, тыс. га

Показатель	1990	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего посевов	2892	1180	1383	1482	1672	1596	1788	1884
в т. ч. зерновые	953	318	320	334	380	314	338	309
Соя	557	495	701	802	950	935	1109	1244
Картофель	116	98	95	97	97	93	92	92
Овощи	32	25	25	26	25	25	24	23
Корм.культуры	1234	244	242	223	220	229	225	216

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2016 / ФСГС. 2016.

С 2006 г. наблюдается рост производства сельскохозяйственных продуктов. В 2015 г. по сравнению с 2005 г. увеличилось производство зерна в 1,8 раза, сои – в 3,6 и овощей – в 1,1 раза. К сожалению, производство картофеля, плодов и ягод уменьшилось (табл. 4.11). В 2016 г. немного увеличилось производство зерна.

В последние годы важнейшей культурой в регионе является соя. В 2014 г. в ДФО было произведено 58,8% общероссийского объема сои¹. Приморье и Приамурье обладают высоким потенциалом производства сои. Компания «Мерси Трейд» в Приморском крае в 2013 г. получила среднюю урожайность сои в 23 ц/га, что в 2 раза выше средней по региону. В настоящее время из всех сельскохозяйственных культур производство сои наиболее эффективно, уровень рентабельности ее производства по регионам изменяется от 5 до 45%.

Таблица 4.11

Валовое производство основных видов растениеводческих продуктов в ДФО в 2005–2015 гг., тыс. т.

Продукция	2005	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Зерно	381,4	430,2	297,3	612,7	546,8	428,4	773,3	684,7
Соя	395,7	436,6	816,5	1109,4	1029,4	646,8	1527,1	1411,8
Картофель	1206,1	1181,7	1286,1	1286,4	1318,7	1034,8	1304,8	1189,2
Овощи	356,4	372,3	401,2	430,0	433,7	391,2	450,2	401,1
Плоды и ягоды	43,9	41,3	35,9	40,4	34,7	33,5	33,9	36,0

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2016 / ФСГС. 2016.

¹ Антонова Н.Е., Синеговский М.О. Соеводство в Амурской области в разрезе глобального и национального трендов // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 21–35.

После сои на юге Дальнего Востока рентабельно производство картофеля, его производство сильно зависит от погодных условий и в 2016 г. составило 92,7% от уровня 2005 г. Учитывая важность овощей для местного населения, несмотря на убыточность, их производство медленно, но растет и в 2016 г. превысило уровень 2005 г. на 16,1%.

Остается тяжелое положение в животноводстве ДФО. После 2005 г. поголовье крупного рогатого скота продолжает сокращаться и в 2016 г. упало до 394,4 тыс. голов, что на 26,2% меньше уровня 2005 г. Поголовье коров в 2016 г. составило всего 172,4 тыс., что меньше уровня 2005 г. на 25,3%. Поголовье свиней увеличивается и в 2016 г. превысило уровень 2005 г. на 71,7%. Количество птиц увеличивалось по 2011 г., а затем несколько сократилось. Поголовье овец и коз изменилось незначительно и в 2016 г. составило 70,5 тыс. голов (табл. 4.12).

Таблица 4.12

**Основные показатели развития животноводства в ДФО
за 2005–2015 гг.**

Показатель	2005	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Поголовье (тыс. голов): КРС	534,2	507,4	457,3	463,2	450,8	417,8	399,6	395,2
в т. ч. коров	230,9	222,7	193,9	196,3	195,7	188,1	176,3	174,7
Свиней	220,3	243,8	292,5	313,5	316,9	305,6	286,2	334,2
Овец и коз	70,6	70,1	70,4	70,5	77,7	70,1	70,1	69,4
Птиц, млн шт.	8137	7664	10586	10700	10294	9962,5	10162	н/д
Получено (тыс. т): мяса	97,1	100,5	124,2	128,0	128,4	134,0	130,9	123,9
Молока	575,6	565,7	591,4	582,5	571,8	565,2	536,4	537,2
Меда, т	3185	4096	3721	6288	4749	5235	6273	7109
Яиц, млн шт.	1058	1063	1189	1166	1185	1149	1191	1175

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2016 / ФСГС. 2016.

Производство мяса медленно росло по 2013 г., а затем сократилось и в 2016 г. превысило уровень 2005 г. всего на 30,1%. Уменьшение поголовья коров, даже при увеличении их продуктивности за счет импорта высокопродуктивных животных, повлекло сокращение производства молока в 2016 г. до 535,9 тыс. т, что на 6,9% меньше уровня 2005 г. Производство меда растет и в 2016 г. по сравнению с 2005 г. увеличилось в 2,2 раза. Производство яиц в течение 10 лет изменялось незначительно и в 2016 г. превысило уровень 2005 г. на 10,9%.

В ДФО сектор малых форм хозяйствования (ХН и К(Ф)Х) обеспечивает около 70% объема производства валовой продукции сельского хозяйства. В нем в 2016 г. было произведено 28,6% зерновых и зернобобовых культур, 93,8% картофеля, 83,2% овощей, 45,4% мяса скота и птицы, 71,9% молока и 96,0% меда. Следовательно, этот сектор играет очень важную роль не только в обеспечении занятости сельского населения, но и в обеспечении продовольственной безопасности региона.

В соответствии Госпрограмме по развитию сельского хозяйства на 2008–2012 гг. в дальневосточных субъектах РФ были приняты региональные программы, которые ни по одному региону не были выполнены. Итоги выполнения данных программ рассмотрим на примере Хабаровского края (табл. 4.13).

Таблица 4.13

Основные количественные показатели выполнения программы развития сельского хозяйства Хабаровского края в 2008–2012 гг.

Показатель	План					Фактически				
	2008	2009	2010	2011	2012	2008	2009	2010	2011	2012
Посевная пл., тыс. га	88,7	89,5	90,3	90,9	91,2	77,1	79,2	72,6	77,0	78,9
Валовой сбор, тыс. т										
Зерновые культуры	23,5	25,1	25,5	26,2	27,3	26,6	17,1	5,6	10,4	13,7
Соя	12,7	13,3	14,1	14,6	14,8	8,7	10,9	14,7	14,4	16,9
Картофель	350,7	355,3	360,2	263,0	367,1	270,4	289,1	282,6	280,6	280,0
Овощи	154,1	156,0	158,1	159,7	161,0	69,7	60,0	58,3	61,4	64,6
Поголовье, тыс. голов										
Крупный рогатый скот	35,2	36,7	37,7	38,5	39,2	32,7	30,0	26,9	26,9	26,4
в т. ч.: коровы	16,8	17,3	17,8	18,1	18,4	15,1	14,2	13,8	13,7	12,7
Свиньи	53,5	53,6	54,1	54,3	54,8	63,2	65,0	61,9	66,1	65,8
Птицы	2160	2531	3033	3417	3753	1909	1920	1847	1844	1971
Производство, тыс. т										
Мясо	27,0	34,7	41,3	47,4	53,6	18,5	21,8	29,0	29,1	22,0
Молоко	55,4	60,0	63,8	66,7	69,6	52,0	52,3	52,4	50,6	50,6
Яйцо, млн шт.	269,6	300,0	330,9	342,0	343,1	269,2	275,7	298,7	264,2	292,0

Источники: О краевой целевой программе «Развитие сельского хозяйства Хабаровского края на 2008–2012 годы»: закон Хабаровского края № 185 от 27.02.2008; Паспорт Хабаровского края. 2002–2013 годы / Хабаровскстат. Хабаровск, 2014. 101 с.

Почти все плановые показатели оказались не выполненными. Исключение составило только перевыполнение плана по поголовью свиней и производству сои. Особо низкие показатели оказались по производству зерна, овощей, поголовью крупного рогатого скота и птицы. Подобное положение с выполнением плановых показателей и в других субъектах РФ ДФО.

Сельское хозяйство оказалось самой не защищенной отраслью экономики как со стороны федерального, так и региональных бюджетов. По всем статьям финансирования КЦП (субсидирование процентных ставок, модернизация сельского хозяйства, финансирование на лизинговой основе на закупку племенного скота, финансирование на повышение финансовой устойчивости малых форм хозяйствования на селе и др.) плановые показатели были не выполнены. Кстати, Госпрограмма на 2008–2012 гг. в целом по стране была выполнена тоже, только, по двум показателям.

Повсеместно в округе не выполнена и программа «Социальное развитие села на 2006–2010 годы», которая была пролонгирована до 2012 г. В 2009 г. расходы по данной программе в России были урезаны на 53%, а в 2010 г. – на 55,7%.

В 2009–2010 гг. в условиях экономического кризиса по РФ почти по всем показателям развития сельского хозяйства произошло снижение. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства был отрицательным: в 2009 г. – 30,2%, в 2010 г. – 19,7%. Индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) составил: в 2009 г. – 2,5%, в 2010 г. – 16,0%. Отрицательные индексы были по коэффициентам обновления основных видов сельскохозяйственной техники, энергообеспеченности сельскохозяйственных организаций на посевную площадь, производительности труда в сельском хозяйстве. При этом фактические расходы по сравнению с плановыми из Госпрограммы сокращены на 55,8%, в том числе по капвложениям – на 56,4%, по НИОКР – 4,8 раза и прочим расходам – на 55,2%¹.

В ДФО в сопоставимых ценах после 2005 г. наблюдается медленный рост производства сельскохозяйственной продукции, однако даже в 2011 г. его объем составил всего лишь 65% уровня 1990 г. При этом объем продукции растениеводства превысил уровень 1990 г. на 20%, а продукции животноводства составил всего 39% (табл. 4.14). Эти показатели по южным субъектам Федерации оказались соответственно 22 и 40%, а по северным 9 и 37%.

¹ Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2010 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2020 годы» / Минсельхоз РФ. М., 2011. 221 с.

Таблица 4.14

Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах, млн руб.

Территория	1990	2000	2005	2010	2011	2011 к 1990, %		
						все го	расте- ниево- во- дства	живот- ново- дства
ДФО	3339	1460	1633	1928	2165	65	120	39
Республика Саха (Якутия)	367	221	254	227	216	59	114	50
Камчатский край	149	64	66	61	61	41	161	13
Приморский край	862	328	459	591	655	76	170	37
Хабаровский край	420	198	220	211	215	51	69	42
Амурская область	962	475	405	598	732	76	107	46
Магаданская об- ласть	82	9	14	18	18	22	27	21
Сахалинская об- ласть	270	81	87	76	83	31	104	13
ЕАО	147	63	92	104	105	71	169	22
ЧАО	80	21	36	42	80	100	75	101

Источник: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

Но после вступления России 2012 г. в ВТО и введением США и ряда других стран экономических санкций против России и ответных мер России по ограничению импорта из этих стран, производство стало сокращаться. Рост производства в 2014 г. был обеспечен после его резкого падения в 2013 г. по причине небывалого наводнения (*табл. 4.15*).

Индекс физического объема продукции сельского хозяйства в последние пять лет значительно изменялся и составлял от 89,8% в 2013 г. до 119,8% в 2014 г. По отдельным регионам ДФО данный показатель изменялся более резко. Наибольший спад производства продукции наблюдался по Еврейской автономной области в 2013 г., что очевидно было связано с последствием катастрофического наводнения. Наилучшие показатели были в Амурской области, по которой только дважды было снижение производства и максимальный его рост до 167,5% в 2014 г. Особняком выглядит Чукотский автономный округ, в котором четыре года было снижение производства и два года резкий рост (до 2 раз).

Наблюдаемый небольшой рост производства сельскохозяйственной продукции в округе в период 2006–2011 гг. был обеспечен ростом его поддержки, которая ежегодно увеличивалась (*табл. 4.16*).

Таблица 4.15

**Индексы физического объема продукции сельского хозяйства
в ДФО в сопоставимых ценах (в процентах к предыдущему году)**

Территория	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ДФО	103,1	101,8	107,6	97,4	89,8	119,8	97,0	98,4
Республика Саха (Якутия)	100,2	97,3	95,3	98,0	98,5	99,2	97,0	99,7
Камчатский край	94,9	97,8	100,6	96,9	99,6	110,1	93,3	103,9
Приморский край	109,2	103,9	110,6	99,2	98,1	113,0	93,8	98,8
Хабаровский край	101,6	99,3	102,1	101,8	94,6	104,8	90,2	92,7
Амурская область	112,0	103,0	122,1	93,3	71,1	167,5	102,1	97,8
Магаданская область	104,1	100,2	94,3	108,3	90,4	99,9	116,8	102,2
Сахалинская область	87,3	107,3	109,0	98,2	105,2	102,4	98,7	111,0
ЕАО	92,2	109,0	100,6	87,9	63,4	132,1	101,5	82,2
ЧАО	90,8	92,8	192,0	200	97,8	131,9	82,5	103,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015–2016 / ФСГС. 2016; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 году / Росстат. М., 2017. 78 с.

Таблица 4.16

Динамика государственной поддержки аграрного сектора, млн руб.

Территория	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
ДФО	2487	2664	3367	4293	5310	5790	6328
Республика Саха (Якутия)	926	1061	1076	1140	1272	1326	1233
Камчатский край	71	86	159	268	274	231	376
Приморский край	292	314	339	649	439	763	768
Хабаровский край	278	286	331	400	473	445	641
Амурская область	389	312	666	978	1846	1907	2143
Магаданская область	88	83	57	70	84	63	101
Сахалинская область	1287	129	175	203	181	308	337
ЕАО	67	118	245	189	259	239	236
ЧАО	247	274	319	394	480	507	492

Источник: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

Из федерального бюджета на господдержку сельского хозяйства ДФО субсидии выделяются на проведение различных мероприятий: компенсацию затрат на приобретение минеральных удобрений, поддержание элитного се-

меноводства и племенного животноводства, поддержку северного оленеводства и табунного коневодства, поддержание региональных программ, на уплату процентов по кредитам и прочим статьям. За 2007–2011 гг. размер субсидий превысил 8 млрд руб. В структуре господдержки на долю федерального бюджета приходится 16,5%, остальные 83,5% – на бюджеты субъекты Федерации округа.

Из-за недостатка собственных оборотных средств в сельскохозяйственных предприятиях округа почти ежегодно растет объем кредитов. Так в 2011 г. по сравнению с 2005 г. по долгосрочным кредитам он увеличился в 7,6 раза, а по краткосрочным – в 3,2 раза. К сожалению, от 50 до 63% поддержки изымается через налогообложение и обслуживание кредитов.

Средства, выделяемые из федерального бюджета, способствуют привлечению средств из консолидируемых бюджетов субъектов Федерации округа и внебюджетных источников. В 2003-2013 гг. в рамках ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года» объем средств, привлеченных из консолидируемых бюджетов субъектов РФ и внебюджетных источников в расчете на 1 руб. средств федерального бюджета составил по РФ 4,1 руб., по ДФО – 2,8 руб., изменяясь от 0,8 руб. в Еврейской автономной области до 9,5 руб. в Хабаровском крае. Средства федерального бюджета и по другим программам способствуют привлечению средств из региональных бюджетов, что положительно сказывается на производстве продукции. К сожалению, к 2000 г. доля субсидий и компенсаций в себестоимости реализованной предприятиями сельскохозяйственной продукции к 1990 г. сократилась в 4 раза, но затем постепенно увеличивалась и в 2011 г. составила 27%, изменяясь по регионам от 13,6% в Приморском крае до 45,2% в Республике Саха (Якутия) (в ЧАО 157%)¹.

В настоящее время абсолютным лидером по уровню регионального финансирования сельского хозяйства в России является Республика Саха. В 2013 г. республиканский бюджет выделил на развитие аграрного сектора более 8 млрд руб. А с учетом использования других источников в республике на развитие сельского хозяйства и проблем села было привлечено около 20 млрд руб. Поэтому закономерно республика занимает в ДФО первое место по поголовью крупного рогатого скота и производству молока. Регион построил 6 животноводческих комплексов, отвечающих современным требованиям. В 2015 г. на реализацию государственной программы развития сельского хозяйства из госбюджета республики было направлено 9,1 млрд руб. (из федерального бюджета всего 1,03 млрд руб.). При этом размер гос-

¹ Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

поддержки за сданное молоко увеличился за литр с 19,5 руб. в 2014 г. до 30 руб. в 2015 г.¹

Поддержка положительно сказывается как на увеличении производства сельскохозяйственной продукции, так и на увеличении прибыли предприятий на рубль поддержки почти во всех субъектах ДФО. В целом по ДФО получение чистой прибыли на рубль поддержки увеличился с 18 коп. в 2005 г. до 49 коп. в 2011 г.

В настоящее время поддержка направляется преимущественно в сельскохозяйственные организации, в значительно меньших размерах она доходит до фермерских хозяйств и очень редко до хозяйств населения. К сожалению такой статистики нет, но размер господдержки всего сельхозпроизводства в ДФО за 2008–2011 гг. известен. Мною предпринята попытка рассчитать размер государственной поддержки на каждый руб. и килограмм произведенной сельскохозяйственной продукции за эти годы.

За 2008–2011 гг. в ДФО было произведено валовой продукции сельского хозяйства на общую сумму 369 934 млн руб., в том числе продукции растениеводства на 195 335 млн руб. и животноводства – 174 599 млн руб. При этом размер господдержки составил 31286,9 млн руб. Следовательно, на 1 руб. полученной продукции размер господдержки составил 8,5 коп., т. е. размер поддержки равен 8,5%. Объем продукции сельского хозяйства за 4 года составил 73 680,3 тыс. т (табл. 4.17), объем поддержки – 31 286,9 млн руб. Следовательно, на производство 1 кг сельхозпродукции господдержка составила 42 коп.

Таблица 4.17

**Объем производства сельскохозяйственной продукции
в ДФО, 2008–2011 гг., тыс. т**

Год	Зерно- вые	Соя	Карто- фель	Овощи	Плоды, ягоды	Мясо	Молоко	Мед, т	Яйца*
2008	5042,2	4737,0	1315,9	3926,5	41,6	110,5	584,3	4060	1111
2009	5813,1	5887,9	1281,9	3888,4	46,4	119,7	596,3	2991	1127
2010	2937,0	7761,0	1286,2	4011,7	35,9	124,2	591,4	3721	1189
2011	6127,5	10830,	1286,4	4299,7	40,4	128,0	582,5	6288	1166
Итого	19919,8	29215,9	5170,4	16126,3	164,3	482,4	2354,5	17060	4593

Примечание. * Млн штук. 1 яйцо 50 г. 4593 млн шт. весят 229,6 тыс. т.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 / ФСГС. 2013.

¹ Об отчете исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2015 год: распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 января 2016 г. № 57-Р.

С увеличением государственной поддержки многие сельскохозяйственных организаций ДФО стали рентабельными, хотя продукция животноводства почти везде убыточна. Исключение составляет производство продукции животноводства в Приморском крае и Амурской области, где оно рентабельно (табл. 4.18).

Таблица 4.18

**Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)
сельскохозяйственных организаций, %**

Территория	Растениеводства					Животноводства				
	2005	2010	2012	2014	2015	2005	2010	2012	2014	2015
ДФО	-4,5	9,3	12,1	10,3	19,3	-15,3	-3,3	-6,8	-6,2	-7,5
Республика Саха (Якутия)	-36,6	-30,6	-41,9	-38,1	-54,5	-52,5	-32,6	-32,0	-36,0	-33,5
Камчатский край	11,5	16,4	11,9	17,0	24,0	-7,8	-2,2	-9,4	-6,3	-9,6
Приморский край	-2,6	6,6	3,1	13,2	11,6	17,5	12,4	8,1	2,9	-12,4
Хабаровский край	-14,5	-32,5	-	-	-100	-15,8	-7,6	-10,1	-9,1	-4,7
Амурская область	-1,0	19,4	21,8	15,2	30,6	-2,1	15,7	5,2	13,2	21,9
Магаданская область	-	-	-	-	-	-37,3	-23,6	-41,6	-15,3	-35,9
Сахалинская область	-5,1	-2,2	-4,0	-9,5	-13,6	-7,1	-5,5	-13,1	-18,6	-23,3
ЕАО	31,1	22,1	32,7	89,5	57,6	-26,3	-62,3	4,4	-	-100
ЧАО	-43,5	-19,4	-23,5	-25,9	-27,0	-27,8	-43,7	-48,5	-48,3	-43,4

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015–2016 / ФСГС. 2016.

В целом уровень рентабельности производства сельскохозяйственной продукции в сельскохозяйственных организациях повышается. Если в 2000 г. он был минус 15,5%, то в 2011 г. достиг плюса 13,8%. Необходимый же уровень рентабельности для сельскохозяйственных организаций экономистами определяется в 25–30%.

Доля убыточных организаций в округе по видам экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» остается большой и составляла: в 2013 г. 39,1%, в 2014 г. 40,1% и в 2015 г. 31,5%, изменяясь по регионам от 15% в Амурской области до 100% в Магаданской области.

С ростом производства, прежде всего сои, продукция растениеводства в ряде сельскохозяйственных организаций стала прибыльной, а продукция животноводства даже с учетом господдержки во многих предприятиях остается убыточной (табл. 4.18).

Таблица 4.18

**Сальдированный финансовый результат
сельскохозяйственных организаций ДФО, млн руб.**

Территория	Растениеводства					Животноводства				
	2005	2010	2012	2014	2015	2005	2010	2012	2014	2015
ДФО	81	915	1393	793	1874	362	947	789	487	466
Республика Саха (Якутия)	23	8	8	-1	-14	50	130	157	5	58
Камчатский край	28	-10	10	4	7	12	104	67	238	273
Приморский край	-13	144	-93	-196	-985	210	284	211	-188	-856
Хабаровский край	30	-11	-	-	7	-51	85	75	12	79
Амурская область	-12	609	1340	794	2336	27	249	155	444	821
Магаданская область	-	-	-	-	-	-0,2	6	-4	-1	-1
Сахалинская область	17	148	115	163	437	23	9	-2	-6	-41
ЕАО	14	28	13	27	86	-0,4	-10	0,0	-	-1
ЧАО	-6	-1	-0,4	2	-0,2	92	90	130	-17	-134

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015–2016 / ФСГС. 2016.

В рассматриваемый период доля ДФО в валовой продукции сельского хозяйства России почти не изменилась и составляла: в 1995 г. – 4,1%, в 2000 г. – 3,3, в 2005г. – 3,3, в 2006 г. – 3,5, в 2007 г. – 3,2, в 2008 г. – 3,0, в 2009 г. – 3,5, в 2010 г. – 3,7, в 2011 г. – 3,4, в 2012 г. – 3,4, в 2013 г. – 3,0, в 2014 г. – 3,5, в 2015 и 2016 гг. –3,2%.

Наблюдается снижение удельного веса сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта, которое по ДФО происходит быстрее,

чем в целом по России. С 2005 по 2016 г. по России он уменьшился с 5,2 до 4%, а по ДФО – с 5,7 до 3,2%. При этом по региону данный показатель в 2014 г. изменялся от 0,9% в Сахалинской области до 9,9% в Еврейской автономной области.

На рубеже XX–XXI в. передовые страны вступили в новую технологическую стадию информационно-биологического сельского хозяйства, которая характеризуется автоматизацией ключевых производственных процессов в растениеводстве и животноводстве. К сожалению, данный процесс почти не коснулся России. На федеральном уровне пока нет государственной агропродовольственной политики, рассчитанной на долгосрочную перспективу.

Однако в последнее десятилетие произошли некоторые технологические сдвиги, появились крупные агропредприятия, применяющие современные технологии и зарубежную технику. Но большая часть продукции по-прежнему производится в мелких хозяйствах населения, использующих преимущественно ручной труд и затратные технологии. Отрасль продолжает находиться в кризисном состоянии не только на Дальнем Востоке, но и в стране в целом¹. В ДФО в 2016 г. по сравнению с 1990 г. посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась на 32,6%. Объем производства сельскохозяйственной продукции в округе, как и в стране ниже уровня 1990 г.

Даже плановые цели Госпрограммы по производству сельскохозяйственной продукции в стране на 2020 г. не достигают уровня 1990 г. по таким важнейшим продуктам, как картофелю и молоку, а по мясу практически совпадают с ним. Объясняется это многими причинами, основными из них являются: резкое сокращение финансирования отрасли, разрушение производственной структуры. В период реформ власти решили не бросать средства в «черную дыру» и от слов перешли к делу, в 10 раз сократили средства на поддержку аграрного сектора. Перекачка ресурсов из сельского хозяйства в другие сектора экономики усилилась².

Медленный рост сельскохозяйственного производства как в ДФО, так и в целом в стране обусловлен хроническим недофинансированием аграрного сектора. До настоящего времени в стране подавляющая часть вновь созданной в сельском хозяйстве стоимости поступает в другие сектора и сферы экономики. «В целом за 2009-2012 гг. только по расчетам на товарную про-

¹ Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 63–83.

² Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М., 2013. 225 с.

дукцию сельского хозяйства государство и субъекты монопольного окружения села «выкачивали» из отрасли в среднем за год по 1,3 трлн руб. вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения 1/10 этой суммы, причем непосредственно производители получили менее ¼ этих назначений. Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населения.... Российский сельхозтоваропроизводитель при выручке в 4–5 раз меньше, чем в ЕС, платит налогов всего в 2 раза меньше»¹.

Наблюдается опережающий рост цен на промышленную продукцию по сравнению с сельскохозяйственной. За 1991–2008 гг. в ДФО цены на приобретаемую промышленную продукцию выросли в 697,9 раза, а на реализованную сельскохозяйственную продукцию всего в 74,2 раза². Не очень изменилось это соотношение и в последующие годы. В настоящее время сельскохозяйственные производители затрачивают на покупку трактора, комбайна в 5-8 и более раз больше зерна, молока, мяса, чем до начала реформ. Это главный, но не единственный канал фискальных изъятий из аграрного сектора. Посредники, переработчики и непосредственно государство изымает у него почти весь созданный в отрасли чистый доход и примерно половину общественно необходимой оплаты, что составляет по стране на товарную продукцию отрасли 200 млрд руб. в год, а с учетом изъятия земельной ренты (которая в соответствии с преобладанием частного сектора должна оставаться в сельском хозяйстве) в 2 с лишним раза больше.

«Доля аграрной составляющей консолидированного бюджета России за 1990–2012 гг. снизилась с 14% до мизерных 1,2% против, например, 10% госбюджета Беларуси и 37% в ЕС.... Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в Евросоюзе – почти в 19 раз выше»³. Доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора в их общем объеме по народному хозяйству снизилась за 1990–2011 гг. в текущих ценах с 17,8 до 4,5%. До 1988-1990 гг. на долю государства приходилось более половины

¹ Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 100–124.

² Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58–70.

³ Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 117.

капвложений в аграрный сектор. Теперь при фактической убыточности отрасли, доля государственных инвестиций снизилась до 2%.

Современные фактические размеры господдержки сельского хозяйства в России лишь в малой доле компенсируют убыточность сельского хозяйства, тогда как модернизационная направленность развития отрасли предполагает обеспечение оптимального для необходимых накоплений уровня рентабельности (25–30%).

Сегодня сельскохозяйственные товаропроизводители работают в условиях жесткой конкуренции, чего нельзя сказать об энергетике, промышленности и некоторых отраслях экономики. В итоге сельское хозяйство оказалось зажатым между поставщиками средств производства, диктующими монопольно высокие цены, и посредниками, не допускающими в полном объеме до аграриев финансовые потоки от продаж продуктов питания. В США введено понятие «паритетный индекс цен». В течение более 100 лет он контролируется государством, мониторинг ведется по всей номенклатуре продукции. В России в настоящее время никакого паритетного индекса цен нет. ГСМ, сельхозтехника, минеральные удобрения, электроэнергетика и газ никак не связаны с ценами на продукцию аграрного сектора¹.

Все это привело к глубокому и продолжительному кризису сельского хозяйства. Современный объем производства сельскохозяйственной продукции еще даже не достиг уровня 1990 г. Оплата труда его работников в результате реформ в ДФО резко упала и изменяется по отдельным регионам от 36 до 68% от средней по экономике.

В это же время в США в результате целенаправленной и благоприятной для фермеров аграрной политики, доходы и качество жизни сельского населения из года в год улучшаются. Среднедушевой доход американских фермеров значительно выше такого показателя для среднестатистического жителя страны. Так в 2008 г. он составил 78,8 тыс. долл., что на 15% выше среднего дохода (68,4 тыс. долл.) всех американских домашних хозяйств.

Дальневосточное село переживает системный кризис, который проявляется, прежде всего, в ухудшении демографической ситуации в сельской местности и увеличении разрыва в уровне жизни между городом и селом. Основными причинами кризиса села и оттока населения является низкая оплата труда, слабая обеспеченность жильем, объектами производственной и социальной инфраструктуры, услугами. За последние 20 лет в ДФО сеть участковых больниц сократилась на 22%, количество детских садов, клубов

¹ Абалкин Л. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 4–14.

и домов культуры – почти на 50%. Обеспеченность сельского населения врачами в 3,5 раза ниже по сравнению с городским. С 2000 г. в округе исчезло почти 200 деревень. В целом социальная и инженерная инфраструктура села, равна, как и технологический уровень отрасли в регионе, остается в тяжелом состоянии. Из-за отсутствия необходимых условий жизни в деревне до 80% молодых специалистов, оканчивающих соответствующие вузы, предпочитают уходить в другие отрасли экономики, часто на простые, но высокооплачиваемые места в городах, чем работать в селе. В 2013 г. уровень сельской безработицы равнялся 11%. При этом до 10% он был в Камчатском крае, в Магаданской и Сахалинской областях, в Чукотском автономном округе, а в остальных субъектах Федерации округа находился в пределах 10–20%.

Государственное регулирование сельского хозяйства применяется почти во всех странах мира, особенно в США, странах Западной Европы, Канаде, Японии. Ни в какой другой отрасли экономики этих стран нет столь значительного, глубокого и многостороннего регулирования, как в сельском хозяйстве. Размеры государственных субсидий достигают 70–80% стоимости сельскохозяйственной продукции (Норвегия, Япония, Швейцария), 49% (ЕС), 45% (Канада), 30–35% (США)¹. Следовательно, успех западноевропейской, как и американской, аграрной политики «покоится вовсе не на идеях анархического рынка с «минимизацией роли государства», а на мощном государственном регулировании и финансировании сельского хозяйства». Это положение подтверждено и опытом Китая. Творческое преломление этого урока на российской почве – один из императивов возрождение России как мощной аграрной державы.

4.3. Проблема самообеспечения населения Дальнего Востока сельскохозяйственными продуктами

Состояние сельского хозяйства сказывается как на производстве сельскохозяйственной продукции, так и на объеме их потребления населением. В 1980-е гг. наблюдался рост объема производства сельскохозяйственной продукции и в 1986–1990 гг. среднегодовое производство в расчете на каждого жителя ДФО достигло 142 кг зерна, 196 кг молока и 288 шт. яиц. В 1990 г. потребление ряда продуктов питания собственного производства приближалось к научно обоснованным нормам. В 1990-е гг. с резким сниже-

¹ Аксенова Л.А. Зарубежный опыт государственной аграрной политики // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 65–75.

нием общего объема производства сельскохозяйственной продукции резко снизилось производство в расчете на жителя округа, и упал объем потребления продуктов населением. Затем с ростом общего объема сельскохозяйственного производства, производство на жителя региона изменялось по различным продуктам по разному, а потребление продуктов населением увеличилось, однако по молоку и молочным продуктам оно еще не достигло уровня 1990 г. и тем более рекомендуемым нормам потребления. В 2015 г по сравнению с 2014 г. показатели, как по производству, так и по потреблению на душу населения уменьшились. Показатели за 2016 г. существенно не отличаются от аналогичных за 2015 г. (табл. 4.20 и 4.21). Даже существующий уровень потребления продуктов на Дальнем Востоке достигается в значительной мере за счет завоза товаров из европейских регионов России и импорта.

Таблица 4.20

**Среднегодовое производство продукции сельского хозяйства
в 1986–2016 гг. в ДФО (всего в тыс. т, на 1 чел. в кг)**

Продукция	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2012	2014	2015	2016
Зерно, всего	1115	891,9	487,1	390,0	474,7	546,8	773,3	684,7	697,2
На 1 чел.	142	113	69	58	73	87	124	110	113
Картофель, всего	1331,3	1347,9	1484,0	1621,4	1254,3	1318,7	1304,8	1189,2	1118,6
На 1 чел.	170	171	208	248	193	211	210	192	180,7
Овощи, всего	465,1	368,1	459,1	513,1	381,4	433,7	450,2	401,1	413,8
На 1 чел.	59	47	64	77	59	69	72	65	67
Мясо, всего	339,6	237,3	97,8	90,2	111,5	128,4	130,9	123,9	126,3
На 1 чел.	43	30	14	14	17	21	21	20	20
Молоко, всего	1537,6	1148,6	699,0	621,9	581,5	571,8	536,4	537,2	535,9
На 1 чел.	196	146	98	93	90	91	86	87	87
Яйца, млн шт.	2260,5	1551,3	826,3	932,0	1121,9	1184,7	1191,0	1175,2	1173,3
На 1 чел., шт.	288	197	116	144	173	189	192	189	190

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015–2016 / ФСГС. 2016; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 году / Росстат. М., 2017. 78 с.

Таблица 4.21

Потребление продуктов питания на душу населения в ДФО, кг/год

Продукты	Норма*	1990	1995	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015
Хлебные	120	114	105	107	115	116	116	117	117	116
Мясо и мясопродукты	99	73	52	46	59	72	78	79	78	77
Молоко и молокопродукты	437	363	183	148	169	190	192	196	193	191
Яйца, шт.	250	284	150	164	213	239	244	246	251	246
Картофель	130	98	124	126	122	122	125	125	128	125
Овощи и бахчевые	115	102	70	85	96	106	109	110	112	110
Ягоды и фрукты	67	66	50	30	45	60	64	64	65	64

Источники: * Константинов А.А. Дальневосточная кухня (физиологические особенности питания населения Дальнего Востока). Хабаровск, 1990. 256 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015–2016 / ФСГС. 2016; Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 году / Росстат. М., 2017. 78 с.

Фактически в группе населения с наименьшими доходами потребляется мяса и мясопродуктов в 2,5 раза меньше, чем группе с высокими доходами, соответственно молока и молокопродуктов – в 2,1, овощей – в 2,2, фруктов и ягод – в 3,9 и яиц – в 1,7 раза. Из-за низких доходов сельских жителей многие продукты для них оказались недоступными¹. Индекс Энгеля – доля затрат на продовольствие в совокупных затратах населения – составляет более 50%, когда в развитых странах он меньше 20, а в США – всего 12%.

Показатели потребления различных продуктов на душу населения по регионам значительно разнятся (табл. 4.22).

В последние годы наивысшие показатели потребления на душу населения имеют: по хлебным продуктам – Республика Саха (Якутия) и Амурская область, по мясу и мясопродуктам – Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область, по молоку и молочным продуктам – Республика Саха (Якутия) и Магаданская область, по картофелю – Еврейская автономная и Амурская области, по овощам и бахчевым культурам – Амурская область и Хабаровский край и яйцам – Амурская область и Хабаровский край. При этом ни один регион ДФО не имеет необходимого обеспечения своего населения основными продуктами питания.

¹ Шелепа А.С. Аграрная политика региона в современных условиях. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2004. 174 с.

Таблица 4.22

**Потребление продуктов питания на душу населения
по регионам ДФО, кг/год**

Территория	2005	2010	2012	2014	2015	2005	2010	2012	2014	2015
	Мясо и мясопродукты					Молоко и молокопродукты				
Республика Саха (Якутия)	82	88	89	88	87	283	287	282	281	275
Камчатский край	58	71	75	74	71	133	164	171	171	167
Приморский край	47	67	75	80	82	109	148	151	157	162
Хабаровский край	64	77	81	80	76	189	207	208	202	199
Амурская область	48	57	63	65	64	149	155	167	174	179
Магаданская область	65	71	76	82	767	208	231	236	260	256
Сахалинская область	72	87	91	86	84	192	198	195	174	144
ЕАО	43	51	55	54	53	165	187	192	186	187
ЧАО	35	53	51	51	46	59	73	59	109	105
	Яйца					Картофель				
Республика Саха (Якутия)	192	222	223	225	224	92	82	85	85	84
Камчатский край	149	165	192	198	204	98	85	85	84	83
Приморский край	186	222	231	248	260	119	124	132	141	132
Хабаровский край	256	263	265	265	242	135	143	142	142	143
Амурская область	274	307	310	316	276	149	144	144	146	147
Магаданская область	176	200	207	216	218	67	71	76	75	76
Сахалинская область	200	224	228	241	263	130	121	126	125	123
ЕАО	212	225	225	192	191	174	180	182	179	180
ЧАО	152	177	177	147	151	65	51	41	59	44
	Овощи					Хлебные продукты				
Республика Саха (Якутия)	76	74	75	77	77	134	135	135	135	135
Камчатский край	96	104	106	110	111	97	100	101	102	102
Приморский край	102	112	115	122	113	98	105	105	106	107
Хабаровский край	110	118	122	123	125	126	123	123	121	117
Амурская область	100	123	130	127	132	133	121	127	135	135
Магаданская область	71	84	87	88	87	106	115	115	120	122
Сахалинская область	75	89	94	101	101	97	103	97	94	93
ЕАО	118	132	134	113	112	127	135	133	127	118
ЧАО	15	12	14	26	26	58	65	65	61	60

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / ФСГС. 2015.

Наилучшие результаты по потреблению продуктов на душу населения имеют Амурская область и Республика Саха (Якутия). Наихудшие результаты по потреблению всех основных видов продуктов имеет Чукотский автономный округ. Есть основания полагать, что данный округ имеет наивысшие показатели по потреблению на душу населения мяса морского зверя, рыбы и дикорастущих ягод, которые не находят отражения в статистике.

Исходя из научно обоснованных норм потребления продуктов на душу населения, в ДФО за счет собственного производства обеспеченность по разным продуктам весьма различная (табл. 4.23).

Таблица 4.23

Среднегодовая обеспеченность сельскохозяйственными продуктами на душу населения за счет собственного производства в ДФО

Продукт	Норма, кг	1986–1990		2000–2005		2016	
		произведено, кг	обеспеченность, %	произведено, кг	обеспеченность, %	произведено, кг	обеспеченность, %
Мясо и мясопродукты	99	43	43,4	14	14,1	20	20,2
Молоко и молокопродукты	437	196	44,9	93	21,3	87	19,9
Картофель	130	170	130,8	242	186,2	181	139,2
Овощи, бахчевые	115	59	51,3	77	67,0	67	58,3
Яйца, шт.	325	288	88,6	144	44,3	190	58,5

Источник: расчет автора с использованием: Российский статистический ежегодник. 2005 / Росстат. М., 2006. 819 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / Росстат. М., 2016. 1266 с. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 году / Росстат. М., 2017. 78 с.

По всем продуктам, кроме картофеля, самообеспеченность населения округа низкая. При этом по мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, а также яйцам показатели самообеспеченности были самые высокие в 1986–1990 гг., в 2000–2005 гг. они резко снизились, а к 2016 г. по мясу и яйцам значительно возросли, а по молоку продолжали снижаться.

По картофелю и овощам наивысшие показатели были в 2000–2005 гг., затем несколько снизились, в 2016 г. самообеспеченность по овощам даже превышает уровень 1986–1990 гг. С самообеспеченностью населения картофелем и зерном положение особое. Они широко используются в животноводстве, и их недостаток тормозит развитие животноводства, особенно сви-

новодство. Для полного обеспечения потребностей округа в картофеле его производство должно составлять минимум 300–350 кг на человека. А для того, чтобы обеспечить потребности общества в хлебе и хлебобулочных изделиях, продуктах животноводства, иметь надежные запасы и активно торговать продовольствием на мировом рынке, необходимо производить на каждого жителя страны не менее одной тонны зерна в год¹. Конечно, в условиях Дальнего Востока производство такого количества зерна проблематично. За последние 46 лет в ДФО производство зерна на одного человека максимальным было в 1976–1980 гг. (218,3 кг). В настоящее время в округе производится преимущественно фуражное зерно. В ближайшей перспективе производство зерна в ДФО возможно увеличить до уровня 1976–1980 гг., т. е. в 2 раза больше чем в 2016 г.

В ДФО имеются природные условия для полного удовлетворения населения широким ассортиментом овощей. Необходимо не только увеличить валовый сбор, как в открытом, так и закрытом грунте, но и изменить структуру выращивания овощных культур. Их размещение в значительной степени обуславливается различными требованиями к теплу, влаге и другим условиям. Наиболее ценные теплолюбивые культуры помидоры, баклажаны, перцы и другие – успешно произрастают только в южных районах. А такие культуры как капуста, свекла, морковь, менее требовательны к теплу, произрастают в более северных районах. Поэтому в южных районах надо шире развивать товарное производство теплолюбивых культур и покрывать потребность населения северных районов в них.

Обширные естественные кормовые угодья региона позволяют развивать животноводство, в первую очередь в значительной степени увеличить производство говядины, в северных районах – оленины, а в Республике Саха (Якутия) и конины. В Чукотском автономном округе из 25 предприятий, ведущих сельскохозяйственную деятельность, 16 – оленеводческие. С 2006 г. в округе возобновился промышленный забой оленей, для чего были закуплены два высокотехнологических комплекса по забою и первичной переработке мяса.

Животноводство непосредственно связано с растениеводством, дающим первичный продукт растительной массы, перерабатываемой животными во вторичные высокоценные продукты. Используя естественные кормовые угодья и увеличивая производство зерна и картофеля возможно увеличение по сравнению с показателями 1986–1990 гг. производства мяса и мо-

¹ Кулик Г. Восстановить производство зерна – важнейшая задача для России // Крестьянские ведомости. 2011. 16 февраля.

лока в 2 раза, а яиц в 1,5 раза и тем самым приблизиться к научно обоснованным нормам потребления населением этих продуктов и продовольственной безопасности в ДФО.

Согласно общепризнанным показателям ФАО, граничная доля импорта продовольственных ресурсов составляет примерно 17%. У нас она в среднем в 2 раза больше. Япония обеспечивает население собственным рисом на 100%. И это при том, что затраты на производство риса в Японии в 7 раз выше по сравнению с другими рисопроизводящими странами. Экономическая доступность риса для японцев обеспечивается за счет 87%-го уровня поддержки аграрных цен. Установлено, что если доля импорта продовольственных товаров превышает пороговую величину на 10–15%, то его уже нельзя рассматривать как дополнение к внутреннему агропромышленному производству, поскольку он существенно подавляет его, сужает возможности развития, приводит потенциально к спаду производства.

Импорт сельскохозяйственных продуктов, сырья и продовольствия Россией в 2013 г. увеличился по сравнению с 2000 г. в 8,6 раз и составил 43,1 млрд долл., что превышает экспорт данной продукции в 2,7 раза (16,2 млрд долл.). В 2015 г. импорт данных товаров сократился в 1,6 раза (до 26,6 млрд долл.), но он превосходит экспорт в 1,6 раза (16,2 млрд долл.). Импортируя продовольствие в больших объемах за счет продажи природных ресурсов, Россия в определенной мере финансирует не отечественных, а зарубежных товаропроизводителей, способствуя тем самым захвату ими российского продовольственного рынка. Расходы по импорту многократно превышают объем господдержки аграрного сектора. Миллиарды долларов, потраченные на закупку и обслуживание импорта продовольствия, это, по существу, нереализованные инвестиции в развитие отечественного агропромышленного производства. Очевидно, что ставка на импорт неправильна даже по сугубо экономическим мотивам, не говоря уж о политических соображениях.

4.4. Особенности развития сельского хозяйства в условиях ВТО и импортозамещения

Ситуация на продовольственном рынке в ДФО, как и в стране в целом, осложнилась после вступления в 2012 г. России в ВТО. Меры поддержки отечественного АПК вопреки обещаниям правительства приняты не были. Отечественные производители сельхозпродукции стали конкурировать на внутреннем рынке с высокосубсидируемой импортной продукцией. Ведь 40% дохода фермеров в Европе обеспечены бюджетными дотациями, а в

России – 3%. В России самый низкий уровень господдержки среди экономически развитых стран, в которых сельское хозяйство является одной из самых защищаемых отраслей. В процессе переговоров предложение России по поддержке аграрного производства снизилось более чем в 17 раз (с 75,3 до 4,4 млрд долл. к концу переходного периода. Это меньше чем в крохотной Швейцарии, для которой поддержка установлена на уровне 5,8 млрд долл.) и объемы поддержки отечественного производителя будут примерно в 25 и 33 раза меньше, чем соответственно в США и ЕС, хотя наша страна по био-климатическому потенциалу находится в заведомо худших условиях¹.

Мировой продовольственный рынок представляет собой рынок товаров, произведенных в лучших условиях наиболее эффективными производителями. А мировые цены – это цены, обеспечивающие на нем равновесие спроса и предложения. Предложение, в свою очередь, зависит от издержек производства, размещенного в наиболее подходящих почвенно-климатических зонах, а также экспортных субсидий, которые получают ведущие экспортеры продовольствия. Производители сельскохозяйственной продукции стран, находящихся в худших условиях либо функционируют с меньшей эффективностью, либо неизбежно должны прибегать к адекватным мерам защиты. К таким странам в силу природных условий и недостаточной эффективностью производства относится и Россия, тем более ДФО.

В настоящее время Россия значительно уступает большинству стран по уровню конкурентоспособности, масштабам поддержки АПК, а также по уровню тарифной защиты. Поэтому экономисты-аграрники считают, что вступление России в ВТО означает ее включение в несправедливую и неэффективную систему мировой торговли продовольствием. По оценке Р. Гумерова «...цели и задачи ВТО в принципе противоречат как долгосрочным, так и текущим интересам России в сфере агропромышленного производства»². Вступление России в ВТО сопряжено с рядом ограничений в отношении реализации национальной аграрно-продовольственной политики. Эти ограничения охватывают регулирование доступа к рынку, внутреннюю поддержку сельхозпроизводителей и экспортное субсидирование сельского хозяйства. В сложившейся ситуации часть наших аграрий сокращают свое производство, особенно в ДФО. Государство несет большие финансово-

¹ Гумеров Р. Штурм или отступление? (О перспективах отечественного сельского хозяйства в случае форсированного процесса присоединения России в ВТО) // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 22–34.

² Гумеров В. Обеспечение продовольственной безопасности страны: удался ли доктринальный документ? // Российский экономический журнал. 2010. № 2. С. 19.

экономические потери. В ДФО уже в 2012, 2013, 2015 и в 2016 гг. производство сельскохозяйственной продукции не увеличивалось, а сокращалось (см. табл. 4.15). А индекс потребительских цен ежегодно растет и составил: в 2012 г. 105,9%, в 2013 г. 108,1, в 2014 г. 114,2 и в 2015 г. 113,8%. При этом розничные цены на продовольственные товары только в 2013 г. выросли на 8,1%¹. В 2014-2016 гг. производство мяса и молока, от импорта которых особенно зависит Дальний Восток, еще уменьшилось, а темп роста розничных цен увеличился более чем в 2 раза, что привело к снижению покупательной способности населения региона. В Хабаровске с сентября 2015 г. по январь 2016 г. многие продукты подорожали более чем в 1,5 раза: соль и масло сливочное в 1,7 раза, мука – в 1,8, огурцы и чай – в 1,9, конфеты «Маска» – в 2,2 раза.

Чтобы не только сохранить, но и развивать сельское хозяйство в России, государство в рамках имеющихся у него инструментов и с учетом принятых обязательств должно отстаивать интересы отечественного производителя. Речь идет о принятии необходимых адаптационных и о расширении протекционистских мер. Россия должна построить новую модель помощи, используя правовые нормы ВТО. Важнейшим инструментом в ближайшие годы могут стать компенсации товаропроизводителям, хозяйствующим на земле, отнесенных к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства. То есть поддерживать не «желтую» корзину, по которой существуют жесткие ограничения, а «зеленую» корзину, по которой нет ограничений по поддержке. К ней относятся: развитие инфраструктуры, проведение научных исследований, подготовка кадров, благоустройство сельских районов, содействие структурным преобразованиям, программы охраны окружающей среды, программа страхования урожая, ветеринарные и фитосанитарные мероприятия, выплаты в случае природных катастроф, программы региональной помощи. К землям, отнесенным к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства, следует отнести почти все сельскохозяйственные угодья ДФО. С учетом особенностей возможности поддержки сельского хозяйства по различным корзинам и должна строиться государственная политика на Дальнем Востоке. При этом уровень отечественного производства продукции сельского хозяйства должен отвечать требованиям продовольственной безопасности.

¹ Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 106–140.

В 2014 г. в связи с введением США и ряда других стран экономических санкций против России и отчасти ответных мер России по ограничению импорта продовольствия из этих стран, остро встала проблема импортозамещения сельскохозяйственных продуктов. Курс на импортозамещение требует увеличения инвестиций в сельское хозяйство, в модернизацию производства, формирование благоприятного инвестиционного климата в стране. Эти вопросы пока решаются медленно, хотя первые шаги в данном направлении делаются.

Одним из путей привлечения инвестиций является сотрудничество с Китаем, который является важным торговым партнером России, особенно ДФО. С вступлением России в ВТО и политикой импортозамещения объем экспорта сельскохозяйственной продукции Китая в ДФО значительно вырос. Одновременно китайцы создают свое производство на территории ДФО, выращивают овощи, рис и другие культуры. В 2008 г. в Приморском крае им было официально отдано под возделывание сельскохозяйственных культур порядка 35 тыс. га (по неофициальным оценкам, иностранные производители используют до 40% приморских земель). Среди регионов ДФО наибольший удельный вес китайцев, работающих на земле, отмечен в Еврейской автономной области¹. За 2003–2007 гг. в сельское хозяйство ЕАО китайцами было инвестировано 1590,8 тыс. долл. В 2007 г. китайцы занимались сельскохозяйственным производством на площади 15,9 тыс. га арендованной земли, на которой выращивали сою, кукурузу, зерновые и овощи. В 2007 г. они осуществляли откорм 2,5 тыс. голов свиней.

В 2015 г. Китай и Россия создали Сельскохозяйственный инвестиционный фонд с уставным капиталом 2 млрд. долл. В 2015 г. была достигнута договоренность о ввозе в Китай продуктов растениеводства, произведенных на территории Российской Федерации. Китай официально разрешил ввоз российского зерна, выставив условия по регионам выращивания ряда культур. Кукуруза, соя, рис и рапс согласно этим решениям должны быть выращены на территории Хабаровского, Приморского и забайкальского краев, амурской области и Еврейской автономной области.

В 2016 г. подписано акционерное соглашение о создании Российско-Китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР). Согласно данному документу капитал фонда составит до 10 млрд долл., на первом этапе – 13 млрд руб. На всех этапах развития 90% капитала формируют китайские инвесторы, 10% – русские. При этом Фонд развития

¹ Абашева Е. Вокруг земли. Горизонты хозяйствования на земле расширяются // Дальневосточный капитал. 2009. № 6. С. 14–19.

Дальнего Востока получит 51% в управляющей компании РКФАР. На новых сельхозпредприятиях не менее 80% рабочих мест займут россияне, а доля иностранных работников не должна превышать 20%. На первом этапе планируется реализовать более 20 инвестиционных агропроектов в сфере растениеводства, животноводства, аквакультуры, переработки и реализации аграрной продукции, а также для развития агропромышленной инфраструктуры. Обязательное условие для бенефициаров фонда – использование современных аграрных технологий, обеспечивающих неистощимое использование земли.

В сотрудничестве ДФО с КНР в области развития сельского хозяйства необходимо учитывать возможные негативные последствия политики КНР, направленной на долгосрочную аренду российских сельскохозяйственных земель. Это может постепенно привести к вытеснению отечественных производителей с рынка сельскохозяйственной продукции округа, поставить под угрозу его продовольственную и экологическую безопасность, так как использование китайскими производителями запрещенных в РФ химикатов и пестицидов делает землю непригодной для выращивания сельскохозяйственной продукции в течение 70–100 лет.

Япония заинтересована в импорте пшеницы из России, но пока эта торговля не развита¹. Япония активизирует свой агробизнес на Дальнем Востоке. В 2016 г. состоялось открытие первой очереди тепличного комплекса по производству овощей (огурцы и помидоры), построенного совместной русско-японской компанией «Джей Джи Си Эвенгрин», Комплекс подключен ко всей необходимой инфраструктуре, в нем используются самые современные технологии. Один квадратный метр теплицы даст 80 кг продукции. На первом этапе от теплицы ждут до 1400 т продукции в год. В ближайшее время планируется возвести и запустить в производство еще один тепличный комплекс в 2,5 га и третью очередь в 5 га. При этом ежегодные объемы производства возрастут до 5600 т. Кроме огурцов и помидор планируется выращивать зелень, перец и клубнику. Общая стоимость проекта превысит 2 млрд руб. Процесс выращивания продукции идет под присмотром компьютеров: полив, подача питательных растворов, освещение «день-ночь». Первую продукцию уже продают в Хабаровске, в перспективе она пойдет в другие регионы Дальнего Востока.

Республика Корея также проявляет интерес к развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Республика Корея активно развивает сотруд-

¹ Сухомиров Г.И., Заостровских Е.А. Региональный зерновой рынок: Сибирь и Дальний Восток // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 56–71.

ничество с Приморским краем в области агропромышленного комплекса. Только за первые семь лет работы ООО «Агро Санг Сэнг» инвестировало в сельское хозяйство края порядка 55 млн долл. Приморский край рассматривается как источник кормовой базы для корейского животноводства. Корейцы восстанавливают в крае рисовые чеки, выращивают рис и продают его в различных регионах России от Сахалина до Новосибирска¹.

Помимо привлечения иностранных инвестиций российский бизнес также вкладывает свои средства в сельское хозяйство. В области растениеводства в ДФО разворачивается строительство тепличных комплексов. В Хабаровском крае в 2015 г. площадь теплиц увеличилась почти в 10 раз. В Хабаровске ООО «Аграрные технологии будущего» построило завод по производству салатной зелени (салат, базилик, горчица и другие травы).

В ДФО развиваются предприятия и животноводческого направления, в частности «Амурский бройлер», «Хабаровский бройлер», «Племптице завод «Хабаровский», Благовещенский молочный комбинат, Некрасовский свиноводческий комплекс. В Республике Саха (Якутия) благодаря реализации мероприятий по импортозамещению восстановлено бройлерное производство Нерюнгринской птицефабрики: в 2015 г. произведено 2171,6 т мяса птицы, что в 2,3 раза больше уровня 2014 г.

Несмотря на некоторые успехи в импортозамещении некоторых продуктах, данная проблема остается острой, особенно в насыщении рынка продуктами животноводства. Наши аграрии пока не почувствовали эффекта от сокращения импорта в Россию продовольственных товаров. Многие из них не могут пробиться к прилавкам магазинов со своей продукцией; европейские товары на наших прилавках уступили место латиноамериканским или азиатским, особенно китайским. Фермер Ф. Алгусейнов, который содержит 500 голов скота и ежедневно поставляет хабаровчанам свежую экологически чистую продукцию (молоко, творог, сметану, брынзу, мясо) в газете «Тихоокеанская звезда» от 2 марта 2016 г. пишет, что на словах все за импортозамещение, а фактически чиновники часто мешают работать. Он призывает государство помогать фермерам, защищать их от «лихих администраторов, спекулянтов и перекупщиков». В настоящее время подавляющая часть государственных средств, предназначенных для развития сельского хозяйства идет в агрохолдинги, банки, а до крестьян не доходит.

Развивая ускоренными темпами отечественное сельхозпроизводство, необходимо на продовольственном рынке активизировать политику импор-

¹ Абашева Е. Вокруг земли. Горизонты хозяйствования на земле расширяются // Дальневосточный капитал. 2009. № 6. С. 14–19.

тозамещения, ограждая отечественного производителя пошлинами от продаваемых продуктов по демпинговым ценам. Требуется ужесточить контроль качества завозимых в страну продуктов, вводя новые стандарты, ГОСТы. Однако санкции на импорт продовольствия в Россию из ряда стран Запада и стремление на импортозамещение изменяют к лучшему положению в сельском хозяйстве только при условии активной государственной поддержке отрасли. К сожалению, фактический размер инвестиций в аграрный сектор ДФО в 2014 г. был меньше чем в 2013 г. на 3,7%, а по сравнению с 2011 г. меньше на 4,8% (см. табл. 4.6). Значительное увеличение инвестиций в 2015 г. произошло за счет их роста по «лесному хозяйству».

В результате сокращения инвестиций в аграрный сектор и снижения производства сельскохозяйственной продукции ввоз основных видов пищевых продуктов в ДФО остается довольно большой (табл. 4.24).

Кроме того, наше сельское хозяйство по-прежнему зависимо от импортных составляющих: семена, средства защиты растений, упаковку и оборудование мы практически полностью закупаем за рубежом. Даже в социально значимых товарах высока доля валютной составляющей. Например, в себестоимости простой вермишели она доходит до 88%, а в овощах – до 75%.

Таблица 4.24

Ввоз пищевых продуктов в ДФО в 2005-2015 гг., т

Продукт	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Мясо и мясо птицы	3370,9	9794,2	14724,4	37330,0	40379,0	37843,0	45568,0
Консервы мясные, тыс. условных банок	4659,9	15176,7	19015,7	17896,6	18408,5	23770,4	21704,1
Колбасные изделия	2813,1	19097,8	21884,3	17491,0	19622,1	19509,6	19379,6
Сыры и продукты сырные	1936,5	2449,5	2448,3	1685,6	1724,6	2518,3	2019,0
Масло сливочное	664,0	1114,5	1093,7	1187,6	848,3	1637,3	1318,9
Мука, тыс. т	261,6	278,6	242,8	250,4	248,0	218,1	310,9
Крупа	15487,1	38944,0	23559,0	22551,5	26099,1	25162,1	20606,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015–2016 / ФСГС. 2016.

Итак, вступление России в ВТО и введение санкций негативно отразилось на производстве сельскохозяйственной продукции и доступности продовольствия для малообеспеченных слоев населения в ДФО.

Решение проблемы самообеспечения ДФО основными продовольственными товарами кроется, прежде всего, в создании механизмов стимулирования модернизации сельскохозяйственного производства и регулирования рынка, в первую очередь на уровне государства.

Подготовленные Минсельхозом РФ изменения Госпрограммы развития сельского хозяйства до 2020 г. предусматривают снижение в стране доли импорта к 2020 г. по мясу с 21,6 до 7,7%, по молоку и молочным продуктам – с 23,6 до 16,6%, по фруктам – с 57 до 20%, по овощам – с 14,6 до 10,1%. В Госпрограмме приоритет отдается мясному скотоводству и тепличному хозяйству.

В ДФО к 2020 г. за счет местного производства возможно полное обеспечение потребностей населения картофелем и овощами. Концепция многофункциональной роли сельского хозяйства настаивает на существовании ряда целей развития сельскохозяйственного производства, отличных от утверждения свободной торговли как фундаментальной цели ВТО, но имеющих не менее существенное значение для роста в конкретных странах национального богатства и благосостояния населения; к числу таких целей относятся, прежде всего, охрана окружающей среды, поддержание жизнеспособности сельских регионов (устойчивости сельской местности) и борьба с бедностью.

Для коренного изменения ситуации в области продовольственной безопасности, Р. Гумеров логично предлагает вывести мировую торговлю продовольствием из-под юрисдикции ВТО и сосредоточить функции по координации аграрного развития в ФАО, отказаться от идеи приоритета торговых целей в развитии сельского хозяйства, а исходить из признания вспомогательной функции мировой торговли. Так как продовольствие – товар приоритетного повсеместного и постоянно растущего спроса, и его воспроизводство не может ориентироваться на реализацию принципов сравнительных конкурентных преимуществ. При этом требуется снять любые ограничения на поддержку национальных производителей и защиту внутренних продовольственных рынков в рамках имеющихся внутренних ресурсов, стимулировать возврат в хозяйственный оборот деградированных сельхозугодий и вовлечение новых земель, а также осуществлять на межстрановой основе прямое финансирование разработок и внедрение новых технологий возделывания сельскохозяйственных растений и выращивания животных¹.

¹ Гумеров Р. Всемирная торговая организация – источник угроз глобальной продовольственной безопасности // Российский экономический журнал. 2010. № 5. С. 34–43.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности страны не только аграрная, сколько комплексная, связанная с макроэкономическим развитием государства, его возможностями осуществления социально ориентированной политики, повышения жизненного уровня населения. Основой укрепления продовольственной безопасности России является повышение эффективности функционирования отечественного АПК.

4.5. Перспективы развития сельского хозяйства Дальнего Востока

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, которая заключается в том, что Россия, вполне самодостаточная по основным видам ресурсов – земельным (половина мировых черноземов, 8,9% мировой пашни), водным (22% пресной воды), энергетическим (одна из ведущих стран по добыче нефти и газа), сырьевым (8,2% производства минеральных удобрений) и трудовым (26% сельского населения) – пока не обеспечивает свое население полноценным продовольствием за счет собственного производства, а восполняет хронический дефицит крупномасштабным импортом даже тех его видов, которые способна производить в достаточном количестве не только для внутреннего потребления, но и для поставки на мировой агропродовольственный рынок. По мнению Е.Ковалева, если умело соединить все эти ресурсы в производственном процессе на базе рыночной экономики, то не исключено, что сельское хозяйство станет вторым или третьим (после энергетики и «оборонки») источником доходов для страны¹.

Еще в 2008 г. Р. Гумеров писал, что ныне сформировались необходимые и достаточные предпосылки постановки принципиально новых, подлинно «амбициозных» целей развития российского АПК, принципиально реализуемые на основе применения современных алгоритмов долгосрочного стратегического планирования. Во-первых, общемировая тенденция роста потребительского спроса на продовольствие. Во-вторых, разворачивающийся мировой продовольственный кризис, на фоне которого относительно высокие издержки производства отечественной сельхозпродукции перестают выступать лимитирующим фактором его развития и стимулом наращивания агроимпорта. В-третьих, – высокий агроэкономический потенциал российского сельского хозяйства при двухпроцентной доли населения мира. В-четвертых, – очевидные геополитические мотивы хозяйственного освоения территории страны и перелома тенденции миграции сельского населения в

¹ Ковалев Е. Обострение мировой продовольственной ситуации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 21–29.

города. В-пятых, накопленные в различных госрезервных фондах золотовалютные средства, пока используемые контропродуктивно¹. В настоящее время к вышесказанному следует добавить возросшую необходимость ускоренного развития сельского хозяйства в условиях санкций и импортозамещения на продовольственном рынке.

Сельское хозяйство России, в частности ДФО, по определению необходимо развивать. Даже в самых худших условиях производить сельскохозяйственную продукцию на наших землях будут. Наши огромные сельскохозяйственные площади – такой же стратегический ресурс, как газ, нефть, полезные ископаемые, пресная вода. Они не могут не использоваться в массовом масштабе, поскольку продовольствия в мире хронически не хватает. В настоящее время только Россия, Канада и частично Бразилия имеют возможности значительного наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции без ущерба для экологии. Поэтому продукция российских земель будет всегда востребованной².

Наше сельское хозяйство обладает определенными конкурентными преимуществами. Основное из них – масштабное земледелие, сохранившее оттенок реликтового. Хотя в последние десятилетия мы плохо обращались с землей, отчего отмечается падение естественного плодородия и развитие эрозионных процессов, однако слабое использование агрохимикатов (на порядок меньше, чем в развитых странах) и других направлений интенсификации сельского хозяйства позволило сохранить российские угодья, в основном, в первозданном виде. Эти земли во многих случаях пригодны для производства экологически чистой продукции. Данное обстоятельство делает сельское хозяйство единственной отраслью отечественной экономики, способной производить возобновляемые конкурентоспособные товары и выгодно выделяет его из отраслей, приносящих стране доходы (нефтяная, газовая, горнодобывающая), но возможности которых в обозримом будущем будут исчерпаны.

Чтобы коренным образом изменить ситуацию в сельском хозяйстве необходимо от декларации государственных мер по приоритетному развитию отрасли перейти к реальным изменениям в аграрной политике, направленном на обеспечение действительного приоритета в развитии сельского хозяйства, комплексного технико-технологического преобразования агро-

¹ Гумеров Р. Что делать с «приоритетным национальным проектом» развития агропромышленного комплекса? // Российский экономический журнал. 2008. № 3–4. С. 3–14.

² Голубев А. Посткризисное развитие сельского хозяйства России // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 131–135.

промышленного производства и модернизации социальных условий жизнедеятельности в сельской местности.

Необходимы изменения финансово-экономических отношений с селом по всем аспектам условий производства и жизни, преобразование материально-технической базы и социальных условий сельского населения. В последние годы в России на долю АПК приходится 6,5–8,5% ВВП, в нем сосредоточено 3,4% основных производственных фондов и трудится почти 11% всех занятых в экономике, он формирует свыше 45% розничного товарооборота. Более чем 50 отраслей экономики сопряжены с аграрной сферой. Из 15 укрупненных промышленных отраслей, выделенных в межотраслевом балансе, 10 имеют производственные связи типа «продукт-продукт» с сельским хозяйством. Значит любые (как позитивные, так и негативные) социально-экономические подвижки в сельском хозяйстве продуцируют соответствующие изменения в отмеченных смежных отраслях. Данные мультипликационные эффекты непосредственно не улавливаются официальной статистикой, однако они значительны. По оценкам, деятельность одного российского сельскохозяйственного работника обеспечивает не менее шести несельскохозяйственных рабочих¹.

В настоящее время для успешного развития сельского хозяйства необходимо резкое увеличение прямой бюджетной поддержки отечественного АПК с учетом лучшей мировой практики и состояния мирового рынка продовольствия. Пока эта поддержка мала. Она в России на порядок ниже, чем в странах ЕС и США, где помощь направлена на поддержку хорошо развитого сельскохозяйственного производства. При этом средняя природная продуктивность гектара сельхозугодий в США в 2,7 раза выше, чем в РФ (не говоря об абсолютном наполнении каждого процента). Необходимо законодательно закрепить нижнюю границу госрасходов на поддержку АПК не менее 5% совокупных расходов федерального бюджета и установить минимальную квоту средств Инвестиционного фонда РФ, направляемых на реализацию проектов в агросфере.

За счет государственных инвестиций федерального и регионального уровня должна осуществляться мелиорация земель, проводиться землеустройство, подготовка кадров, научное обеспечение отрасли, развиваться производственная и социальная инфраструктура села. Важнейшим направлением в совершенствовании экономических условий деятельности аграрного

¹ Алтухов А. Продовольственная безопасность как фактор социально-экономического развития страны // Экономист. 2008. № 5. С. 33–43; Емельянов А. Структурная перестройка: цели и результаты // Экономист. 2008. № 2. С. 83–89.

сектора должно стать не только субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам, значительное усиление государственного участия в инвестициях на модернизацию материально-технической базы отрасли, но и по формированию на селе социальной инфраструктуры, по приближению доходов крестьян к уровню доходов городского населения¹.

Требуется придать более масштабный и целеустремленный характер мероприятиям, связанным с социальным развитием села. Средства господдержки на 1 га посева и условную голову скота следует предоставлять сельскохозяйственным организациям, фермерским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям, занятым производством товарной продукции. Но учитывая, что более половины поголовья крупного рогатого скота находится в личных подсобных хозяйствах, необходима поддержка и хозяйств населения в регионах Приамурья и Приморья хотя бы на уровне 10 тыс. руб. на корову, при добровольном участии владельцев в поставках продукции для переработки.

При совершенствовании методов господдержки аграрного сектора основные ее объемы должны поступать сельскохозяйственным производителям и структурам, обеспечивающим развитие сельских территорий, а не смежным монополизированным структурам (банки, страховые и лизинговые компании, производители минеральных удобрений).

Важно сформировать временный режим наибольшего благоприятствования для отечественных производителей сельхозсырья и продовольствия (регулирование уровней и соотношение цен на продукцию отраслей АПК, пролонгация льготного налогообложения для товаропроизводителей, повышение действенности таможенно-тарифного регулирования, использование временных налоговых преференций для частных инвесторов и др.).

Необходимо инициировать и поддерживать интеграционные процессы в сельской местности как на основе создания производственных и потребительских сельскохозяйственных кооперативов, ассоциаций и союзов производителей, так и путем интеграции личных подсобных хозяйств населения и фермерских хозяйств в структуры, обслуживающие крупные финансово-промышленные объединения (группы). Минимальная величина аграрной части федерального бюджета страны должна составлять 400-450 млрд руб. в год, по Госпрограмме на 2008–2012 гг. она составляла всего треть этой суммы, а фактически оказалась еще меньше.

¹ Сухомиров Г.И. Технологическая модернизация сельского хозяйства Дальнего Востока // Проблемы развития территории. 2014. № 5. С. 123–135.

К сожалению, в последние 25 лет мы движемся по пути, противоположному по отношению к передовым индустриальным державам мира. Так, правительство США даже в условиях кризиса не только не снизило аграрный бюджет страны, а, наоборот, увеличило его с 92,9 млрд долл. в 2008 г. до 134,2 млрд долл. в 2010 г. У нас же при почти сопоставимой численности сельского населения бюджетная поддержка села, и без того мизерная в 2008 г. – 5 млрд долл., снизилась в 2010 г. до 2,8 млрд долл., что в 48 раз меньше, чем в США. В развитых странах прямая целевая поддержка аграрных цен составляет 80% общих размеров бюджетной поддержки, что является одним из узловых моментов целенаправленного регулирования агропродовольственного рынка и господдержки процессов инновационного развития сельского хозяйства. У нас по программе развития сельского хозяйства до 2012 г. на регулирование этого рынка определялось лишь 1,3% всех предусмотренных на нее финансовых средств. Около 40% бюджета ЕС, или 78 млрд долл. идет на аграрную политику, при этом 50% этих средств расходуется на поддержку социально- и природно-малопродуктивных сельскохозяйственных территорий. Например, в Германии поддержка государства составляет в расчете на 1 га пашни 13,3 тыс. руб., а в России – менее 600 руб. В ЕС на 2014–2020 гг. предусмотрено среднегодовое финансирование аграрного сектора в размере 2,3 трлн руб. против 0,2 трлн руб. в России по Госпрограмме на 2013–2020 гг., что на порядок ниже¹.

Финансовая поддержка особенно необходима для регионов рискованного земледелия, к которым относится ДФО, для которого ее размер крайне необходимо увеличить минимум в 2,5 раза (*табл. 4.25*).

Масштабы произведенного в отрасли национального дохода позволяют осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от порочной практики перекачки. Сельское хозяйство не является саморегулирующейся системой. Высокая капиталоемкость сельского хозяйства, относительно низкие доходность и инвестиционная окупаемость, зависимость от природных условий не позволяют на равных участвовать в межотраслевой конкуренции. Поэтому

¹ Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // *Общество и экономика*. 2014. № 7–8 С. 100–124; Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и России). М.: Памятники исторической мысли, 2011. 284 с.; Прокопьев М. Аграрная экономическая политика и вступление в ВТО // *Проблемы теории и практики управления*. 2012. № 11–12. С. 17–22; Савкин В.И., Прока Н.И. Продовольственная безопасность государства: состояние и прогноз // *Проблемы теории и практики управления*. 2013. № 1. С. 25–37.

без существенной господдержки сельское хозяйство любой страны в условиях стихии рыночной конъюнктуры успешно развиваться не может.

Таблица 4.25

**Минимальная потребность в ежегодных инвестициях
на развитие сельского хозяйства ДФО, млн руб.**

Территория	Для про- стого вос- произ- водства	Для расши- ренного воспроиз- водства	В % к фактическим	
			при простом воспроиз- водстве	при расширен- ном воспроиз- водстве
Республика Саха (Якутия)	1780	2373	402	536
Камчатский край	567	756	216	288
Приморский край	1766	2368	129	172
Хабаровский край	1496	1998	132	177
Амурская область	1729	2305	148	198
Магаданская область	90	133	125	185
Сахалинская область	726	968	127	169
ЕАО	544	725	938	1250
ДФО	8698	11623	186	249

Источник: Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск, 2013. 212 с.

Ведущие ученые-экономисты страны неоднократно выступали с предложениями использовать для наполнения аграрного бюджета проверенные мировым опытом, действенные социально ориентированные источники – часть природной ренты, налог на роскошь и прогрессивную шкалу подоходного налога, часть доходов от продажи объектов госсобственности (в том числе земель сельскохозяйственного назначения), от экспорта зерна, сверхдоходов посредников. Дополнительным источником для создания фонда субсидирования покупок удобрений на внутреннем рынке может стать введение плавающих экспортных пошлин на вывозимые за рубеж удобрения и использование этих средств на субсидии отечественных сельхозтоваропроизводителей.

В качестве первоочередной меры было бы оправданным списание всей кредитной задолженности сельского хозяйства, возникшей не по его вине, а вследствие диспаритета цен и общей фискальной макроэкономической политики государства по отношению к селу. Одновременно надо освободить от подоходного налога сельскохозяйственные организации, оплата труда в которых ниже критического уровня (70% к среднему по экономике), а рентабельность ниже 15%. В Китае уже несколько лет назад отменили все нало-

ги на крестьянское хозяйство. В России надо ввести налоговые каникулы для всех сельскохозяйственных товаропроизводителей, объявить мораторий на банкротство сельскохозяйственных организаций. Следует обратить особое внимание на депрессивные районы, к которым относится ДФО.

На Дальнем Востоке наблюдается деформированное ценообразование, где стоимость готового продукта определяется непомерно высокими тепло-энергетическими и транспортными тарифами. Транспортная составляющая в цене товаров в округе находится в пределах 55–70% при среднероссийском уровне в 25%. По территории Чукотского национального округа доставка 1 кг груза обходится около 50 руб. Раньше в Анадыре было 400 голов дойного стада, которое полностью обеспечивало молоком город и его окрестности. Поэтому никто не завозил, столько продуктов как сейчас. Вероятно, для ряда районов ДФО будет экономически целесообразнее обеспечить достойную государственную финансовую поддержку сельхозтоваропроизводителей, чем завозить туда продукты из других регионов страны.

Кроме оказания надлежащей господдержки требуется сосредоточить усилия на «очистке» произведенного в сельском хозяйстве первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток» многочисленных посредников. В настоящее время по основным продовольственным товарам (мясо, молоко, хлеб) доля всевозможных наценок в структуре себестоимости конечного продукта достигает 60-80%, чего нет в развитых в аграрном отношении государствах¹. Этот перекоп породил в экономике России рыночный феномен – посредника, вернее, перекупщика, ставшего благодаря попустительству властей большой влиятельной фигурой. Во всем мире посредник играет второстепенную роль, выполняя вспомогательную по отношению к производителю функцию. Поэтому в классическом анализе принято выделять трех ключевых игроков на рынке – производителя, потребителя и государство (власть). В нашей стране наблюдается качественное превращение класса посредников в самостоятельных игроков, задающих правила поведения на рынке, где уже действуют не три основных игрока, а четыре, при этом один из них ненадежен. Необходимо нормализовать рыночный обмен, очистить его от «наростов» спекуляций, что создаст сельскому хозяйству существенные преимущества для его развития. Надо также ограничить аппетиты монополистов, поставляющих аграрному сектору горючее, электроэнергию и другие средства производства по необоснованно завышенным ценам².

¹ Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и России). М.: Памятники исторической мысли, 2011. 284 с.

² Голубев А.В. Кризис в сельском хозяйстве России. М.: Колос, 2009. 200 с.

Остается нерешенной проблема формирования цен на агропродовольственном рынке. Темпы роста потребительских цен на розничном рынке существенно опережают цены сельхозтоваропроизводителей, в результате снижается их доля в конечной стоимости товара. Продолжается старая «болезнь» – диспаритет цен.

Сельхозпроизводители по-прежнему испытывают трудности с реализацией продукции. В развитых странах эта проблема, как и многие другие проблемы развития агробизнеса, решается через сеть кооперативов. «Во всех странах, где развит агробизнес, фермер окружен государственной заботой и вовлечен сразу в несколько кооперативов: один предоставляет услуги агрономов, другой – поставляет семена, третий – обеспечивает переработку сданного сырья, а есть еще и четвертый, и пятый»¹, т.е. развито кооперативное движение, основанное на трудах А.В. Чаянова. В России же до сих пор сохраняется противостояние интересов аграрной бюрократии и людей, работающих на земле. Такое положение отчасти объясняется тем, что кооперативная форма собственности даже не была прописана в Конституции РФ. Такое положение надо срочно исправлять.

Защитить интересы сельхозтоваропроизводителей, обеспечив им приемлемые цены реализации, можно путем создания сельскохозяйственных рынков. Так, создание в пос. Юбилейный Саратовской области сельскохозяйственного рынка, на котором в качестве продавцов доминируют крестьяне, позволило на 20–30% повысить цены для производителей продукции и одновременно на 30–40% снизить цены для покупателей. Секрет прост – убрали рыночных спекулянтов.

Действенной антикризисной мерой регионального уровня представляется создание продовольственных фондов, в которые могла бы закупаться в первую очередь продукция местных аграрий. Целесообразно чтобы государство, а также больницы, санатории, воинские части и др. заключали контракты в централизованном порядке с сельхозтоваропроизводителями на поставку продукции в определенном объеме по заранее оговоренным ценам.

В России торговая наценка на продукты питания сейчас достигает 25–30–40 и более процентов – этого нет ни в одной стране мира. В Канаде, Китае, Белоруссии, Казахстане предельная наценка составляет 12%, а на социально значимые продукты – 8%, такой она была и в советской России².

¹ Дружинин Л., Смирнов А. В Минсельхозе упорно не хотят замечать рекомендации Чаянова // Конкуренция и рынок. 2014. № 5. С. 4–19.

² Милосердов В.В. Нынешняя инфляция – результат ущербности сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 1. С. 8–11.

Чтобы восстановить утерянную продовольственную безопасность страны, предотвратить дальнейшую деградацию сельскохозяйственных земель и повысить ее плодородие, необходимо наращивать объемы применения удобрений в стране по 0,7–1,0 млн т д.в. Под эти объемы внесения удобрений в федеральном бюджете должно быть предусмотрено субсидирование хозяйств на покупку удобрений. Чтобы стать реальным стимулом для покупки удобрений большинством хозяйств страны, субсидии как минимум должны покрывать половину стоимости удобрений (сейчас 7–10%), в том числе не менее 30% – из федерального бюджета. Требуется отмена обязательного софинансирования субсидий из федерального и региональных бюджетов.

Наконец необходимо предоставить крестьянству возможность стать подлинным хозяином своего труда на принадлежащей ему земле. Современная высокая сельская безработица – следствие катастрофической запущенности инфраструктуры села, способного дать миллионы полезных человечеству рабочих мест. С возрождением села, а не с ожиданием расцвета мировой экономики следует связывать начало преодоления в России глобального кризиса, это то звено, с помощью которого удастся вытянуть всю цепь¹.

К сожалению, российское крестьянство всегда относилось к наиболее бесправным и эксплуатируемым социальным группам, низкодоходным, малообразованным, консервативным. Хотя оно в традициях российского общества, особенно значительной части интеллигенции, относилось как к «сеятели и хранители государства», источнике духовных и нравственных сил общества. Однако до настоящего времени в России для крестьянина характерна «абсолютная правовая незащищенность». У него прямо или косвенно могут забрать не только все или почти все, что он произвел своим тяжелым трудом, но и просто прогнать с земли, которую он, его отцы и деды, прадеды обрабатывали. Поэтому почти 30% продуктов приходится покупать у малоземельных иностранцев.

Сейчас не только на Дальнем Востоке, а в стране в целом остро стоит проблема создания полноценного человеческого потенциала функционирования сельского хозяйства. На смену нынешнему крестьянству должен прийти класс современных, владеющих последними достижениями науки и техники культурных сельских хозяев. Формирование нового сельхозпроизводителя с мировыми стандартами профессионализма и качества жизни –

¹ Лисичкин Г.С. Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 66–75; Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М., 2013. 225 с.

непременное условие общественной гармонии в стране, ее всесторонней системной модернизации.

Дальнему Востоку, как впрочем всей России, нужна зеленая революция, которая успешно осуществлена во многих цивилизованных странах после Второй мировой войны. Целью своей она ставила не передел собственности, а ее всемерное увеличение у тех, кто ею располагает, за счет широкого использования научных и интеллектуальных возможностей. России и ее регионам предстоит осуществить прорыв в этой области и начинать ее надо с «собираения» своих заброшенных земельных угодий. Для этого необходимо: ежегодно в первом квартале устанавливать гарантированные государством закупочные цены на главные сельскохозяйственные продукты; на конкурсной основе бесплатно наделить землей тех, кто хочет и способен на ней работать; реанимировать не только потребкооперацию, но и все другие ее виды, включая прокат, ремонт машин, обеспечение крестьян элитным семенным материалом; активно использовать аграрную науку, повышать профессиональный уровень крестьянства; развивать малый бизнес, прежде всего в сфере переработки сельскохозяйственного сырья на месте, тем самым снизить отток населения в города и сельскую безработицу. Следовательно, спасти село могут не только бюджетные дотации, современные технологии производства, но и люди, заинтересованные в их применении.

Природно-климатические условия ДФО, преимущественно его южных регионов, позволяют наращивать производство различных видов продукции растениеводства и животноводства, при условии перевода сельского хозяйства на индустриальную основу и имплантации новейших технологий и агротехнических приемов. При этом ставить задачу в предстоящее 15-летие добиться обеспечения населения округа продуктами растениеводства (кроме зерна), яйцом и значительного увеличения производства мяса и молока, тем самым приблизиться к пороговым значениям продовольственной безопасности¹.

Для достижения поставленной задачи аграрная политика должна учитывать и опираться на ярко выраженную многофункциональность сельского хозяйства, его системное воздействие на реализацию важнейших социальных, демографических и политических задач государственного управления. Такой подход позволит по-новому взглянуть на реальную окупаемость бюджетных затрат на поддержание и развитие аграрного сектора, учесть си-

¹ Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 155–165.

нергический эффект функционирования сельскохозяйственной отрасли в системе народного хозяйства, заложить основы ее инновационного роста.

Увеличение производства мяса, молока и яиц возможно за счет совершенствования структуры кормовых рационов и более широкого внедрения инновационных технологий по выращиванию и содержанию скота и птицы. Животноводство обеспечивает круглогодичную занятость работников, способствует повышению доходов и закреплению сельского населения. Поэтому развитие данной отрасли необходимо стимулировать как в СХО, К(Ф)Х, так и в хозяйствах населения. Приобретение высокопродуктивного племенного рогатого скота молочного и мясного направления позволяет создать не только собственное племенное хозяйство, но и резко повысить молочную и мясную его продуктивность.

Природные и экономические преимущества региона могут быть реализованы в случае:

- переноса акцента на инновационное развитие сельского хозяйства при условии внедрения новых технико-технологических, организационных и инфраструктурных решений;
- концентрации предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности в городах и районных центрах;
- сочетания крупных индустриальных комплексов (тепличных хозяйств, молочных мегаферм, индустриальных свинокомплексов, птицеферм) с широкой сетью фермерских хозяйств, семейных животноводческих ферм;
- формирования разветвленной реализационной сети, создании торгово-логистической компании для обеспечения сбыта растущих объемов сельхозпродукции на рынках края, региона, а по некоторым продуктам (оленина, конина, мед и др.) возможного выхода на внешние рынки;
- организации сети закупочно-снабженческих и торгово-закупочных кооперативов, сети сельскохозяйственных рынков, ориентированных на фермерские и индивидуальные хозяйства;
- развития сети профессиональной подготовки на территории округа для обеспечения квалифицированной рабочей силой;
- формирования сети сервисных, консультационных фирм и организаций;
- обеспечения научно-технологического сопровождения сельскохозяйственного производства, развития опытных станций и хозяйств, обеспечивающих инновационно-технологическую поддержку и сопровождение товаропроизводителей.

Необходимо приступить к внедрению модели экологического сельского хозяйства, ориентированного на получение экологически чистой продук-

ции. Эти технологии предполагают биологические приемы защиты растений от вредителей и болезней, использование почвенной микрофлоры, минимальную обработку почвы и многое другое. При этом можно рассчитывать на получение своего рода рентного дохода от реализации продукции, произведенной главным образом природными способами.

Технологии, ориентированные на использование биологических методов, должны стать приоритетным направлением развития сельского хозяйства в округе. Они во многом определяют методы и степень сохранения почвенного плодородия. Улучшать почву можно и нужно биологическими мерами, в частности, соблюдать рациональные севообороты, использовать на полях сидеральные посевы (зеленые удобрения, запахиваемые в почву), посевы многолетних и однолетних бобовых трав и бобово-злаковых смесей, что позволит не только сохранить, но и повышать содержание гумуса и элементов питания растений. Стратегическому переходу сельского хозяйства края на органическое земледелие будет способствовать применение сапропельного удобрения, производство которого в последние годы организовано в Хабаровском крае. Оно дешевле и эффективнее минерального удобрения.

Кроме биологических мер улучшения почвы, очень важна степень развития мелиорации земель, которая позволяет снизить риски гибели урожая в результате неблагоприятных природно-климатических условий края, повысить плодородие почв и урожайность сельскохозяйственных культур улучшить экологическую обстановку.

Важнейшим направлением является улучшение растений и животных на генетическом уровне. Особое значение имеют селекционно-генетические инновации, необходимые для введения в производство сортов и гибридов растений, устойчивых к неблагоприятным условиям, болезням и вредителям. Необходим крупномасштабный отбор элитных генных ресурсов из ресурсов зародышевой плазмы растений и животных; клонирование генов с контролем важных признаков и составление карт взаимодействия важных путей; создание и сборка молекулярных моделей для воспроизводства важных признаков, удовлетворяющих требованиям человека в отношении высокой эффективности и экологической чистоты; создание системы методов и инфраструктуры воспроизводства молекулярным клонированием на стандартизированной основе в массовых заводских объемах. Таким образом возможно создание новых пород свиней, скота и птицы с быстрым ростом, высоким содержанием белка, высокой мясной продуктивности, высокой усвояемости пищи и высокими иммунными характеристиками.

Развитие сельского хозяйства в округе должно ориентироваться на начинающийся в стране переход к «точечному земледелию», которое предпо-

лагает дифференцированное использование ресурсов на различных неоднородных участках поля. В первую очередь, «точечное земледелие» – это сбалансированное сочетание всех составляющих производства: создание высокоурожайных семян, оценка агроклиматических условий почв (осуществляется системами глобального спутникового слежения, с помощью электронных карт полей); дифференциальный полив и строго дозированное внесение удобрений (благодаря многофункциональным оросительным системам); полностью компьютерное управление всем процессом производства продукции (с использованием современных IT-технологий); контроль за севооборотами; электронные отчеты об истории полевых работ.

В Приморье и в южных районах Приамурья может быть развернуто масштабное производство высококачественных соевых продуктов-изолятов, широко используемых в пищевой и кондитерской промышленности; изофлавонов, микронутриевых антиоксидантов, в которых нуждаются фармацевтическая и косметическая отрасли. Создание предприятий по переработке бобов сои на высококачественные белковые продукты позволит получать не только соевый концентрат, текстурированные изоляторы соевого белка, продукты на их основе, но и побочные продукты для производства комбинированных белковых смесей для птиц, свиней и крупного рогатого скота.

Поддержка технологических инноваций предполагает развитие и создание новых исследовательских и опытно-производственных мощностей в области биотехнологий, в том числе биоэнергетики.

На федеральном уровне требуется выработать целостную государственную агропродовольственную политику, новую экономическую модель функционирования АПК, рассчитанную на долгосрочную перспективу и направленную на рационально сбалансированное соотношение между производством и потреблением продовольствия с учетом повышения платежеспособного спроса населения и импортозамещения продуктов на основе комплексного решения проблем производства, хранения, переработки, транспортировки, сбыта и использования отечественной сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство необходимо рассматривать как первичную базовую основу материального производства¹.

Для улучшения ситуации в сельском хозяйстве не только в ДФО, но и в стране в целом крайне необходимо принять два федеральных закона пря-

¹ Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 63–83; Ушачёв И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе экономики России: основные направления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 4. С. 5–9.

мого действия: «Развитие сельского хозяйства в Российской Федерации до 2030 года» и «О компенсации затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей, вызванных опережающим ростом цен на промышленные ресурсы». Кроме того, нужен закон о почвах, необходимо воссоздать федеральную структуру, призванную контролировать землепользование и землеустройство, принять ФЦП мониторинга почвенного покрова и научного обеспечения предотвращения деградации почв.

Необходимо реальное изменение отношения к развитию сельского хозяйства в Дальневосточном федеральном округе. Правительство многократно заявляло о приоритетном развитии сельского хозяйства на Дальнем Востоке, а фактически «... с 2013 по 2016 годы уровень возмещения оплаты страховой премии на Дальнем Востоке, по данным Минсельхоза, упал в 2,5 раза, господдержка региональных программ – в 12 раз, а общие объемы поддержки АПК в дальневосточных субъектах – в 1,3 раза, в частности, в Приморском крае этот показатель упал почти в два раза, а в Амурской области почти в три»¹.

Увеличение государственной поддержки сельского хозяйства, его технологическая модернизация и совершенствование организационно-экономического механизма в отрасли позволят увеличить в ДФО к 2030 г. производство картофеля, зерна, сои, мяса, яиц, молока, овощей до уровня, превосходящего уровень 1990 г. в 1,5–3 раза, что позволит значительно превзойти наивысшую точку развития сельского хозяйства в округе, т. е. существенно повысить уровень продовольственной безопасности в условиях ВТО и импортозамещения продуктов.

¹ Во Владивостоке проходит инвестиционный форум «Агро Дальний Восток и Сибирь». 2017. 26 апреля. URL: <http://novostiv1.ru/msg/23583.htm> (дата обращения: 27.04.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная монография представляет собой продолжение публикаций по исследованию проблем природно-ресурсного сектора экономики Дальнего Востока, влияния на него институциональных изменений федерального и регионального характера. Актуальность продолжения этих исследований обусловлена тем, что «природно-ресурсная база региона остается привлекательной для развития природопользования и позволяет восстановить и расширить на этой основе региональный природно-ресурсный сектор экономики»¹.

В конце 2013 г. было объявлено о формировании новой модели развития Дальнего Востока. Были предложены и уже начали реализовываться новые механизмы такой модели, в частности, формирование территорий опережающего социально-экономического развития, государственная поддержка инвестиционных проектов, практическая реализация которых способна дать значимый для развития Дальнего Востока эффект. Инвестиционные проекты из ресурсных отраслей, в первую очередь из минерально-сырьевого комплекса, стали одними из первых резидентов ТОРов, а также реципиентами государственной поддержки.

Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока остается одной из фундаментальных констант развития региона. Попытки на вербальном уровне обозначить «другие» цели и «новые модели» развития пока не приводят к «сердцевинным» изменениям. Минеральные отрасли по-прежнему остаются и перспективным направлением, и источником регионального развития. Поэтому вопросы «встроенности» этого сектора в структуру региональной экономики не перестают быть актуальными.

Для развития минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока в 2010–2016 гг. стали характерны не только сохранение ведущей роли золотодобывающей отрасли в традиционных регионах ее развития, но и появление отдельных пространственно-отраслевых изменений в комплексе в целом. Происходит восстановление отрасли по добыче олова на Дальнем Востоке, чему способствуют налоговые льготы для минерально-ресурсного сектора

¹ Шейнгауз А.С. Устойчивое развитие и природопользование российского Дальнего Востока // Шейнгауз А.С. Избранные труды. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. С. 150–157.

региона. Формируется еще одна отрасль национальной специализации на Дальнем Востоке – добыча и переработка меди. Создание железорудного производства в ЕАО внесет изменения не только в продуктовую структуру минерального сектора экономики Дальнего Востока, но и изменит его пространственную структуру – Еврейская автономная область приобретет специализацию добывающей территории. Еще одним субъектом РФ на Дальнем Востоке, имеющим шансы стать территорией с горнодобывающей специализацией (золотодобывающей отрасли), является Камчатский край.

Существует проблема обеспечения этих проектов сырьем – вопросы воспроизводства минерально-сырьевой базы по-прежнему остаются проблемными. Если не удастся восстановить непрерывность воспроизводственного цикла минерально-сырьевой базы, концентрацию достаточных финансовых средств для освоения месторождений, то развитие МСК Дальнего Востока на базе только современных запасов может пойти по минимальному варианту – со значительным сокращением добычи, прежде всего драгоценных металлов

На перспективах и конкурентных возможностях минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока существенное влияние оказал целый ряд институциональных изменений: совершенствование на федеральном уровне правил доступа к недрам (отраслевые изменения) и формирование ключевых механизмов новой модели развития Дальнего Востока (специальных региональных режимов). Как сказано выше, инвестиционные проекты в минеральной сфере оказались наиболее конкурентоспособными, готовыми к реализации и в наибольшей степени отвечающими целям развития региона, обозначенным в стратегических документах. В последние годы преимущественно минерально-сырьевой комплекс обеспечивает инвестиционную активность в регионах сырьевой специализации и связанный с этим рост экономики.

Анализ показывает, что новая целевая задача развития Дальнего Востока – уход от сырьевой экономики – не обеспечивается предложенными механизмами ее реализации. По крайней мере, в части применения инструмента прямых государственных субсидий из федерального бюджета для решения инфраструктурных проблем при реализации инвестпроектов на Дальнем Востоке. Результаты применения в 2015–2016 гг. этого инструмента показали, что ресурсные проекты (и прежде всего минерально-сырьевые) остаются конкурентоспособными – и не только для частных инвесторов, но и для государства. Такая ситуация – следствие применения выбранных критериев и индикаторов оценки. Ориентация на не измеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов...» и вполне количественно из-

меримый показатель «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» еще долго будет обеспечивать «победу» капиталоемким минерально-сырьевым проектам в борьбе за государственные средства.

Все более активным становится российско-китайское сотрудничество, в том числе и в минеральном секторе экономики. В последние годы происходят существенные количественные и качественные изменения в структуре потребности в минерально-сырьевых ресурсах экономики Китая. Одно из таких изменений может коснуться «видовой» структуры сотрудничества – «сдвиг интереса» от базовых видов минерального сырья к высокотехнологичным, обеспечивающим формирование новых отраслей для новых технологических укладов. Что касается «веера» используемых механизмов сотрудничества, целей реализации китайской политики «выхода за рубеж» в части горнодобывающего сектора, то они существенно меняются. Ключевыми становятся задачи экспорта китайских технологий и оборудования для геологоразведки и горнодобычи, создания на этой основе производственных мощностей и зон за рубежом. Пример реализации проекта по освоению железорудных ресурсов на Дальнем Востоке демонстрирует изменение механизмов участия китайских компаний в освоении минеральных ресурсов на Дальнем Востоке: новые модели сотрудничества в случае с освоением железорудных месторождений в Еврейской автономной области уже проходят «апробацию».

Рыбохозяйственный комплекс занимает вторую после минерально-сырьевого сектора позицию по вкладу в экономику ДФО. РХК за 2006-2015 гг. нарастил свой вклад в показатели ВДС, уплаченных налогов в бюджеты всех уровней, экспортных доходов, что объясняется стабильным развитием комплекса в этот период

На этапе перехода к рыночным отношениям процесс трансформации рыбохозяйственного комплекса происходил в значительной степени стихийно. Изменение целевого вектора развития в направлении получения максимальной прибыли хозяйствующими субъектами без соответствующей корректировки институционального поля стало основной причиной существенного падения эффективности использования доступных водно-биологических ресурсов. Последовавшие изменения институциональной среды осуществлялись без достаточного учета взаимосвязи экономических, социальных и геополитических аспектов, что для Дальнего Востока является крайне важным. Тот факт, что Дальний Восток обладает наиболее крупной сырьевой базой в России и здесь сосредоточено более половины рыбодобывающих организаций России, вообще не был учтен.

В 2006–2015 гг. преобразования в рыбохозяйственном комплексе Дальнего Востока были направлены на восстановление и сохранение его устойчивости посредством институциональных преобразований, сочетающихся с использованием программно-целевых методов на федеральном и региональном уровнях.

Хотя в результате принятых мер ситуация в рыбохозяйственном комплексе, в том числе Дальнего Востока, была относительно стабилизирована, угроза нового развития негативных тенденций продолжает сохраняться. Устранение отдельных проблем может несколько замедлить данный процесс, однако обеспечить устойчивое развитие без наличия взаимно адекватных институциональных и организационных решений вряд ли возможно.

Большое влияние на позиции рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока на внешнем рынке оказывает импортная политика, проводимая, прежде всего, Китаем, как основным потребителем рыбного сырья региона. Поскольку продукция, полученная после переработки российского сырья на китайских предприятиях, в значительных объемах поставляется на экспорт, это обуславливает заинтересованность Китая в сохранении сырьевой направленности дальневосточного экспорта рыбопродукции.

Институциональные воздействия в российской рыбной отрасли свидетельствуют о том, что развитие рыбохозяйственного комплекса, в том числе Дальнего Востока, в перспективе рассматривается как процесс увеличения физического объема добычи водных биологических ресурсов и соответствующего наращивания производства рыбопродукции при сохранении его устойчивого состояния. По существу речь идет о реализации концепции «догоняющего развития», которая отражает определенную инерцию во взглядах на развитие рыбохозяйственного комплекса и сохраняющуюся ностальгию «по прежним временам», когда рыбная промышленность страны занимала лидирующие позиции в мире по объему добычи водных биологических ресурсов.

На наш взгляд, достижение лидирующих позиций в мире связано с технологической модернизацией рыбохозяйственного комплекса при максимальном использовании имеющихся для этого потенциальных возможностей. Для рыбохозяйственного комплекса Дальнего Востока, наряду с развитием рыболовства и рыбопереработки, повышенное внимание должно быть уделено развитию аквакультуры. Второй потенциальной возможностью развития технологической модернизации является расширение использования биотехнологий для получения широкого спектра продукции из морских гидробионтов.

Одним из направлений совершенствования институционального механизма в рыбохозяйственном комплексе является выстраивание взаимосвязанной вертикальной системы целевого планирования, включающей в себя федеральные целевые программы, направленные на решение наиболее значимых проблем, целевые программы субъектов федерации, детализирующие цели и задачи программ верхнего уровня с учетом имеющихся территориальных условий, особенностей и возможностей, а также программы развития хозяйствующих субъектов, содержащие проработанные проекты развития, соответствующие целям и задачам программ федерального и территориального уровня. Рассмотрение программ развития субъектов хозяйственной деятельности, в случае их недостаточного соответствия целевым ориентирам регионального и федерального уровня, предполагает соответствующую корректировку «пространства возможностей развития» с целью достижения необходимых для реализации программы инвестиционных намерений хозяйствующих субъектов.

Лесопользование Дальнего Востока исторически всегда было в значительной степени ориентировано на вывоз лесопромышленной продукции из региона, что предопределялось ограниченностью внутрирегионального спроса. Переход к рыночной экономике привел к дальнейшему сокращению внутрирегионального спроса, а низкая доступность национальных рынков из-за транспортной ограниченности и низкой конкурентоспособности местной древесины.

Лесной комплекс Дальнего Востока в 2005–2015 гг. функционировал в условиях непрерывных изменений в институциональных условиях лесопользования, которые охватили лесное хозяйство, лесопромышленное производство и лесной экспорт. Эти изменения выступили ограничением в его развитии, поскольку привели к нарушению устойчивости рынка лесопромышленной продукции, дестабилизации условий для бизнеса в этой сфере.

Декларировавшийся запуск механизма структурной перестройки отрасли привел к небольшим подвижкам в технологическом развитии лесного комплекса, но не настолько значительным, по сравнению с ожиданиями при начале институциональных новаций. Отраслевые инструменты технологической перестройки лесного комплекса в виде механизма приоритетных проектов оказались достаточно действенными для начала реализации инвестиционных проектов в деревопереработке, но недостаточно стимулирующими для их завершения. Инвесторы, создавшие и создающие деревоперерабатывающие производства на Дальнем Востоке, предпочитают проекты, не требующие значительных инвестиций и предполагающие быстрый срок окупаемости, основанные на неглубокой переработке сырья и производстве по-

луфабрикатов. Проекты создания производств продукции с высокой добавленной стоимостью пока только декларируются. Такой выбор инвесторов обусловлен рисками финансовых потерь из-за неопределенности условий инвестиционной деятельности.

Наиболее важным рынком для Дальнего Востока является рынок США. Лесоэкспортная политика России поменяла расстановку сил на лесных рынках Северо-Восточной Азии в сторону снижения роли российских экспортеров как основных мировых поставщиков необработанной древесины. Поднятие экспортных пошлин в России привело к изменению структуры поставщиков на восточноазиатском лесном рынке в пользу США, Канады, Новой Зеландии. На основном рынке, где Россия доминировала долгое время – необработанные лесоматериалы хвойных пород – она потеряла свои позиции. Сохраняется лидерство России на рынке хвойных пиломатериалов в Китае, не смотря на небольшое сокращение. Не смотря на неустойчивость рынка в 2008–2013 гг. из-за мирового финансового кризиса можно отметить общую тенденцию роста данного рынка по основным видам лесопромышленной продукции, а значит расширение возможностей для поставщиков. Но попытки российского государства заставить экспортеров резко сменить структуру предложения с необработанной древесины на полуфабрикаты натолкнулись на объективные препятствия: во-первых, отсутствие товаров надлежащего качества и цены, которые можно было предложить на рынке, во-вторых, отсутствие наработанных ниш на лесных рынках с существующей там сильной конкуренцией для реализации новых для дальневосточных производителей товаров.

Кризисные явления в лесном комплексе Дальнего Востока начала 2010-х гг. вызвали необходимость перехода к его «ручному» управлению в виде дополнительных льгот от федерального центра для крупных лесопромышленников, служащих своего рода компенсацией за потери от дискриминации дальневосточников при экспорте древесины. Причиной стали именно институциональные изменения, к которым позже присоединилось влияние мирового кризиса. Соответственно, снизились поступления в бюджеты территорий. С этого времени лесной комплекс Дальнего Востока стал скатываться в глубокий кризис, что негативно повлияло на реализацию инвестиционных проектов в деревообработке

Китай остается главным торговым партнером для лесного комплекса Дальнего Востока. Направленность процесса сотрудничества начала постепенно меняться, китайские инвестиции вкладываются в крупные инвестиционные проекты. На наш взгляд, сотрудничество дальневосточных и китайских лесопользователей должно быть нацелено на выстраивание цепочек

добавленной стоимости – от заготовки до глубокой переработки древесины. С помощью китайских партнеров дальневосточным предприятиям со своей продукцией надо встраиваться в те ниши на глобальных лесных рынках. Кроме того, нужна работа на опережение – создание стабильной институциональной среды, в том числе в таможенном регулировании, для ведения капиталоемкого бизнеса в высокорисковой сфере деятельности, к которой относится лесной комплекс.

Сельское хозяйство в ДФО сформировалось и функционирует в сложных природно-климатических и экономических условиях в условиях рискованного земледелия, основная часть сельскохозяйственных угодий расположена в южной зоне Дальнего Востока. Сельское хозяйство выполняет не только экономические функции, производит продовольствие и сырье для промышленности, но оно обеспечивает при надлежащем развитии получение значимых общественных благ, в первую очередь освоенность территории, обеспечение продовольственной безопасности региона, которые не всегда могут получить стоимостную оценку, хотя имеют большое значение для сохранения условий жизнедеятельности всего населения. Анализ показал, что ни один регион ДФО не имеет необходимого обеспечения своего населения основными продуктами питания, существующий уровень потребления продуктов на Дальнем Востоке достигается в значительной мере за счет завоза товаров из европейских регионов России и импорта.

Природно-климатические условия ДФО, преимущественно его южных регионов, позволяют наращивать производство различных видов продукции растениеводства и животноводства, при условии перевода сельского хозяйства на индустриальную основу и имплантации новейших технологий и агротехнических приемов.

Успешное развитие сельского хозяйства региона зависит главным образом от экономических условий производства, прежде всего от размера инвестиций, уровня государственного регулирования, а также от изменений на мировом продовольственном рынке.

В сельском хозяйстве Дальнего Востока исследуемый период характеризуется процессами восстановления экономики. Во многом это связано с системой государственной поддержки сельского хозяйства и принятием ряда нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровнях. В них предусмотрено несколько видов инструментов поддержки: прямое субсидирование за счет средств федерального бюджета с софинансированием из бюджетов субъектов Федерации по нескольким направлениям и прямые финансовые вложения на осуществление мероприятий капитального характера. Фактическая реализация заявленных программ развития сельского хо-

зяйства ДФО была нестабильной, что отразилось на показателях сельскохозяйственного производства.

Одним из факторов, сдерживающих развитие сельского хозяйства в ДФО, считалось отсутствие внутреннего платежеспособного спроса на сельхозпродукцию. Но с падением курса руб.я по отношению к доллару и ограничением импорта сельхозпродукции ситуация со спросом меняется: КНР стала активно продвигать российские товары, в том числе продовольствие на свой рынок. Кроме того, вырос спрос китайских потребителей на соевые бобы. Одновременно китайские инвесторы осваивают сельскохозяйственные угодья на Дальнем Востоке. На правительственном уровне создаются инструменты российско-китайского сотрудничества в сельском хозяйстве. Китайское направление хотя и развивается активно в последние годы в институциональном плане, тем не менее его практические результаты пока неочевидны, поэтому власти территорий Дальнего Востока стремятся привлекать инвесторов и из других стран, в частности Японии и Республики Корея.

В целом, подводя итог проведенным исследованиям, необходимо сделать следующие выводы по современной ситуации в ресурсном секторе экономики Дальнего Востока.

1. Существенно возросла «технологическая доступность» минерально-сырьевых ресурсов Дальнего Востока в рассматриваемый период, изменив и качественные, и количественные характеристики их ресурсной базы.

2. Появились признаки изменения технологической структуры лесного комплекса в сторону производства продукции более высоких переделов

3. Принятые в рассматриваемый период институциональные решения национального уровня создают стимулы для структурно-технологических (лесной комплекс) и воспроизводственных (МСК, ТЭК) изменений в системе природопользования Дальнего Востока. Но для реализации этих стимулов необходимо обеспечить условия для снижения инвестиционных рисков.

4. Новой тенденцией последних лет, относящейся к организационным изменениям в системе природопользования Дальнего Востока, стали активные процессы консолидации, концентрации, вертикальной и горизонтальной интеграции в ресурсных отраслях.

5. Проблемы воспроизводства сырьевой базы ресурсных отраслей обострились. Для невозобновляемых минерально-сырьевых ресурсов характерны высокая степень вовлечения в лицензионное недропользование ликвидной части ранее выявленных запасов; низкие уровни получения приростов запасов, дефицит активных прогнозных ресурсов категории Р1, которые должны служить резервом в среднесрочной перспективе. Для возобновляе-

рых рыбных и лесных ресурсов недостаточно задействован потенциал искусственного воспроизводства.

6. Ни по одному из рассмотренных видов природных ресурсов вряд ли безусловно применима такая характеристика, как «избыточность». Более того, появились признаки «сжатия» сырьевой базы (лесной и рыбохозяйственный комплексы) либо чрезмерной освоенности ее активной части (минерально-сырьевой комплекс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 4–14.
2. Абашева Е. Вокруг земли. Горизонты хозяйствования на земле расширяются // Дальневосточный капитал. 2009. № 6. С. 14–19.
3. Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск: ГНУ ДВНИИЭОП АПК Россельхозакадемии, 2013. 212 с.
4. Аксенова Л.А. Зарубежный опыт государственной аграрной политики // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 65–75.
5. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока. Конец XIX в. – 1917 г. М.: Наука, 1989. 224 с.
6. Алтухов А. Продовольственная безопасность как фактор социально-экономического развития страны // Экономист. 2008. № 5. С. 33–43.
7. Антонова Н. Е., Волков Л.В., Сухомиров Г.И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 110–137.
8. Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск : КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.
9. Антонова Н.Е. Нужна ли господдержка лесному комплексу Дальнего Востока? // ЭКО. № 7. 2015. С. 16–34.
10. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Новые механизмы государственного стимулирования инвестиционной активности и их результаты в ресурсном секторе Дальнего Востока // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 23–32.
11. Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.
12. Басалаева Е. Проблемы формирования конкурентоспособного сельского хозяйства // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 49–56.
13. Буздалов И. Об опыте и результатах аграрных преобразований в Китае и России // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 137–146.
14. Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 100–124.
15. Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 63–83.
16. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: ГНУ ВСТИСП Россельхозакадемии, 2013. 225 с.

17. Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока / ЦЭФИР по заказу Корпорации Кинросс Голд. М., 2013. 110 с.
18. Волков Л.В. Роль целевых программ в формировании механизма управления рыбохозяйственным комплексом Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 4. С. 50–60.
19. Вологин В.Г., Лазарев А.В. Состояние и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса Дальневосточного федерального округа // Материалы Форума Майнекс-ДВ. Магадан, 2016. URL: http://minexforum.com/wp-content/uploads/2016/07/1.1.1-Vologin-V.G.-Dalnedra_Sostoyanie-i-perespektivy-razvitiya-min-syr-bazy-DFO.pdf (дата обращения: март 2017).
20. Гаврилов С.В. Озерновский рыбопромысловый район в 1910–1930-е гг. / Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Вып. 11. Изд-во КамГТУ, 2008. С. 137–235.
21. Глазырина И.П. Лавлинский С.М., Калгина И.С. Государственно-частное партнерство в минерально-сырьевом комплексе Забайкальского края: проблемы и перспективы // География и природные ресурсы. 2014. № 4. С. 99–105.
22. Голубев А. Посткризисное развитие сельского хозяйства России // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 131–135.
23. Голубев А.В. Кризис в сельском хозяйстве России. М.: Колос, 2009. 200 с.
24. Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2014 году / Министерство экономического развития Российской Федерации, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2015.
25. Гумеров В. Обеспечение продовольственной безопасности страны: удался ли доктринальный документ? // Российский экономический журнал. 2010. № 2. С. 11–22.
26. Гумеров Р. Всемирная торговая организация – источник угроз глобальной продовольственной безопасности // Российский экономический журнал. 2010. № 5. С. 34–43.
27. Гумеров Р. О реализации национальных интересов в агропромышленном комплексе в условиях кризиса // Российский экономический журнал. 2009. № 3–4. С. 17–24.
28. Гумеров Р. Что делать с «приоритетным национальным проектом» развития агропромышленного комплекса? // Российский экономический журнал. 2008. № 3–4. С. 3–14.

29. Гумеров Р. Штурм или отступление? (О перспективах отечественного сельского хозяйства в случае форсированного процесса присоединения России в ВТО) // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 22–34.
30. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Акционерное Камчатское общество и его роль в развитии Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 96–110.
31. Демьяненко А.Н., Февралева С.В. Внутриобластной район: Предпосылки становления экономического самоуправления (на примере Рыбновского побережья Сахалинской области): препринт / ИЭИ ДВО АН СССР. Владивосток, 1990. 52 с.
32. Дружинин Л., Смирнов А. В Минсельхозе упорно не хотят замечать рекомендации Чаянова // Конкуренция и рынок. 2014. № 5. С. 4–19.
33. Дятлова Л.А. Крестьянское хозяйство в контексте территориальной организации экономики Нижнего Амура начала XX века // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 2. С. 21–36.
34. Емельянов А. Структурная перестройка: цели и результаты // Экономист. 2008. № 2. С. 83–89.
35. Ильина В.А. Акционерное Камчатское общество в промышленном освоении и развитии Северо-востока в 1927–1945 гг. Историкографический аспект // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГТУ. Вып. 6. 2003. С. 86–95.
36. Князева Г.А. Экономическая доступность лесных ресурсов республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2005. № 4. С. 56–60.
37. Ковалев А.П. О перспективах эффективного лесопользования на Дальнем Востоке // Состояние лесов и актуальные проблемы лесопользования : мат-лы Всероссийской конф. с международным участием (г. Хабаровск, 10–11 октября 2013 г.) Хабаровск: Изд-во ФБУ «ДальНИИЛХ», 2013. С. 39–44.
38. Ковалев Е. Обострение мировой продовольственной ситуации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 21–29.
39. Константинов А.А. Дальневосточная кухня (физиологические особенности питания населения Дальнего Востока). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1990. 256 с.

40. Кулик Г. Восстановить производство зерна – важнейшая задача для России // Крестьянские ведомости. 2011. 16 февраля. URL: <http://kvedomosti.ru/news/69925.html> (дата обращения: сентябрь 2011).
41. Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток ; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 160 с.
42. Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития / под ред. А. С. Шейнгауза. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 255 с.
43. Лисичкин Г.С. Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 66–75.
44. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск, 2009. 242 с.
45. Ломакина Н., Санжмятав Б. Китайская политика обеспеченности минеральными ресурсами: новые задачи и механизмы // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2017. № 2. С. 14–20.
46. Ломакина Н.В. Реализация проекта Шелкового пути: новые стимулы и механизмы для развития минерального сектора экономики // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 56–68.
47. Ломакина Н.В. Минеральный сектор экономики Дальнего Востока: проблемы и возможности развития в кризисный период // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 1. С. 13–21.
48. Ломакина Н.В. Ключевые механизмы новой модели развития Дальнего Востока и их влияние на роль минерального сектора в экономике региона // ЭКО. 2015. № 7 (493). С. 5–15.
49. Ломакина Н.В. Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6 (480). С. 25–39.
50. Ломакина Н.В., Антонова Н.Е. Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки // Пространственная экономика. 2013. № 3. С. 89–107.
51. Львов Д. О стратегии развития России // Экономист. 2007. № 2. С. 3–10.
52. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности Дальнего Востока (1927–1940 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2000. 158 с.
53. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока». Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.
54. Менар К. Экономика организаций. М.: Инфра-М, 1996. 160 с.
55. Милосердов В.В. Нынешняя инфляция – результат ущербности сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 1. С. 8–11.

56. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
57. Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и в России). М.: Памятники исторической мысли. 2011. 284 с.
58. Наука и технология в Китае: дорожная карта до 2050 года. Фундаментальный сводный доклад Академии наук Китая / гл. ред. Юнсян Лу. Пекин, 2010.
59. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2010 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» / Минсельхоз РФ. М., 2011. 221 с.
60. Нестеренко А.Д. Экономические проблемы сельского хозяйства Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство. 1972. 372 с.
61. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
62. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2015 году. Государственный доклад / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. М., 2016. 344 с. URL: www.mnr.gov.ru (дата обращения: август 2017).
63. Оценка лесных ресурсов, лесоуправления, лесозаготовок и лесной сертификации на Дальнем Востоке России. Приложение к отчету «Исследование лесного сектора Дальнего Востока России. Дорожная карта по привлечению инвестиций в лесопромышленные предприятия с добавленной стоимостью / ФАО ООН. 2013. URL: http://eastagri.org/docs/group/325/AnnexII_forest%20resources_management_cert_RUS.pdf (дата обращения: сентябрь 2017).
64. Павлова Г. Брошенные сельскохозяйственные земли – угроза безопасности // Экономист. 2012. № 4. С. 68–78.
65. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под ред. И.П. Глазыриной, Л.М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с.
66. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 106–140.
67. Прокопьев М. Аграрная экономическая политика и вступление в ВТО // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 11–12. С. 17–22.

68. Савкин В.И., Прока Н.И. Продовольственная безопасность государства: состояние и прогноз // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 1. С. 25–37.
69. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
70. Справочник по климату СССР. Л., 1958.
71. Сухомиров Г.И. Технологическая модернизация сельского хозяйства Дальнего Востока // Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73). С. 123–135.
72. Сухомиров Г.И. Условия и тенденции развития сельского хозяйства ДФО // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 81–92.
73. Сухомиров Г.И., Заостровских Е.А. Региональный зерновой рынок: Сибирь и Дальний Восток // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 56–71.
74. Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 155–165.
75. Терентьева А.С. Фермерское хозяйство США в начале XXI века: состояние и тенденции развития // США. Канада. Экономика. Политика. 2015. № 12. С. 85–101.
76. Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства дальневосточного экономического района (1858–1985 гг.) / ДальНИИСХ. Хабаровск. 1989. 336 с.
77. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело. 2015. 352 с.
78. Ушачёв И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе экономики России: основные направления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 4. С. 5–9.
79. Ханчук А.И., Ломакина Н.В., Иванов В.В. Научно-технологическое обеспечение долгосрочного развития минерального сектора дальневосточной экономики // Вестник ДВО РАН. 2012. № 5. С. 113–121.
80. Хрусталева Е. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2013–2014 годы // Золото и технологии. 2015. № 2. С. 20–24.
81. Шевелуха В. Кто сказал, что земля умирает? // Природа и человек. XXI век. 2008. № 7. С. 16–19.

82. Шейнгауз А.С. Лесопользование: непрерывное и равномерное или экономически обусловленное? // Лесная таксация и лесоустройство. 2007. № 1(37). С. 157–167.
83. Шейнгауз А.С. Устойчивое развитие и природопользование российского Дальнего Востока // Шейнгауз А.С. Избранные труды. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. С. 150–157.
84. Шелепа А.С. Аграрная политика региона в современных условиях. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2004. 174 с.
85. Шелепа А.С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития. Хабаровск: ХГАЭП, 2006. 184 с
86. Шелепа А.С. Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 58–70.
87. Шунтов В.П. Состояние биоты и биоресурсов морских экосистем дальневосточной экономической зоны России // Вестник ДВО РАН. 2009. № 3. С. 15–22.
88. Экономика регионов. Хабаровский край / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН. 2014. 400 с.
89. Annual Report on Forest and Forestry in Japan. Fiscal Year 2015. (Summary). Forestry Agency of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. 2015. URL: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/index.html#Annual> (дата обращения: август 2017).
90. Biennial Review and Assessment of the World Timber Situation 2013–2014. International Tropical Timber Organization. URL: http://www.itto.int/annual_review/ (дата обращения: сентябрь 2017).
91. Resources and Environment. Department of International Cooperation Ministry of Science and Technology the People's Republic of China. 25.01.2016 URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/> (дата обращения: апрель 2016).
92. Solid Wood Annual 2012. GAIN Report Number: CH12045. Date: 7/25/2012. Global Agricultural Information Network. URL: <http://gain.fas.usda.gov> (дата обращения: апрель 2016).

Научное издание

Н.Е. Антонова, Л.В. Волков, Н.В. Ломакина, Г.И. Сухомиров

**РЕСУРСНЫЕ ОТРАСЛИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ
И ВНЕШНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Под редакцией *Н.Е. Антоновой, Н.В. Ломакиной*

Ответственная за выпуск *Л.А. Самохина*

Сдано в набор 16.10.17. Подписано к печати 11.12.17.
Формат 60х90/8. Уч.-изд. л. 9,5.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru